

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

4(110)

Выходит 4 раза в год. Год издания 17-й

Октябрь–декабрь 2011

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Т.Е. Ворожейкина
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Б.В. Дубин
(зам. главного редактора)
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Г.А. Стерликова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 3, 18, 31, 96

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СЕГОДНЯ

Александр ВЕРХОВСКИЙ. Современное дискурсивное
противостояние русских националистов и федеральных властей 5

Гордей ЯСТРЕБОВ. Характер стратификации российского
общества в сравнительном контексте 19

Людмила ХАХУЛИНА. Доверие бизнес сообщества
арбитражным судам и оценка арбитражной судебной системы 32

Лев ГУДКОВ, Борис ДУБИН, Наталия ЗОРКАЯ. Оъезд
из России как социальный диагноз и жизненная перспектива 46

Максим РУДНЕВ, Владимир МАГУН. Ценностный консенсус
и факторы ценностной дифференциации населения России
и других европейских стран 81

Вера ЗВЕРЕВА. Дискуссии о советском прошлом
в сообществах сети «В Контакте» 97

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Владимир ПАНИОТТО. «Кризис в методах опроса
и пути его преодоления»: соображения по теме
международной конференции 113

Авторы номера 115

SUMMARY 116

Список статей, опубликованных в 2011 году 118

Ответственный редактор
выпуска *Б.В. Дубин*

Редактор, корректор
В.Я. Мордерер

Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел. : (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru, <http://www.levada.ru>

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

4(110)

Quarterly

October–December 2011

Yuri Levada
Analytic Centre
(Levada-Centre)

**The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences**
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(*Chair*)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Tatyana Vorozheikina
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov
(*Editor-in-Chief*)
Boris Dubin
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Natalia Zorkaya
(*Executive Secretary*)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS 3, 18, 31, 96

RUSSIAN SOCIETY TODAY

Contemporary Discursive Confrontation of Russian Nationalists
and Federal Authorities (Alexander Verkhovsky) 5

The Character of the Russian Society Stratification
in Comparative Context (Gordey Yastrebov) 19

Business Community Confidence in Courts of Arbitration
and Evaluation of Arbitration Judicial System (Lyudmilla Khakhulina) 32

Leaving Russia as a Social Diagnosis and Life Perspective
(Lev Gudkov, Boris Dubin, Natalya Zorkaya) 46

Value Consensus and Determinants of Value Differentiation
in Russia and Other European Countries
(Maxim Rudnev, Vladimir Magun) 81

Discussions of the Soviet Past in the Net Community
«In Contact» (Vera Zvereva) 97

SCIENTIFIC LIFE

«Crisis in Survey Methods and the Ways of its Overcoming»:
Considerations on the theme of International Conference
(Vladimir Paniotto) 113

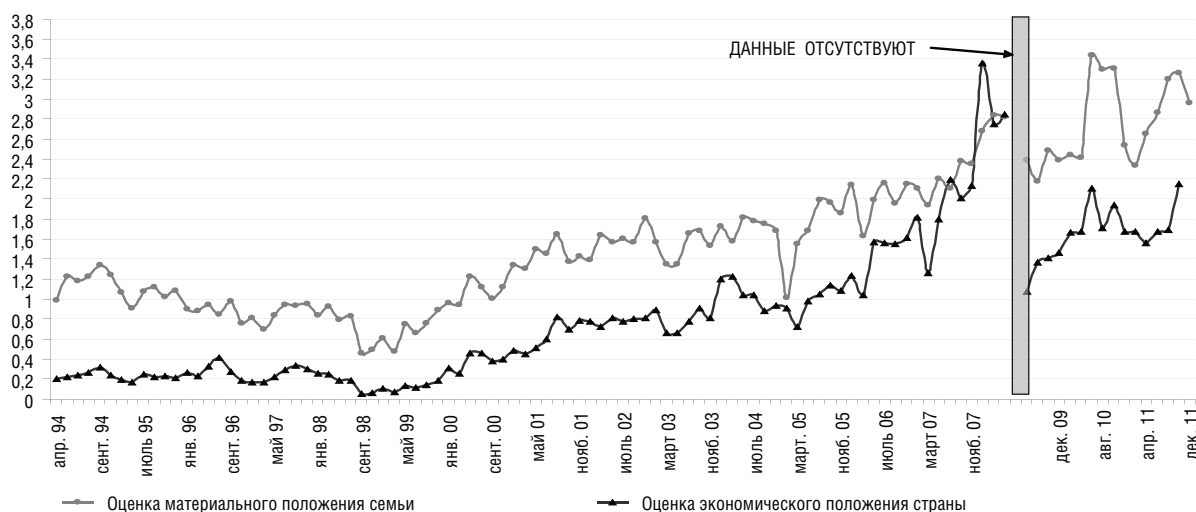
Authors of the issue 115

SUMMARY 116

List of papers published in 2011 118

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

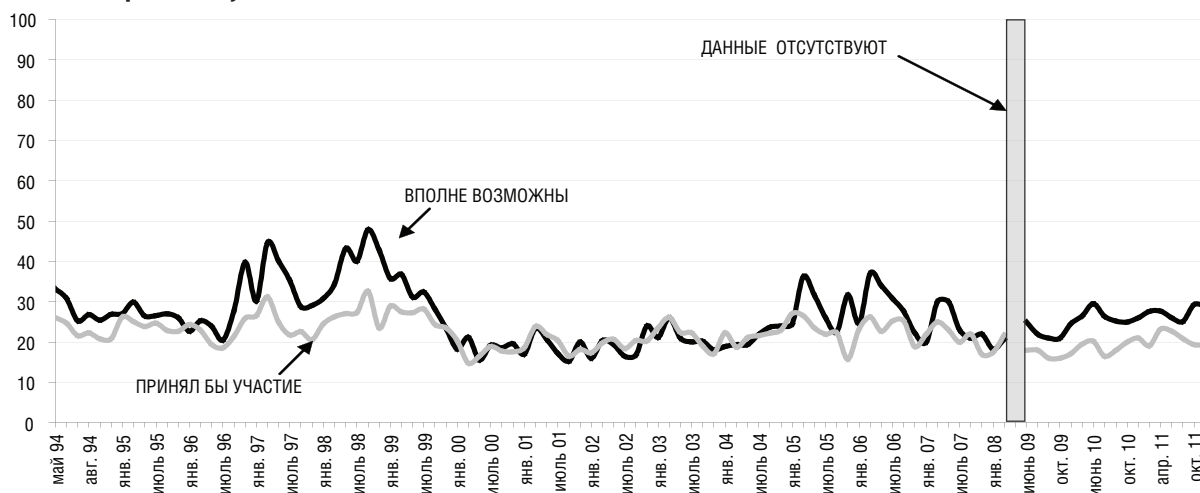
1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ (соотношение давших положительную — «хорошее» и «среднее» — и отрицательную — «плохое» и «очень плохое» — оценку; затруднившиеся с ответом не учитываются)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

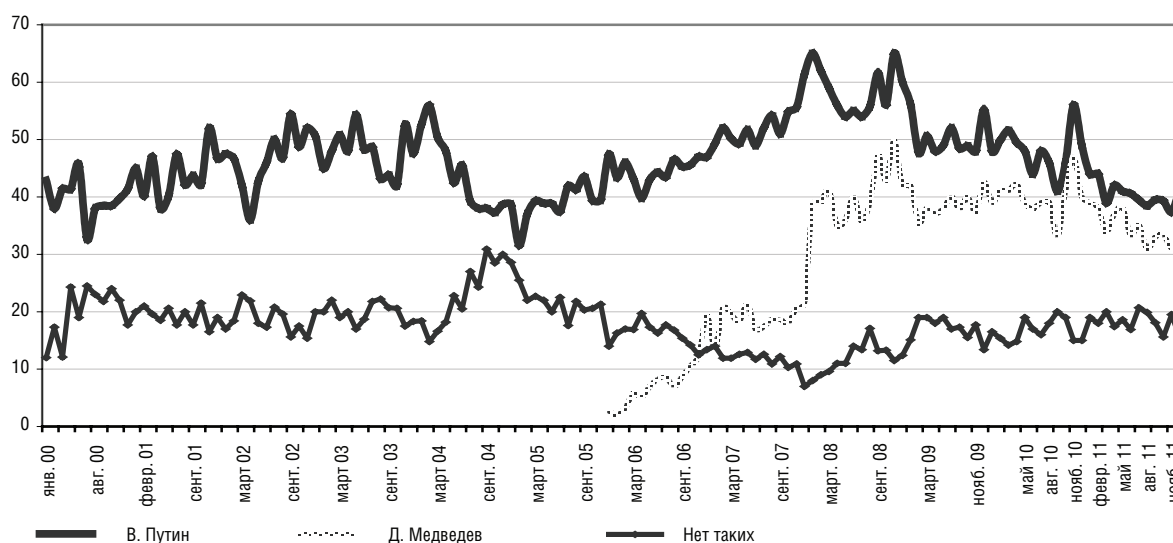
2. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?»; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

Доверие к Д. Медведеву и В. Путину (в % от числа опрошенных)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, 5–6 ПОЛИТИКОВ, КОТОРЫМ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ (в % от числа опрошенных, приводятся данные о доверии политикам, собравшим хотя бы в одном замере не менее 3%)

Вариант ответа	2008			2009			2010			2011			
	I	VI	XII	I	VII	XII	I	VII	XII	I	VII	XI	XII
Голикова Т.	1	1	2	2	2	4	2	2	4	3	4	3	2
Грызлов Б.	3	3	4	4	3	4	4	4	3	4	3	2	3
Жириновский В.	10	7	9	10	11	11	9	10	11	10	14	15	16
Зубков В.	14	6	2	2	2	2	2	3	3	2	2	2	2
Зюганов Г.	9	9	7	9	9	10	8	9	8	9	11	15	15
Иванов С.	23	13	7	7	6	4	3	6	4	5	3	1	2
Кудрин А.	1	1	1	1	3	3	2	3	3	3	2	2	6
Лавров С.	2	3	4	6	6	6	4	6	4	6	8	3	4
Лужков Ю.	8	6	7	6	8	5	3	4	1	2	1	1	1
Лукашенко А.	2	4	5	3	4	4	2	2	3	2	2	2	2
Матвиенко В.	3	4	7	4	6	7	3	3	5	3	8	4	5
Медведев Д.	39	40	42	42	41	43	39	39	40	39	35	31	31
Миронов С.	5	3	4	3	3	5	4	3	3	3	5	6	10
Патриарх Кирилл	-	-	-	-	-	-	-	-	10	8	7	5	6
Примаков Е.	4	3	3	2	3	5	4	3	4	4	4	3	4
Путин В.	65	55	60	56	53	55	48	48	49	44	40	37	41
Собянин С.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	3	6
Тулеев А.	4	4	5	3	4	5	3	4	3	4	5	3	4
Хакамада И.	2	2	2	2	2	2	1	1	1	1	4	2	3
Шойгу С.	17	16	14	13	16	17	13	15	13	15	21	10	12
Нет таких	8	14	12	15	15	13	17	16	15	19	21	20	15
Не интересуюсь политиками, политикой	10	12	9	14	13	12	14	17	15	15	15	18	15
Затрудняюсь ответить	5	6	6	6	6	5	6	6	6	7	5	6	5

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СЕГОДНЯ

Александр ВЕРХОВСКИЙ

Современное дискурсивное противостояние русских националистов и федеральных властей

2000-е годы: националисты и власть. 2000-е годы во многом проходят в России под знаком все более интенсивной полемики по тем социальным проблемам, которые могут быть интерпретированы как этнические (и уж тогда они в сегодняшней России обязательно интерпретируются именно таким образом). Но прежде чем перейти к собственно рассмотрению дискурсивных практик, нужно сказать несколько слов о том политическом фоне, на котором они разворачиваются.

Прошедшее десятилетие началось резким подъемом массовой этно-ксенофобии¹, причем достигнутый в 2000 году уровень с тех пор практически не менялся. В первые годы десятилетия тема расистского насилия вошла в сферу общественного внимания из-за серии погромов на рынках. Одновременно на уровне радикально-националистических групп и в массмедиа в качестве главной темы была осознана тема миграции (как иммиграции, так и внутренней миграции «не славян»)². Немедленно вслед за этим соответствующая риторика была подхвачена ЛДПР Владимира Жириновского, а затем — парламентским блоком «Родина». С тех пор антимигрантская тематика и этнонационалистическая политическая мобилизация сделали заметные успехи, несмотря на достаточно жесткие ограничения сверху. Все десятилетие прошло под флагом конкуренции двух основных течений в русском национализме — «имперского» и этно-националистического,

и сейчас второе демонстрирует явно большую динамичность и успехи³.

Основные сюжеты были за эти годы обкатаны практически до автоматизма, и постепенно свелись к началу нового десятилетия ровно к двум риторически взаимосвязанным темам — «этнобандитизму» и «проблеме Кавказа», причем последняя понималась не столько как проблема Северного Кавказа как региона, сколько как проблема выходцев с Кавказа в других частях России. Националистическая оппозиция все настойчивее в последние годы добавляла к этим темам резкую критику властей — как коррумпированных, антинародных или даже антирусских и служащих «иногородцам»⁴.

Трудно сказать, сужали ли националисты тематику своих выступлений, идя навстречу интуитивно ощущаемым настроениям общества в целом, или эти настроения формировались в значительной степени агитацией националистов, но несомненно, что в начале 2010-х годов мы видим, что массовые настроения представляют собой лишь более аморфную копию агитации русских этно-националистов. Мы видим очень высокий уровень массовой этно-ксенофобии, особенно среди молодежи и особенно в обеих столицах, что политически очень значимо. Причем, если поддержка политиче-

¹ Гудков Лев. «Россия для русских»: ксенофобия и антимигрантские настроения в России // Нужны ли иммигранты российскому обществу? М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 31–78.

² Там же. См. также: Этническая и религиозная интолерантность в российских СМИ. Результаты мониторинга 2001–2004 гг. / Под ред. А. Верховского и Г. Кожевниковой. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2005.

³ Эта тема, конечно, нуждается в более подробном обсуждении. См.: Верховский А. Эволюция постсоветского движения русских националистов // Вестник общественного мнения. 2011. №1 (107). С.11–35.

⁴ Вот, например, заголовок новости на сайте Движения против нелегальной иммиграции: Правящие национал-предатели готовят новый антирусский закон // Сайт ДПНИ. 2008. 11 октября (<http://www.dpni.org/articles/kommentari/10230/>).

Но власть могут и прямо назвать «антирусской». См.: 13 марта — приходи на избирательный участок! Вырази свое отношение к партии воров и жуликов! // Там же. 2011. 9 марта (http://dpni.org/articles/novosti_dp/21023/).

ских лозунгов сравнительно стабильна, то само по себе ощущение этнической враждебности — своей к другим или других к себе — заметно выросло в 2010–2011 годах (до исключительного уровня 2004 года)¹. Враждебность фокусируется на выходцах с Северного Кавказа и «нелегальных мигрантах из стран СНГ», т.е. из Закавказья и Средней Азии² (но кавказофобия начинает перевешивать мигрантофобию, особенно в молодежной среде³). Важно и то, что именно называется как основные раздражающие факторы. Половина опрошенных причин своей неприязни, как правило, назвать не может, а из остальных лишь меньшинство указывает на такие причины, как угроза терроризма или конкуренция, большинство же говорит о различии в нормах поведения, о «неуважении к обычаям» и т.п.⁴ Еще более определенно высказались некие эксперты, привлеченные агентством «Политех» для исследования в нескольких регионах: опрос экспертов выявил корреляцию отношения к этнической группе фактически только с особенностями ее поведения⁵. Фокусировка на «культурном различии» подразумевает нерешаемость «проблемы инородцев»: фактически, говорится, что либо «они» станут вести себя, как «мы» (на чем основана много обсуждавшаяся в 2010–11 гг. идея «кодекса москвича»⁶), либо «они» должны уехать.

Однако есть реальная проблема, которая и в самом деле представляется настолько запу-

¹ См. например: Национализм в России // Левада-центр. 2011. 6 сентября (<http://www.levada.ru/press/2011090601.html>); Следует ли ограничить проживание на территории России людей следующих национальностей? (Да) // Там же. 2010 (<http://www.levada.ru/archive/mezhetnicheskoe-otnosheniya/sleduet-li-ogranichit-prozhivanie-na-territorii-rossii-lyudei-sl>).

² См. данные опроса ВЦИОМ в докладе Министерства регионального развития: О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе // Сайт Министерства регионального развития. 2011. Февраль (http://www.minregion.ru/activities/interethnic_relations/national_policy/505/902.html) (Далее — «Доклад Минрегиона»). С. 15–17.

³ В опросе молодых горожан: неприязнь к кавказцам выразили 39% опрошенных (даже больше, чем к милиционерам — 27%), а к иностранным рабочим — 20%. Эти данные приведены в опросе агентства «Политех», сделанном по заказу Общественной палаты РФ. См.: Межнациональная нетерпимость в городской молодежной среде (по следам событий на Манежной) // Сайт Общественной палаты РФ. 2011. Апрель (<http://www.oprf.ru/files/oprosmolodezh.pdf>) (далее — «Опрос Политеха»). С. 48–49.

⁴ Там же. Стр. 17. Во взрослой выборке в цитируемом выше опросе Левада-центра «Национализм в России» картина чуть мягче, но похожая.

⁵ Там же. Стр. 21–30.

⁶ Дискуссия началась с этого интервью московского чиновника: Пятилетова Любовь. Москвичи пяти морей. Михаил Соломенцев: Ставку нужно делать на то, что объединяет жителей столицы // Российская газета. 2010. 16 июня.

щенной, что есть серьезные сомнения, что она может быть разрешена — это проблема Северного Кавказа. Дело не только в тех проблемах, о которых чаще всего говорят, — терроризме, подъеме радикального исламизма, чрезмерном уровне криминализации и коррупции, высочайшей безработице. Регион, похоже, не только не сближается с остальным российским обществом по своему социальному устройству, но отдалается от него. Он и управляется, особенно в Дагестане и в Чечне, настолько специфически, что трудно представить, будто это часть той же страны, — эти республики больше похожи на проблемные колонии. И совершенно не похоже, чтобы политика федеральных властей была достаточна, чтобы переломить этот тренд дезинтеграции региона. Большинство граждан, естественно, не думают в терминах интеграции, они обеспокоены, как сказано выше, терроризмом и «плохим поведением» выходцев с Кавказа за его пределами. Дошло до того, что в упомянутом опросе агентства «Политех» 26% опрошенных молодых людей высказались за отделение Кавказа от России, даже будучи явно предупреждены интервьюером, что это может привести к распаду России. 14% не определившихся мотивировали свою позицию чаще всего тем, что отделение территории не поможет, так как выходцы с Кавказа все равно останутся в России⁷. Опрос «Левада-центра» на ту же тему, но применительно только к Чечне и проводимый без возрастного ограничения, дал сходные результаты: 11% считают Чечню и так отделившейся, 23% были бы рады отделить, а 28% это скорее все равно⁸.

Среди русских националистов тема отделения Северного Кавказа обсуждается давно и преимущественно сочувственно. Но на уровне лидеров эта идея осознается как очень проблематичная в реализации и потому не пользуется широкой поддержкой. Вместо идеи отделения был выдвинут практически единодушно поддержанный в их среде лозунг «Хватит кормить Кавказ!», означающий требование прекратить прямую и косвенную поддержку региона из федерального бюджета⁹. Этот лозунг широко ис-

⁷ Опрос Политеха. Стр. 52–54.

⁸ Интересно, что сумма первых двух чисел, то есть процент тех, кто вполне готов на отделение Чечни, бывал и повыше — в 2002–2005 гг., но вот процент равнодушных гораздо выше, чем раньше. В сумме в опросе 2011 года все они составили 62%, что является абсолютным максимумом. Данные предоставлены автору Левада-Центром.

⁹ Сейчас республики Северного Кавказа — одни из самых зависимых от дотаций из федерального бюджета, хотя лидируют по этому показателю все равно регионы Дальнего Востока.

пользуется в надежде достучаться, наконец, до умов обычных ксенофобно настроенных граждан, которые сейчас в массе своей совершенно не поддерживают движение националистов; и пока, судя по посещаемости соответствующих митингов, данные усилия тщетны.

Довольно широкий коллектив авторов подготовил также специальную брошюру-доклад «Кавказ-2011: русский взгляд»¹, выдержанную в достаточно умеренном тоне. Впрочем, «для своих» лозунг может быть трансформирован в «Кавказ будет голодать!», как автору довелось услышать на митинге националистов 11 июня 2011 г. Собственно вариант отделения Кавказа рассматривается авторами доклада как запасной – на случай, если не удастся принудить регион к ассимиляции.

Против отделения выступили также основные лидеры движения «Русские», созданного в мае 2011 года на базе Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ), «Славянской силы» (бывший «Славянский союз», переименован в связи с запретом), «Национал-социалистической инициативы» и других организаций помельче. Эти лидеры даже посетили в июле 2011 года Чечню с официальным визитом, где были приняты главой республики Рамзаном Кадыровым. Обе стороны переговоров, несомненно, рассматривали их как успех в деле закрепления своей роли «этнических вождей», что для них чрезвычайно важно. Александр Белов и Дмитрий Демушкин говорили после поездки, что они восхищены тем, как Кадыров управляет республикой, а отделение региона не может решить имеющихся проблем².

Власти в течение 2000-х годов по-разному реагировали на активность националистов и на все более настойчивый поворот общественного мнения в сторону острой проблематизации этнической тематики. В 2003-2006 гг. проводился эксперимент с блоком «Родина», который призван был подконтрольно аккумулировать ксенофобные настроения и значительную часть националистической активности. Эксперимент явным образом провалился и был свернут. Позже, в 2007-2009 гг. он был в меньшем масштабе повторен с прокремлевскими молодежными движениями, которые копировали риторику и отчасти практику ДПНИ и других публично

действующих этнонационалистов. Одновременно предпринимались усилия по разделению радикальных националистов на более и менее радикальных. Но и эти эксперименты были прекращены во второй половине 2009 года именно потому, что удерживать ультраправую стихию под контролем не удавалось³. Одновременно с середины десятилетия начала понемногу разворачиваться реальная борьба с расистским насилием, достигшая (вероятно) пика в 2010 году, когда 320 человек были осуждены за такие преступления⁴.

И все это время официальный дискурс складывался из двух компонент. Первая – противодействие экстремизму. Этот дискурс защиты власти и подавления политических оппонентов любого рода тесно связан с соответствующим законодательством и его весьма проблематичным применением⁵, что не является темой данной статьи. Вторая компонента – разрешение «межнациональных конфликтов», была унаследована еще с советских времен⁶. Помимо неудачного использования слова «нация», обозначающего в советском и современном российском политическом языке этническое сообщество, здесь важна сама идея конфликта, который подразумевает некие этнически организованные стороны. Ситуация нападения десятка идейных расистов на одного или двоих прохожих резко повышается, таким образом,

³ Кожвникова Галина. Ультраправые тенденции в прокремлевских молодежных движениях // Русский национализм между властью и оппозицией. М.: Центр «Панорама», 2010. С. 4–17.

⁴ Актуальная статистика может быть всегда получена на сайте Центра «Сова» (<http://sova-center.ru/database>), а также в приложении к последнему докладу по проявлениям радикальной ксенофобии, доступному на сайте Центра «Сова». В печатном виде см. приложения в: Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2010 году. М.: Центр «Сова», 2011.

⁵ Последний ежегодный доклад: Розальская Мария. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2010 году // Там же. С. 73–97. Новости и доклады по этой теме можно также найти на сайте Центра «Сова» в разделе «Неправомерный антиэкстремизм» (<http://sova-center.ru/misuse>).

⁶ Александр Осипов писал: «В советский период основным идеологическим клише, обозначавшим направленность государственной политики в этой области, была "дружба народов". В конце 80-х – начале 90-х годов акценты заметно сместились, и прежний тезис стал высказываться через отрицание – как предотвращение и урегулирование конфликтов. Сама по себе эта формула не несет в себе определенного содержания, но обеспечивает основу для множества риторических приемов, позволяющих оправдать социальную инженерию разного характера и разной направленности». Осипов А. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук. СПб: "Алетейя", 2002. С. 45–69.

В более широком контексте А. Осипов рассматривает советское концептуальное наследие в: Он же. Равноправие без границ // Неприкосновенный запас. 2011. №4.

¹ Текст доклада доступен на сайте журнала умеренного крыла русских этнонационалистов: Кавказ-2011: Русский взгляд // Сайт журнала «Вопросы национализма» (<http://vnatio.org/archiv-nomerov/node82/>).

² Александр Белов: "Давайте восстанавливать Россию!" // АПН.ру. 2011. 12 июля (<http://www.apn.ru/opinions/article24469.htm>).

в статусе и имплицитно предполагает необходимость переговоров между соответствующими «этническими сторонами». Такие переговоры часто назывались и называются в общественных дискуссиях как способ решения проблемы, они даже реально происходили в виде встреч руководства так называемых «этнических диаспор» и лидеров русских этнонационалистических организаций (крайний случай — официальные переговоры властей Кыргызстана с неонацистской организацией «Славянский союз»¹).

Если основной темой этнонационалистической пропаганды последние десять лет остается тема «засилья мигрантов», резонно было бы ожидать, что в этой сфере власть что-то ответит на столь настойчивую критику. Основным ответом власти, кроме эпизодических разъяснений экономической необходимости иммиграции и заклинаний о соблюдении законности, стала политика регионального квотирования трудовой миграции. Ее полная оторванность от экономической реальности выдавала именно пропагандистский характер этой меры (коррупционные выгоды от квотирования доставались все-таки скорее чиновникам местного и регионального, а не федерального уровня).

Другой важнейшей темой этнонационалистов является «этнобандитизм», то есть якобы особая криминальная активность этнических меньшинств, и здесь следовало бы ждать ответа со стороны правоохранительных органов. В полиции не существует официальной статистики, учитывающей этничность преступников, поэтому дать такой ответ непросто. Есть статистика по гражданству, и она в целом играет против этнонационалистов: 3-4% выявленных преступников — неграждане², что примерно соответствует их количеству в стране³, но эта статистика очень редко упоминается. Зато время от време-

ни можно даже от самых высокопоставленных руководителей правоохранительных органов услышать, что именно мигранты провоцируют ухудшение криминогенной ситуации. Правда, здесь существенный вклад вносят журналисты, передающие высказывания и особенно статистические данные таким образом, чтобы создать максимально тревожное впечатление (основная ошибка, намеренная или нет, заключается в смешении данных об иммигрантах и о «не местных» среди преступников)⁴. В сущности, таких выступлений со стороны чиновников не так уж и много, но тиражируются именно они, поэтому можно предположить, что такие высказывания соответствуют ожиданиям большинства пишущих на эти темы журналистов. Но, возможно, дело также в том, что внятных высказываний, разъясняющих, что мигранты не являются ключевой проблемой преступности, с анализом по разным типам преступлений, по регионам и так далее, вовсе не видно.

Таким образом, в теме, которую можно назвать «миграция как проблема», власть фактически не противостоит этнонационалистам. Неожиданный этот консенсус обществом воспринимается как тупик: проблема обозначена, много раз повторена, но решения не предлагаются. На самом деле, они предлагаются. С одной стороны, выступают сторонники массовой депортации, закрытия границ, введения визового режима со странами СНГ и так далее, но выступают сравнительно тихо из-за маргинального политического статуса и ограничений в доступе к массмедиа. С другой стороны, выступают сторонники разработки программ интеграции и последовательной борьбы с дискриминацией, но их голос и подавно слишком тих. Предложения же чиновников разного уровня повторяются почти дословно из года в год и явно не сопровождаются какой-то заметной общественной практической деятельностью, поэтому они просто игнорируются, либо устаиваются саркастических комментариев. В результате в масс-медиа все большее распространение приобретает жанр безнадежной кон-

¹ Не вести переговоров с неонацистами! // Центр «СОВА». 2009. 30 января (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2009/01/d15173/>).

² Судя по официальным данным МВД. См. например: Состояние преступности — январь-декабрь 2010 год // Сайт МВД (http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_88233/).

³ Летом 2011 года Владимир Путин сказал: «По разным данным, у нас, в России, сейчас проживает где-то от 7 млн. до 10 млн. иммигрантов». См.: Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин встретился с представителями конфессий и национально-культурных общественных организаций // Сайт Премьер-министра. 2011. 20 июля (<http://premier.gov.ru/events/news/15972/>).

Если считать, что Путин не назвал бы иммигрантами тех, кто уже получил гражданство, и если даже взять меньшую цифру из названных, получается, что неграждане совершают преступления даже несколько реже граждан. Возможно, этот баланс несколько выравнивается за счет нераскрытых преступлений.

⁴ Все это рассмотрено на примере одного из выступлений председателя Следственного комитета Александра Бастрыкина в: Бессуднов Алексей. Зачем прокуратура приписывает иностранцам лишние преступления // Слон.ру. 2009. 25 мая (<http://slon.ru/articles/35786/>).

Само выступление А. Бастрыкина (далеко не единственный, но показательный пример) см.: Выступление Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации Бастрыкина А.И. на межведомственном совещании по вопросам противодействия преступности мигрантов и совершенствования форм и методов миграционной политики // Сайт Следственного комитета РФ. 2009. 21 мая (<http://www.sledcom.ru/actual/4637>).

статации тупика так называемой «национальной политики»¹.

Реакция общества на беспорядки на Манежной площади. Беспорядки, организованные радикальными националистами на Манежной площади, и другие связанные с ними события декабря 2010 года² резко подняли статус и эмоциональный градус всех дискуссий, так или иначе касающихся темы этничности. Эта тема стала претендовать на то, чтобы быть одной из ключевых в наступившем 2011 году и, соответственно, в федеральных выборах – парламентских и президентских. Но современная российская политическая система не предполагает открытой полемики в «большой политике», если таковая не допущена Кремлем. Поскольку участие националистических партий в «большой политике» было явным образом исключено с 2006 года (да и сами эти партии исчезли), дискуссия именно о расизме, миграции и тому подобных темах оказалась сильно деформирована. Резкий контраст между массовым запросом на тему и отсутствием адекватной дискуссии по ней бросается в глаза.

Деформирована не только политическая система в целом, но и само движение националистов. Лишение доступа к выборам, да и качество этих выборов, резко снижают в глазах новых активистов ценность собственно политического активизма. А ведь движение является преимущественно молодежным и быстро пополняется именно новыми возрастными когортами. Эти молодые люди либо быстро разочаровываются и возвращаются в частную жизнь, ибо обращаются к насильственным действиям как к наиболее доступной альтернативе (правда, эта альтернатива тоже проблематична, что активно обсуждается в ультраправой среде). Впрочем, надо сказать, что и без давления со стороны властей движение русских националистов испытывает крайний дефицит кадров, не ориентированных на насилие. А уж людей, готовых осуждать так называемое прямое действие, вообще почти нет³. Эта специфически российская проблема существенно понижает возможность

движения националистов влиять на общественную полемику.

Вместо националистов, наиболее интеллектуальная часть которых способна связно излагать свое видение проблем и формулировать свои предложения, те же идеи для общества транслируют другие акторы, далеко не всегда связанные с националистами напрямую.

Особую роль играют некоторые журналисты, специализирующиеся на тематике «защиты русских». Именно они порождают и доносят до широкой аудитории интерпретации множества конфликтов и проблем именно как «межэтнических». Особенно часто это случается после публикации громкой новости, в которой этнический фактор действительно сыграл значимую роль, – журналисты пытаются найти подобные события. Так формируется восприятие любых конфликтов, вовлекающих разноэтнических людей, как межэтнических. Это восприятие, кажется, уже стало почти общепринятым.

Наиболее показательный недавний пример – освещение конфликта в деревне Сагра Свердловской области. Фактическая канва весьма проста: некоторые жители деревни вступили в конфликт с местным наркоторговцем – тот вызвал на подмогу неких бандитов – бандиты приехали 1 июля 2011 г. в село на нескольких машинах и с оружием – на подходе жители села оказали им вооруженный отпор, в перестрелке один из бандитов был убит, – начавшееся следствие велось достаточно вяло, была даже попытка возложить вину на стрелявших крестьян, а не на бандитов. Однако уже первоначальное освещение конфликта было ярко этнически окрашено. Автор растиражированных сообщений, глава организации «Город без наркотиков» Евгений Ройзман, известный не только экстремальными методами «лечения» наркоманов, но и многочисленными расистскими высказываниями, акцентировал, что наркоторговец был цыганом, крестьяне – русскими, а бандиты – азербайджанцами, а коллега Ройзмана Евгений Маленкин, на которого он ссылался, уже прямо называл бандитов «зверьками»⁴. И в подавляющем большинстве последующих текстов, в которых упоминалась Сагра, она упоминалась именно как пример «межнационального конфликта», с большим или меньшим акцентом на критику полиции, хотя даже в первоначальных

¹ Яркий пример в ряду многих: *Речкалов Вадим*. Пока я добрый // Московский комсомолец. 2011. 4 августа.

² Сравнительно подробно они описаны в: *Кожевникова Галина, Верховский Александр*. Призрак Манежной площади: радикальный национализм в России и противодействие ему в 2010 году // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2010 году. М.: Центр «Сова», 2011. С. 24–29.

³ Подробнее об этом я писал в: *Верховский А.* Эволюция постсоветского движения русских националистов...

⁴ Первоначальные сообщения в ЖЖ: Звери заблудились // Живой журнал Е. Маленкина. 2011. 4 июля (<http://malenkin.livejournal.com/190699.html>); Съездили // Живой журнал Е. Ройзмана. 2011. 4 июля (<http://roizman.livejournal.com/1197298.html>).

сообщениях «Города без наркотиков» не было и речи о том, что конфликт был как-то мотивирован этнической враждой, — это было именно нападение бандитов на село.

Примечательно, насколько единодушным было такое понимание истории в Сагре, в сравнении с интерпретациями событий на Манежной площади. Тогда, несмотря на ярко выраженную этническую вражду участников, многие комментаторы стремились увести этническую тему на задний план¹.

Встречаются также случаи, когда журналисты прямо выступают с программными статьями националистического толка, что всегда привлекает внимание, если речь идет о популярном издании. Например, после событий на Манежной площади, известный журналист Дмитрий Соколов-Митрич опубликовал статью², основанную, что примечательно, не на защите интересов этнических русских, а на защите «атомизированных» горожан — от диких кавказцев, живущих по другим законам и постепенно, исподволь захватывающих власть в российских городах. Автор предлагает начать «юридический террор» против выходцев с Кавказа, максимально наказывая их за любые провинности с тем, чтобы воспитать в них таким образом уважение к общегражданским нормам поведения. Интересно, что автор ничуть не смущается расистской избирательности предлагаемых мер (ничуть не смущается и редакция одной из самых многотиражных газет страны), более того, он, кажется, уверен, что именно это имелось в виду при введении, например, в Нью-Йорке политики «zero tolerance», и полагает, что именно этого хочет большинство граждан, поддерживая лозунг «Е...ть Кавказ! Е...ть!».

Риторика «межнационального конфликта» активно поддерживают, сознательно или по инерции, многие общественно значимые фигуры. Стоит выделить в их ряду лидеров основных религиозных организаций. Традиционно в современной России религиозные и этнические идентификации не просто смешиваются, но это смешение институционализируется. Например, в Межрелигиозном совете России представлены только так называемые «традиционные религии» (православие, ислам, буддизм и иудаизм), которые отличаются от почти всех остальных именно тем, что могут указать на свой «этнический ареал», не пересекающийся в идеале с «эт-

ническими ареалами» партнеров по этому совету. Разделение «ареалов» не просто существует в реальности (исключения существуют, но немногочисленны), но и постоянно подчеркивается религиозными лидерами. После событий на Манежной площади представитель Русской православной церкви протоиерей Всеволод Чаплин предложил создать межконфессиональные рабочие группы для умиротворения «межнациональных конфликтов». Это предложение крайне нереалистично. Тем удивительнее, что президент Медведев согласился с предложением отца Всеволода на заседании президиума Государственного совета 11 февраля 2011 г.

Предлагаемое миротворчество не просто имплицитно основано на концепте «межнационального конфликта», но и заведомо переводит участников бывших или будущих беспорядков из статуса хулиганов, а то и уголовников (к которым власти и общество могут отнестись с большей или меньшей снисходительностью, в зависимости от обстоятельств) в статус легитимных представителей своего «народа»³. В достаточно откровенной форме эту мысль выразил умеренный в целом человек, де-факто являющийся одним из наиболее слышимых голосов Русской православной церкви, — диакон Андрей Кураев. По поводу беспорядков на Манежной площади он сказал: «Погром всегда — реакция беззащитных, которые устали надеяться на защиту со стороны властей»⁴.

Не могут пройти мимо востребованной в обществе тематики национализма и парламентские партии. Проще всего уклониться от запросов общества принципиально безыдейной правящей «Единой России», и на прежних выборах она заметно отставала от оппонентов по количеству языка вражды в агитации⁵. Само собой, всегда подхватывает ксенофобную риторику ЛДПР, изначально выступавшая как националистическая партия и лишь со временем растерявшая свою принципиальность. Хотя к парламентским выборам 2011 года и ЛДПР выступила несколько откровеннее прежнего: она

¹ См., например, в том же Докладе Политеха.

² Соколов-Митрич Дмитрий. Манежное правосудие // Комсомольская правда. 2010. 13 декабря.

³ См. Рекомендации совещания представителей синодального Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества и молодежных общественных объединений // Интерфакс-религия. 2011. 20 января (<http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=1077>).

⁴ «Протест на Манежной — это крик боли и отчаяния», — заявил протодиакон Андрей Кураев // Православие.ру. 2010. 13 декабря (<http://www.pravoslavie.ru/news/43453.htm>).

⁵ Кожевникова Галина. Язык вражды и выборы: федеральный и региональный уровни. По материалам мониторинга осени-зимы 2007–2008 годов. М.: Центр «Сова», 2008. С. 56–70.

не просто привлекала отдельные группы радикальных националистов к сотрудничеству на периферии партийной жизни, но создала при партии «Русский комитет», в который вошли лидеры основных публично действующих организаций радикальных русских этнонационалистов. На выборы ЛДПР пошла под лозунгом «ЛДПР — за русских», но праворадикалов в собственном партийный список не взяла.

Сотрудничество других зарегистрированных партий с радикальными националистами, если и стало теснее, все равно осталось явлением для партий периферийным. Но, избегая политически рискованного (и для многих морально неприемлемого) сотрудничества с радикалами, партийные деятели сами активно подхватывают отчасти их риторику. В качестве примера можно привести лидера подмосковной организации либеральной партии «Правое дело» Бориса Надеждина, ложно обвиненного в том, что он набирает в организацию скинхедов¹. Конечно, Надеждин, представляющийся как русский либерал, не набирает людей радикальнее умеренно-националистического активиста и политтехнолога Виктора Милитарева. Но он выдвигает лозунг «Подмосковье — русская земля» и вот как разъясняет его смысл: «если, условно говоря, вы приехали сюда, пусть вы по происхождению китаец, кавказец, японец, кто угодно, и собираетесь здесь жить и чтобы ваши дети жили и внуки, вам нужно становиться русским человеком, если не по цвету лица, то по культуре, по традициям, по обычаям. Потому что здесь люди так живут испокон века». Далее Надеждин утверждал, что в Европе 20 лет практикуется мультикультурализм, а в США действует «плавильный котел», и настаивал, что единственно правильный путь — именно второй, понимаемый как полная ассимиляция, вплоть до неперменного называния детей русскими именами (правда, крестить всех Надеждин не предлагает), иначе индусы в своих поселках «будут в Оку сбрасывать своих умерших и так далее». Разумеется, концепция «почвы» касается не только иммигрантов. Если Подмосковье было и должно оставаться «ядром русского народа», то остается также добавить: «Я при этом уважаю желание чеченского народа, чтобы это (видимо, чеченская земля — *А.В.*) было ядром чеченского народа, и в Грозном мечети, и Кадыров на веки вечные и так далее. Я же туда со своим уставом не прихожу». Примечательно также, что Надеждин настаивал на

¹ Рубин Михаил. «Правое дело» начинает эксперименты с национализмом // Известия. 2011. 2 августа.

том, что люди с нерусскими фамилиями (как Ройзман или Плетосу) не могут быть русскими националистами². Таким образом, риторика Надеждина направлена на ассимиляцию, но реально работает скорее на разделение населения, в том числе граждан, по этническому и, отдельно, по этно-территориальному признакам.

Наконец, не следует думать, что так называемая «внесистемная», то есть заведомо не допускаемая в парламент, демократическая оппозиция остается в стороне от тех же процессов. Например, группа Владимира Милова, исключенная (или ушедшая, возможны разные интерпретации раскола) из движения «Солидарность» именно за склонность к националистическим идеям, продолжила деятельность под названием «Демократический выбор» и влилась в этом качестве в объединенную либерально-демократическую оппозиционную партию «ПАРНАС». В проекте программы «Демократического выбора», например, предлагалось ввести для выходцев с Северного Кавказа ограничение на въезд в другие регионы страны³.

В малочисленной и чувствующей свою слабость демократической оппозиции очень слабо действует механизм отторжения даже радикально-националистических элементов. Например, к защитникам Химкинского леса примыкали весьма радикальные ультраправые со своей символикой, и это не вызывало протестов у руководства движения⁴.

Охотно публикуемый во всех основных оппозиционно-демократических изданиях экономист и публицист Михаил Делягин уже в 2010-11 годах пытался создать национал-популистскую партию «Родина — здравый смысл» вместе с другим известным публицистом, Максимом Калашниковым, прямо назы-

² Почти дословная расшифровка беседы в прямом эфире с участием Бориса Надеждина и автора статьи см: Идеологические дискуссии в рядах партии «Правое дело» // Радио Свобода. 2011. 4 августа (<http://www.svobodanews.ru/articleprintview/24287042.html>).

³ Основные идеи «Демократического выбора» в сфере миграционной политики и политики в области межэтнических отношений // Демократический выбор. 2011. 17 марта (<http://demvybor.ru/documents/DV-migration.pdf>).

⁴ Группа местных экологов сумела превратить свою борьбу с прокладыванием автострады через подмосковный лес в символ противостояния «простых людей» и срастающегося с бизнесом чиновничества. Ультраправые группы, стремящиеся к демаргинализации и обращающиеся для этого к любым популярным темам, не могли пройти мимо Химкинского леса. См. отчет одной из таких групп о поездке в Химкинский лес: Правая Лига на защите Химкинского леса // Сайт Правой лиги. 2011. 15 мая (<http://pravliga.com/2010-09-06-16-25-32/689-2011-05-15-21-11-06>).

вавшим себя национал-социалистом¹, но даже это не сделало Делягина менее приемлемым автором. Делягин не считает себя националистом, но ситуацию в стране понимает следующим образом: «то, что сегодня официально считается «национализмом» и «экстремизмом», в основе своей является не более чем проявлением, причем чудовищно запоздалым и неимоверно слабым, инстинкта самосохранения русского народа и всей российской цивилизации в целом перед лицом чудовищной этнической агрессии, которой он подвергается». Источник и форма агрессии указаны – «нарастающий кавказский террор», также сказано, что агрессия эта, «насколько можно судить, поддерживается властью»².

Попытка корректировки курса власти с декабря 2010 года. Декабрьские события 2010 года потребовали от руководства страны как оперативной реакции, так и какой-то корректировки курса в том, что можно было бы называть «этнической политикой». Тем более что примерно пятая часть граждан в той или иной степени поддержала выступавших на Манежной³.

¹ О Калашникове существует отдельное исследование: *Мороз Евгений*. Поднявший свастику. Имперский проект Владимира Кучеренко // Центр «Сова». 2003. Ноябрь (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2003/11/d1267/>; <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2003/11/d1266/>; <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2003/11/d1265/>).

Современная самопрезентация Калашникова: *Калашников Максим*. Экономическо-организационная база «Киевской Руси-2», важнейшие вопросы – без ответов! // Большой Форум. 2008. 10 ноября (<http://bolshoyforum.org/forum/index.php?page=29>); Он же. Тоталитаризм – моп amour // Живой журнал М. Калашникова. 2009. 24 ноября (<http://m-kalashnikov.livejournal.com/239415.html>); Он же. Тезисы к будущему-6 // Там же. 2009. 7 ноября (<http://m-kalashnikov.livejournal.com/225820.html>).

² В том же выступлении содержится примечательная версия событий на Манежной площади. Во-первых, они не просто объективно спровоцированы, а сознательно организованы «правлящей бюрократией». Во-вторых, участники митинга на Манежной якобы не скандировали агрессивных лозунгов, хотя наиболее популярными, судя по всем видеороликам, были – «Ебать Кавказ, ебать!» и «За это убийство ответят ваши дети!», а исключительно выступали за справедливое правоприменение, как максимуму провозглашали «Хватит убивать русских». См.: В России идет пока холодная этническая война. Полный текст выступления директора Института проблем глобализации М.Г.Делягина на XI саммите российско-немецкого Петербургского диалога (Ганновер, Германия) // Сайт М. Делягина. 2011. 19 июля (<http://delyagin.ru/articles/18595.html>).

³ Поддержка, выявляемая в социологических опросах, конечно, весьма условна. Но и вовсе игнорировать ее нельзя. По данным Левада-центра, 22% полностью или частично поддержали выступления 11 и 16 декабря: Вы лично поддерживаете подобные выступления или осуждаете их? // Левада-центр. 2010. Декабрь (<http://www.levada.ru/archive/mezhetnicheskie-otnosheniya/vy-lichno-podderzhivayete-podobnyevystupleniya-ili-osuzhdaete-ik>).

Оперативная реакция после нескольких дней полной растерянности оказалась ожидаемой. Оба члена властного тандема высказались за жесткие и не избирательные (в этническом смысле) меры для поддержания законности. Это было действительно необходимо заявить в той ситуации, но этого было явно недостаточно.

Первым к высказываниям по существу возможной корректировки политики перешел Владимир Путин, поэтому с него мы и начнем анализ позиции правящего тандема.

Уже через несколько дней после беспорядков он встретился с лидерами футбольных хулиганов (и совершенно зря, т.к. эти лидеры продемонстрировали в декабре, что не способны контролировать значительную часть фанатов, особенно самых молодых), посетил могилу Егора Свиридова, убийство которого в уличной драке и стало поводом для беспорядков (такой шаг премьера заслуживал бы всяческого одобрения, если бы не был экстраординарным исключением в практике В. Путина; по крайней мере, на могилы убитых в многочисленных hate crimes он никогда не приезжал), и к концу декабря даже высказался за ужесточение режима регистрации по месту жительства или пребывания вплоть до уголовной ответственности за нарушения⁴. Впрочем, последнее популистское заявление не имело никаких реальных последствий. И в целом, явные попытки заигрывать с потенциальными сторонниками этнонационалистов на этом закончились, вероятно, потому что реальная угроза новых беспорядков уже миновала.

На том же заседании, где Путин высказался по поводу ужесточения режима регистрации, он высказался и в пользу идеи сплочения политической нации, правда, не используя самого этого термина. Признавая, что для создания такой нации нужно что-то объединяющее (в качестве примера было приведено идеологическое единство советского народа), Путин предложил в качестве объединяющей идеи развивать «общероссийский патриотизм», что является явной тавтологией.

В целом, рассуждения Путина так и остались в рамках «урегулирования межнациональных отношений»⁵. (Кстати, все его выступления с де-

⁴ Стенографический отчет о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике // Сайт Президента России. 2010. 27 декабря (<http://kremlin.ru/transcripts/9913>).

⁵ Известный перекоп в российском политическом языке, связанный с использованием слова «национальный» в значении «этнический», Путину присущ в полной мере, хотя и не ему одному, конечно, из политиков и чиновников. Слово «этнический» все же иногда им используется – именно как полный синоним слова «национальный». Это явно

кабря 2010 года, как-то касающиеся интересующей нас тематики, находятся в Google на слово «межнациональный». У некоторых других крупных политиков, включая президента Медведева, Google не дает столь идеального результата.) Это выражается в произнесении годами обкатанных формулировок в духе «межнационального соглашения». Хотя, следует признать, премьер-министр не избегает конкретных острых вопросов (например, о целевом наборе студентов с Северного Кавказа¹), даже если знает, что аудитория не будет рада: так, активистам Федерации независимых профсоюзов России он говорил о неизбежности дальнейшей трудовой иммиграции². Большое внимание Путин уделяет воспитанию этнической толерантности, но интерпретирует ее не через гражданскую солидарность или идею равноправия, а традиционно — то есть этнографически: «Мы всегда должны помнить, что одни из причин межнациональных конфликтов — невежество, низкий уровень образования людей, отсутствие знаний и о своей собственной культуре, и о культуре своих соседей»³. И конечно, ничего не говорится о реальных программах интеграции мигрантов, а слово «дискриминация» не встречается вовсе (что, заметим, характерно далеко не только для Путина).

В воспитательном месседже премьер-министра выделяется та же идея территориальной привязки этничности, которую декларирует, допустим, Борис Надеждин (см. выше) и которую в массмедиа обычно связывают с народной поговоркой «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». Путин неоднократно говорил о том, что человек должен адаптировать свои этнокультурные традиции под этнокультурные традиции, ассоциируемые с местом его нынешнего, постоянного или временного, проживания. «Культура межнационального об-

не рефлексировался: однажды премьер-министр использовал даже словосочетание «национальный этнический» как такой же синоним. Слово «гражданский» Путин не использует в словосочетании «гражданская нация». В текстах, относящихся к теме доклада, встречается разве что словосочетание «гражданский мир» или, чаще, «гражданский и межнациональный мир» (иногда еще и «межконфессиональный»).

¹ Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин принял участие в межрегиональной конференции партии «Единая Россия» на тему «Стратегия социально-экономического развития Северного Кавказа до 2020 года. Программа на 2010-2012 годы» // Сайт Премьер-министра. 2010. 6 июля (<http://premier.gov.ru/visits/ru/11295/events/11301/>).

² Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин выступил на VII съезде Федерации независимых профсоюзов России // Там же. 2011. 12 января (<http://premier.gov.ru/events/news/13844/>).

³ Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин принял участие в VI съезде Всероссийского педагогического собрания // Там же. 2011. 31 мая (<http://premier.gov.ru/events/news/15422/>).

щения» заключается в том, что «уж если кто-то перемещается на территорию своего нетрадиционного проживания, он должен с уважением относиться и к культуре, и к языку, и к обычаям тех людей, среди которых он решил жить»⁴. Возникает вопрос, в каких формах это «уважение» должно проявляться, но ответа на этот вопрос нельзя добиться не только от Путина, но и от более доступных для расспросов официальных лиц. Впрочем, Путин дал некоторое представление об этом: на встрече с представителями северокавказских молодежных организаций, вспомнив о дебатах в Европе о ношении чадры, он сказал, что если принимающим «народом» (речь, очевидно, шла не о политической нации, а об этносе — *А.В.*) некое поведение (например, ношение чадры) «воспринимается как религиозно-культурная агрессия, если это вызывает отторжение, то нужно к этому относиться с пониманием и не навязывать свои порядки». Путин также добавил: «Я вполне допускаю, что есть люди совсем радикальных взглядов, но тогда поезжайте и живите там, где эти радикальные взгляды являются нормой»⁵.

В духе идеи об «урегулировании межнациональных конфликтов» Путин говорит о необходимости взаимодействия этнических организаций и даже прямо обращается к ним на специальной встрече в июле 2011 года. Особо выделяется роль религиозных организаций, традиционно объединяемых с этническими. Премьер-министр даже пускается для этого в довольно странные псевдотеологические спекуляции: «Вы знаете, у нас восточное христианство — православие. И некоторые теоретики христианства говорят, что оно во многом даже ближе к исламу, чем, скажем, к католикам»⁶.

Выступления Дмитрия Медведева, ориентированные на изменения политики в сфере, касающейся этничности, заметно отличались от путинских — хотя бы уже тем, что претерпели стремительную эволюцию.

Еще в конце декабря Президент лишь рассуждал о восстановлении «межнационального

⁴ Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин встретился с представителями конфессий и национально-культурных общественных организаций // Там же. 2011. 19 июля (<http://premier.gov.ru/events/news/15972/>).

⁵ Путин на Кавказе снова заговорил о том, что приезжие должны уважать традиции местных жителей // Там же. 2011. 03 августа (http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/08/03/n_1951405.shtml).

⁶ В прямом эфире телеканалов «Россия», «Россия 24», радиостанций «Маяк», «Вести FM» и «Радио России» вышла специальная программа «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение» // Там же. 2011. 16 декабря (<http://premier.gov.ru/events/news/13427/>).

согласия», почти не впадая в популизм (разве что в тот момент, когда счел нужным в этой связи упомянуть необходимость «жестче перекрывать каналы нелегальной миграции»), но и не подхватив по существу слов Путина о гражданском единстве¹.

Но уже в январе он произнес программную речь перед руководством Федерального Собрания. Настаивая на единстве в многообразии российских этнокультурных традиций, он выделил особую роль русской культуры как не только самой крупной в количественном плане, но и как «основы, костяка развития всей нашей многонациональной культуры».

Особое внимание Медведев уделил при этом православию, вплоть до такого, несколько неожиданного в данном контексте, оборота: «... за последние годы Россия в Святой земле построила новые храмы, музеи, гостиницы для паломников. Это, безусловно, укрепляет русские традиции». Следует учитывать, что Дмитрий Медведев в существенно большей степени может быть назван православным президентом, чем Владимир Путин².

В конструкции союза этнокультур во главе с русской нет ничего нового. И Президент продолжил тем, что культуры не должны пониматься только в смысле соответствующих традиций, культура включает и современную культуру, которую надо специально развивать: «Нужно поддерживать и современный русский фольклор, и музыку, и литературу наших дней, и те обычаи, которые возникают у нас на глазах». Медведев закончил речь патетически: «Только таким образом можно выработать синтетические национальные ценности»³. Вероятно, Президент действительно рассчитывает на то, что современные культурные тенденции, гораздо более открытые в плане «межкультурного взаимодействия», что бы это ни значило, будут способствовать интеграции нации. Разумеется, одни культурные практики не могут обеспечить такого результата, но, по крайней мере, в этой речи было выдвинуто какое-то содержательное соображение о том, откуда может взяться единство российских граждан.

¹ Стенографический отчет о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике // Сайт Президента. 2010. 27 декабря (<http://kremlin.ru/transcripts/9913>).

² Подтверждения этому я приводил в статье, которая выйдет в ближайшее время: *Верховский А.* Национализм руководства Русской православной церкви в первом десятилетии XXI в. // Православная церковь при новом патриархе. М.: Центр Карнеги, РОССПЭН, 2012. С. 141–169.

³ Встреча с руководством Федерального Собрания // Сайт Президента. 2011. 17 января (<http://kremlin.ru/news/10087#sel=35:58,35:58>).

На специально созванном заседании президиума Госсовета «о мерах по укреплению международного согласия» 11 февраля 2011 г.⁴ Медведев продолжил ту же линию, но скорректировал ее.

Он меньше говорил о доминирующей роли русской культуры, разве что напомнил, что иммигранты обязаны знать русский язык (и соответствующие меры сейчас готовятся Правительством). Зато подчеркнул, что для России речи западных лидеров «о крахе политики мультикультурализма» неактуальны: Медведев настаивал на мультикультурном характере России. Впрочем, ничего именно о политике мультикультурализма он не говорил: в России политики и чиновники вообще, как правило, путают значение этого слова с фактической мультикультурностью общества.

Зато было прямо сказано о необходимости «создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну», правда, только в заключительном слове, когда в пользу такой идеи высказались несколько участников собрания.

Практические предложения Президента лежали, в основном, в области воспитания — будь то молодежи, чиновников или граждан в целом, и носили либо очень общий, либо какой-то не очень серьезный характер (например, много говорилось об агитационных видеороликах). Опять особо была выделена роль религиозных лидеров. Но была затронута и реальная проблема — этническая дискриминация при формировании органов власти в регионах. Правительству и представителям Президента в федеральных округах было предложено представить предложения «по искоренению таких перекосов».

Таким образом, Медведев фактически не развил свои предложения, выдвинутые в декабре. И вообще, выступал довольно осторожно. Примечательно также, что в последующие весенние и летние месяцы он не сделал существенно новых заявлений. Скорее всего, дело в том, что в высших чиновничьих кругах нет, как и раньше не было, никакого подобия согласия в том, какой может быть стратегия государства. Не зря, несмотря на почти всеобщее мнение, что Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, принятая в 1996 году, устарела, разработать и принять новую никак не удается до сих пор.

В принципе, февральское выступление Медведева опиралось на розданный участни-

⁴ Заседание президиума Госсовета о мерах по укреплению международного согласия // Сайт Президента РФ. 2011. 11 февраля (<http://news.kremlin.ru/news/10312/print>).

кам доклад, подготовленный Министерством регионального развития¹. Но если обратиться к самому тексту доклада, станет понятно, что Президент не стал полноценно озвучивать концепцию доклада, видимо, слишком определенно сформулированную, хотя именно из этой концепции, вкратце изложенной ниже, вытекает все то, что он все же сказал.

Доклад ориентирует государство на «принятие системных мер, направленных на укрепление гражданского единства россиян при одновременном решении вопроса этнокультурного самочувствия русского большинства и сохранения этнокультурного многообразия российской нации».

Доклад неоднократно обращается к понятию «большинства». Например, «самобытность России и российской цивилизации» — это «многонациональность, поликонфессиональность и многоукладность при наличии этнического (русские) и религиозного (православные) большинства». В числе мировых тенденций, наряду с массовыми миграциями, столкновением секулярной и религиозной парадигм и т.д., называется и «поиск в демократическом обществе правового выхода из ситуации абсолютизации прав меньшинств в ущерб правам большинства».

Доклад с уникальной, наверное, для официальных документов откровенностью открывает перечень проблем, доставшихся России в наследство от СССР, «этническим принципом административно-территориального устройства».

Применительно к России подчеркнута используется термин «российская цивилизация», отсылающий к богатой традиции так называемого цивилизационного национализма². Эта традиция в сегодняшнем русском национализме противопоставляется этнонационализму, и тем самым доклад также противопоставлен именно ему, что прямо сказано и в самом тексте.

¹ Или, по крайней мере, при его доминирующем участии. Можно предположить особую роль в подготовке этого доклада директора Департамента межнациональных отношений Александра Журавского. Текст доклада доступен на сайте министерства: Доклад Государственного Совета Российской Федерации. О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе // Сайт Министерства регионального развития. 2011. 29 марта (http://www.minregion.ru/activities/interethnic_relations/national_policy/505/902.html).

² См. о нем: *Паин Эмиль*. Россия между империей и нацией // Pro et Contra. 2007. № 3; *Шнирельман Виктор*. Время цивилизации: цивилизационный подход как национальная идея // Российская модернизация: размышления о самобытности. М.: Три квадрата, 2008. С. 198–232; *Паин Э., Верховский А.* Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. М.: Три квадрата, 2010. С. 171–210.

Проблематика и соответствующие предложения доклада лучше всего иллюстрируются представленным там списком «ключевых проблем в сфере состояния межэтнических отношений». Придется привести его целиком, так как формулировки и их последовательность наилучшим образом представляют позицию авторов доклада:

«— слабая общероссийская гражданская идентичность, в том числе у северо-кавказской молодежи, при всё большей значимости этнической и религиозной самоидентификации;

— этнополитический и религиозно-политический радикализм и экстремизм, в том числе в молодежной среде;

— сложное социокультурное самочувствие русского народа на фоне этнической мобилизации других этнических сообществ и роста числа мигрантов, неудовлетворенность его этнокультурных потребностей;

— рост националистических настроений в среде русской молодежи;

— низкая активность неправительственных организаций;

— отсутствие общественного согласия по вопросу базовых ценностей российского общества, по-прежнему, незначительная роль традиционных (в т.ч. семейных и религиозных) ценностей в жизни современного россиянина на фоне роста активности как традиционных, так и новых религиозных организаций;

— попытки реализации на территории Российской Федерации ряда геополитических проектов в интересах отдельных зарубежных государств, этнических или религиозных сообществ и направленных на дестабилизацию общественно-политической ситуации в России вплоть до распада государства по этническому или религиозному принципу».

Доклад безусловно и прямо выступает за формирование приоритета гражданской идентичности над этнической (в особенности — в системе образования). Возможность формирования такого приоритета подтверждается данными опросов ВЦИОМ, согласно которым значимость этнических и тем более религиозных различий для россиян постепенно снижается³.

Привлекается историческая тождественность понятий «русский» и «россиянин». Стоит

³ Согласно диаграммам, приведенным на стр. 18 доклада, этнические различия весьма значимыми считали в 2005 году — 38%, в 2007 — 28%, в 2010 — 24%, а малозначимыми, соответственно, — 25%, 31% и 32% (остальные считают их умеренно значимыми или, что редко, затрудняются ответить). Для религиозных различий те же ряды такие: 26, 22, 18% и 36, 38, 40%.

отметить, что ключевая цитата взята у одного из основных либеральных националистов начала XX века — Петра Струве. А в современных условиях одной из ключевых задач считается укрепление роли русского языка.

Применительно к меньшинствам в докладе говорится даже о проблемах дискриминации и о необходимости социальной адаптации мигрантов. Одна из задач государственной политики формулируется так: «преодоление коррупции в органах государственной власти и правоохранительных органах, формирующей в обществе протестные настроения и безнаказанность отдельных представителей этнических сообществ». Надо признать, невозможно было обратиться к популярной в обществе теме «этнопреступности» более политкорректным образом.

Реакция на корректировку курса. Бросается в глаза разница между четкостью формулировок этого доклада, не оставляющей места различным интерпретациям, и определенной уклончивостью выступлений Президента. Но не менее важно, какой отклик в среде высшей бюрократии вызвал концептуальный подход, просматривающийся в обоих этих источниках. Некоторый разброс откликов можно было наблюдать прямо на самом февральском заседании президиума Государственного совета, хотя для таких собраний естественно полное согласие с предложенной сверху позицией.

Уже губернатор Ростовской области Василий Голубев, которому довелось представлять тот самый доклад рабочей группы Госсовета, при изложении допустил определенные отклонения от смысла доклада. Например, рассуждая о причинах имеющихся проблем, он ссылаясь только на причины внешние или исторические, но никак не обсуждал недостатки сегодняшней политики. Явно более сильный, чем в докладе, акцент был сделан на трудностях в «этническом самочувствии» русских; говорилось даже, что «сегодня у нас недостаточно общественных организаций, которые развивали бы и пропагандировали русскую культуру, фольклор, традиции, наконец, русский язык»¹. Говоря об общей установке на формирование общегражданской идентичности, докладчик одновременно счел, что «особое внимание при этом следует обратить на миротворческий социальный потенциал национально-культурных объединений, религиозных организаций, общин и землячеств»

¹ Здесь и далее цитируется по: Заседание президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия // Сайт Президента РФ. 2011. 11 февраля (<http://news.kremlin.ru/news/10312/print>).

(что, видимо, отчасти основано на ростовском опыте местных межэтнических переговорных площадок и т.д.).

Голубев при этом очень точно поставил две связанные задачи: «Прежде всего надо договориться о терминологии и прояснить основные подходы к реализации государственной национальной политики, какие идеи, объединяющие всех граждан, мы продвигаем». Беда только в том, что ни он, ни другие ораторы, ни на том заседании, ни позже не сделали не только второго (что объективно очень сложно), но и первого, на что уже через месяц указали собравшиеся для обсуждения той же проблематики ведущие социологи и антропологи².

Региональные лидеры поддержали идею формирования общегражданского единства, а также идею доминирования русской культуры (и в первую очередь — ключевой роли русского языка) в этом процессе. В таком духе высказались даже президенты национальных республик (Якутии-Саха и Дагестана), правда, президент Башкортостана Рустэм Хамитов все же настаивал на сохранении двуязычия. Еще радикальнее поддержал Медведева президент Кабардино-Балкарии Арсен Канокков: «установление ведущей роли русского народа, его языка и культуры в этом процессе должны, на мой взгляд, иметь юридическое закрепление»³. Он также акцентировал важность укрепления традиционных моральных и религиозных ценностей разных народов страны. Валентина Матвиенко, со своей стороны, предложила законодательно закрепить «содержательные основы национально-государственной идеи современной России».

Не возникает уверенности, что такая политическая элита способна проводить концептуально целостную государственную политику в столь туманном для нее вопросе. Тем более что максимально качественный на данный момент официальный документ, а именно вышеупомянутый доклад (его можно и нужно критиковать, но трудно сейчас ожидать от государственного аппарата чего-то качественно лучшего), не продвигается должным образом первыми лицами

² Проблемы обеспечения межнационального согласия в России. Материалы Круглого стола Научного совета по проблемам национальной политики Отделения общественных наук РАН в Институте социологии РАН (14 марта 2011 г.) // Сайт Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека (www.president-sovet.ru/structure/consolidation_group/materials/actual_problems.doc).

Особенно следует отметить первые два выступления — Леонаиды Дробичевой и Виктора Шнирельмана.

³ Как известно, законопроекты такого рода неоднократно готовились русскими националистами в парламенте, но никогда не имели шансов на принятие.

страны. И дискуссия на уровне высокопоставленного чиновничества почти не ведется.

Реакция общества на программные заявления Президента в январе-феврале 2011 года была на редкость вялой. В основном в не официальных масс-медиа ограничились ироническим пересказом с упором на имеющее не лучшую репутацию в сегодняшнем русском языке слово «россиянин» и на аналогии с понятием «советский народ».

По существу инициативу Президента подвергли сомнению социологи Эмиль Паин и Владимир Мукомель, резонно отметившие, что надэтническое единство должно реализовываться через гражданскую нацию. Но для существования таковой требуются активное гражданское общество и соответствующее самосознание граждан, а в сегодняшней России и то, и другое очень слабы¹. К этому можно также добавить, что существующий политический режим и не предполагает их усиления. Впрочем, не зря ни Путин, ни Медведев и не употребляли термина «гражданская нация». То, о чем они говорили и что описано в докладе Госсовета, скорее следует называть термином «политическая нация» — в нем содержится антитеза этнической нации, но не предполагается собственно народовластие. И такие политические нации возможны — многие страны Европы и Латинской Америки в их авторитарный период могут служить тому примером. Возможно, правящий тандем неявно имел в виду именно это (степень жесткости авторитаризма — второстепенный в данном случае параметр).

Интересно также отметить реакцию некоторых русских этнонационалистов. Именно некоторых, так как иные из них, как, например, Павел Святенков, предпочли фактически проигнорировать новые идеологические инициативы власти². Никак не отреагировал и обычно пишущий обо всем на свете Константин Крылов.

Зато практически согласился с Медведевым один из наиболее умеренных авторов этнонационалистического лагеря — Михаил Ремизов. Он не возражает против варианта гражданской нации (и он использует именно этот термин), но именно потому, что формирование таковой предполагает мощную унификацию, только не в языке или каких-то этнографических чертах, а — «однородность политической культуры и гражданского сознания». Ремизов пишет, что, если власти удастся добиться такой однородности применительно к Кавказу и к выходцам с

Кавказа, это вполне устроит русских: «главный запрос Манежной площади вполне может считаться запросом на гражданскую нацию»³.

Но риторику доклада Госсовета о том, что «россияне» и «русские» — это исторически одно и то же, можно повернуть и в оппозиционную сторону, что и сделали более воинственно настроенные авторы (хотя тоже далеко не уличные радикалы), Борис Виноградов и Андрей Савельев. Они критикуют Медведева за попытку построить «россиянскую» нацию за счет русской нации: «С нашей точки зрения, в России уже сформировалась нация, и она существует как явление русской политической культуры». Далее повторяется общее место для националистов: «бюрократия и этнократия образуют альянс против русских» (под этнократией понимается, разумеется, любая, кроме русской). Примечательно, однако, что далее авторы вовсе не настаивают на какой-то культурной «русификации», они утверждают, что «любые вопросы национальности (этничности) и религиозной принадлежности должны быть оставлены на частное усмотрение гражданина, а государство должно придерживаться строгой унифицирующей роли», все народы должны «ассимилироваться в русскую гражданскую нацию, сохраняя свои этнографические особенности и веру» (в качестве аналогии приводится американский «плавильный котел» с WASP в роли его ядра)⁴.

Таким образом, даже твердо стоящий на позициях расового подхода А. Савельев⁵ выступает сегодня за то же, за что выступают и типичный испуганный горожанин Д. Соколов-Митрич, и либерал Б. Надеждин, и что можно вычитать, продираясь сквозь противоречивую риторику, из официальной президентской позиции. Надо сказать, это весьма редкий для сегодняшней России пример согласия между столь различными акторами.

С другой стороны с Президентом, несомненно, не согласен Константин Крылов, один из самых внятных и убедительных пропагандистов русского этнонационализма. Для него существующая власть — «инородческая» и антирусская, а потому в принципе не может быть источником

¹ Там же.

² Святенков Павел. Двойной Бурбон // Русский обозреватель. 2011. 13 февраля (<http://www.rus-obr.ru/day-comment/9660>).

³ Ремизов Михаил. Гражданская нация: русский запрос на сегодня // АПН.ру. 2011. 2 февраля (<http://www.apn.ru/publications/article23602.htm>).

⁴ Виноградов Борис, Савельев Андрей. Мультикультурализм не пройдет // АПН. 2011. 16 февраля (<http://www.apn.ru/publications/article23654.htm>).

⁵ Шнирельман Виктор. Расология в действии: мечты депутата Савельева // Верхи и низы русского национализма. М.: Центр «Сова», 2007. С.162–187.

чего-то конструктивного в нациестроительстве. Крылов также не может принять конструирования какой бы то ни было сущности, более значимой, чем собственно русский народ, понимаемый как кровно-родственное сообщество¹. И он в таком понимании отнюдь не одинок.

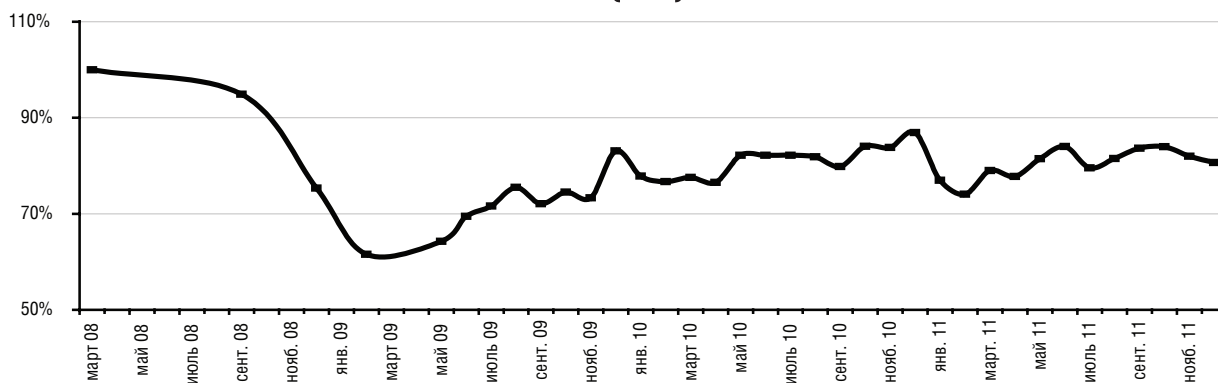
Власть очень осторожно предлагает обществу постепенный переход от нынешней этнической политики к какой-то новой, в духе отмеченного выше согласия. Нынешнюю можно охарактеризовать двояко. Во-первых – как почти отсутствующую, никак толком не формулируемую. Во-вторых – как основанную на приоритете «поддержания межнационального мира» путем поддержания баланса между разнообразными субъектами предполагаемых «межнациональных отношений» – оставшимися от советской эпохи (например, территориальные этнические элиты), случайными (например, так называемые «национальные диаспоры») или даже никак в реальности не структурированными (например, «кавказская молодежь»). Эта политика требует только повторения тезиса, что мультиэтничность является плюсом для страны, и не позволяет сделать никакого другого содержательного утверждения.

¹ См., например, его краткий обзор этно-националистических взглядов (он их называет национал-демократическими) в сравнении с «имперскими» и «либеральными»: Между Сциллой и Харибдой. Национал-демократия в её отношениях к имперству и либерализму // Живой журнал К. Крылова. 2011. 13 июля (<http://krylov.livejournal.com/2278881.html>).

Новая политика, видимо, должна стать политикой большей унификации страны в смысле как писаного, так и обычного права, причем этот процесс должен сопровождаться педализацией патриотических эмоций и подчеркиванием значимости русского и православного «ядра» формируемой таким образом политической нации. Из нынешних заявлений лидеров страны и их практических действий невозможно сделать выводы, каковы будут темпы этого процесса, насколько предполагаемая интеграция иммигрантов и этнических меньшинств будет похожа на культурную ассимиляцию и т.д. На самом деле, нельзя даже сказать, начнется ли этот процесс конструирования «плавильного котла» вообще.

Уже видно, впрочем, что отношение во всех слоях общества (мы рассмотрели в качестве примеров крайние случаи – членов президиума Госсовета и интеллектуальных лидеров русских этнонационалистов) к возможной смене курса, если вообще проявляется, то выглядит противоречивым. Чтобы в таких условиях курс все же был сменен, потребуются, видимо, какие-то еще заметные потрясения масштаба не менее тех, что были в декабре 2010 года.

ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (ИПН), март 2008 г. = 100%

Начало осени 2011 г. не ознаменовалось существенными изменениями общественных настроений, несмотря на приближающиеся выборы. Индекс социальных настроений (ИСН) после неоправданно значительного роста в августе, в октябре опять снизился, а индекс потребительских настроений (ИПН) после более умеренного, по сравнению с ИСН, улучшения в конце лета, в сентябре – октябре зафиксировался на одном уровне.

Индекс потребительских настроений (ИПН) в октябре 2011 составил 103 пункта. По-прежнему наблюдается весьма вялый рост потребительского оптимизма, рост индекса в целом происходит за счет улучшения оценок текущего материального положения, который, тем не менее, не сопровождается аналогичными изменениями в оценках ситуации на потребительском рынке.

Гордей ЯСТРЕБОВ

Характер стратификации российского общества в сравнительном контексте: от «высоких» теорий к зрелой реальности

Как ни странно, несмотря на немалый опыт в изучении социального расслоения, накопленный как отечественными, так и зарубежными учеными, сегодня по-прежнему не существует консенсусных концепций, способных объяснить зачастую разнонаправленные процессы трансформации социальных иерархий в постсоциалистических обществах. В то же время в сложившейся практике международных сравнительных исследований, в том числе с участием постсоциалистических стран, в качестве конвенциональных (и, как правило, претендующих на универсальность) используются концепции и методы, разработанные западными социологами для описания структуры неравенства, прежде всего, в обществах западного типа. Существенным ограничением подобных подходов является то, что они *a priori* не позволяют выявить специфические институционально обусловленные формы неравенства, основанные на принципиально ином типе социально-экономических отношений.

В то же время, через два десятилетия после начала реформ, которые охватили страны Центрально-Восточной Европы и бывшего СССР, на фоне убедительных успехов «модернизационных» проектов в Чехии, Словении, Польше, Венгрии и Словакии становится очевидным, что в России (как и в ряде стран СНГ) так и не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики, демократии и гражданского общества. Наоборот, сегодня все чаще звучат мнения о том, что в нашей стране в той или иной форме воспроизводятся структуры и институты, которые являются характерными для азиатских неправовых режимов, но никак не для развитых западных обществ¹. В свою очередь, подобное

своеобразное сочетание современных и в каком-то смысле антимодерных институтов находит свое отражение в стратификационной системе общества в форме переплетения характерных для прежнего режима элементов сословной иерархии с элементами классовой дифференциации, задаваемой владением собственностью и различиями по месту на рынке. Однако если принять подобное утверждение в качестве гипотезы, очевидно, что в такой постановке разработанные преимущественно в западной социологии концепции и используемые ими для описания неравенства категории становятся не вполне адекватными, если вовсе недостаточными, для более глубокого осмысления модели неравенства, которая сложилась в России.

В 1990-е годы наша страна, следуя в общем русле постсоциалистических трансформаций, охвативших Центрально-Восточную Европу, развернулась лицом к капиталистическому миру и с воодушевлением принялась за внедрение в экономику элементов рынка и частной собственности. Последовавшие преобразования в экономической сфере привели, как и следовало ожидать, к значимым изменениям в социальной структуре российского общества и, в частности, к возникновению класса собственников и предпринимателей.

Некоторые аналитики справедливо сравнивают начавшийся в те годы процесс приватизации с первоначальным накоплением капитала², в ходе которого отдельные категории граждан в стремлении обеспечить себя богатством и собственностью порой не считались не только с законами, но и с человеческими судьбами. Удивительное сходство происходивших в России событий с процессами, некогда имевшими место в раннебуржуазных обществах Европы и Америки, хотя и было обескураживающим, все же давало повод надеяться на прохождение страной «ускоренного курса» капиталистического развития, в результате которого будет

¹ Напр.: Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система как попытка понимания русской истории // ПОЛИС. 2001. №4; Пастухов В.Б. Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // Общественные науки и современность. 2006. №2; Шкаратан О.И. Системы цивилизаций и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы // Мир России. 2010. №3. и др.

² Напр.: Ильин В.И. Модели классовообразования в посткоммунистическом мире // Мир России. 2008. №2.

осуществлен переход к новому типу отношений. По крайней мере, таковы были ожидания идеологов реформ и инспирированных ими российских реформаторов¹.

Переход к новому типу отношений означал и переход к новому типу неравенства. На смену советскому сословно-корпоративному обществу² должно было прийти свободное рыночное, в котором социальный статус и благополучие в большей степени зависят от индивидуальных усилий, чем от унаследованных привилегий. Но это в теории — а произошло это на самом деле или нет, предстоит разобраться.

Последняя из наиболее бурных дискуссий, связанных с осмыслением социальных неравенств в современных обществах, состоялась в 2002 г. В одном из ведущих европейских журналов *Acta Sociologica* два американских социолога К. Уиден и Д. Груски опубликовали довольно смелую статью³, основной пафос которой был направлен, как это ни парадоксально, как против постмодернистов с их концепцией «классовой смерти»⁴, так и против сторонников традиционного (неомарксистского и неовевебианского) классового анализа⁵. Спор зашел вокруг предложенной американцами модели социальных классов на основе профессиональных групп (*occupational groupings*). При этом переход к такому дезагрегированному уровню анализа от «больших» социальных классов мо-

тивировался тем, что именно на этом уровне исследователи могут схватить «реальные» различия в образе жизни, ресурсном обеспечении и поведении, которые являются функцией локальных профессиональных субкультур.

Груски и Уиден упрекают своих коллег за то, что они, как правило, оперируют в своем анализе укрупненными категориями («менеджеры», «работники умственного труда», «рабочие» и т.п.), которые в эмпирических исследованиях имеют мало общего с реальностью и, в сущности, являются номинальными социальными группами. Аргументируя «реальность» группировок, получаемых на основе близких по характеру и содержанию занятий, они исходят из факта институционализированности профессии, т.е. ее встроенности в социальную структуру общества, что на уровне реального наблюдения проявляется в деятельности различных профессиональных ассоциаций, существовании гласных и негласных кодексов или профессиональной этики, активности социальных движений, преимущественно идентифицируемых по профессиональным признакам (вспомнить хотя бы участвовавшие в последнее время в Европе выступления врачей, учителей, работников транспорта и т.д.). Кроме того, авторы отмечают, что профессия (или специальность) остается одним из главных социальных идентификаторов для работников. Категории профессий прочно укоренились в структуре индустриального общества, в то время как агрегированные классы представляют собой лишь абстрактные конструкты, понятные исследователям, но являющиеся «пустым звуком» как для простого обывателя, так и для самих работников.

Но идея редукции классов до профессиональных групп была воспринята скептически, поскольку с точки зрения представителей неоклассических направлений (таких как Дж. Голдторп, Э.О. Райт и др.) при таком дезагрегированном подходе теряется взгляд на общество как некую целостность. А ведь это и является, в сущности, ядром классового анализа и определяет рамку, сквозь которую интерпретируется поведение и реакции общественных масс на происходящие в обществе метаморфозы в процессе его развития.

Однако, несмотря на последовавшую довольно острую критику, в одной из своих последних работ в 2006 г. Груски и Уиден приняли очередную попытку в общих чертах

¹ Гайдар Е.Т. Постсоциалистический кризис и восстановительный рост / Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.

² В терминологии немецкого социолога В. Теккенберга, активно занимавшегося изучением социальной структуры советского общества — *Teckenberg W. The Social Structure of the Soviet Working Class. Toward an Estatist Society? // International Journal of Sociology (special issue). 1982. №4.*

³ Статья, спровоцировавшая дискуссию: *Grusky D.B., Weeden K.A. Decomposition Without Death: A Research Agenda for a New Class Analysis // Acta Sociologica. 2001. №3.* Сама дискуссия: *Goldthorpe J.H. Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's Research Agenda // Acta Sociologica. 2002. №3; Scott J. Social Class and Stratification in Late Modernity // Acta Sociologica. 2002. №1; Birkelund G.E. A Class Analysis for the Future? Comment on Grusky and Weeden: 'Decomposition without Death: A Research Agenda for a New Class Analysis' // Acta Sociologica. 2002. №3; Therborn G. Class Perspectives: Shrink or Widen? // Acta Sociologica. 2002. №3. и др.*

⁴ Напр.: *Pakulski J., Waters M. The Reshaping and Dissolution of Social Class in Advanced Society // Theory and Society. 1996. №5; Pakulski J., Waters M. The Death of Class. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1996. P.3.*

⁵ Напр.: *Wright E.O. Foundations of a Neo-Marxist Class Analysis / Wright E.O. (Ed.) Approaches to Class Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Goldthorpe J.H. Social Class and the Differentiation of Employment Contracts / Goldthorpe J.H. On Sociology. Vol. II. Stanford: Stanford University Press, 2007 и др.*

очертить свой подход к решению задачи изучения реального социального неравенства¹. Они еще раз постулируют, что отправной точкой развития новых, более адекватных социологических моделей классового неравенства должно стать переосмысление многокритериальности класса как теоретического конструкта. В представлении американских авторов — это набор институализированных «решений» в многомерном пространстве, внутри которого индивидуальные различия относительно невелики, т.е. сами классы являются однородными социальными образованиями. Так, современный рабочий класс в Америке, приводят пример Груски и Уиден, включает в себя работников со средним образованием, определенным минимумом профессиональной подготовки, средним доходом, относительно небольшим уровнем социального престижа и довольно крепким здоровьем. С другой стороны, для представителей низших слоев общества характерны низкий уровень образования, ограниченные возможности обучения по месту работы, неравномерная занятость, невысокий доход и неудовлетворительное здоровье (т.е. нестабильная занятость, как правило, сопряжена с отсутствием медицинской страховки). Аналогичным образом могут быть охарактеризованы и прочие социальные группы.

С другой стороны, использование в качестве основы для выделения классов какого-то единого критерия (например, только дохода) было бы неверно, также как было бы неверно использовать для выделения классов некий интегральный показатель, сочетающий в себе информацию о нескольких аспектах классовой ситуации. Последнее, по мнению авторов, безусловно, поскольку шкалы, отражающие разные аспекты неравного положения, необязательно коррелируют друг с другом.

Таким образом, Груски и Уиден предлагают рассматривать социальный класс как некую синтетическую категорию, способную вместить в себя весь спектр социальной и экономической информации о своих типичных представителях. Класс, по их мнению, должен служить комплексным измерителем условий жизни, который достаточно емко описывает такие релевантные характеристики, как характер и содержание труда, стили и объемы потребления, карьерные перспективы, индивидуальные способности и здоровье, уровень образования и т.д. Таким об-

разом, исследователи получают в свои руки инструмент, где вся сложность многомерного пространства выражена в определенных наборах структурных характеристик на основе *реальной*, т.е. институционализированной классификации, а не гипотетической или номинальной.

Впрочем, справедливости ради необходимо отметить, что позиция американских авторов является не столь уж оригинальной в свете вопросов и подходов, которые активно обсуждались в 1960-е — начале 1970-х гг. советскими социологами². Тогда в противовес официальной доктрине об эгалитарном строении советского общества исследователи активно выдвигали сложные концепции социального неравенства и доказывали невозможность сведения его социальной структуры к примитивной формуле «два класса + интеллигенция». Т.е. фактически признание «равенства» социалистического общества подстегнуло отечественных социологов к поиску методов и процедур, позволяющих выявить реальный набор относительно однородных социальных групп, состоящих из людей с более или менее близкими, сходными характеристиками.

Однако при всем многообразии методов, которые использовались советскими социологами, все их объединяет концептуализация неравенства на основе предположения о существовании реальных социальных групп или, другими словами, признании того, что размещение индивидов в системе существующих социально-экономических позиций заведомо неслучайно. В свою очередь, эта неслучайность на уровне эмпирического наблюдения проявляется в свойствах а) внутренней однородности складывающихся реальных социальных групп и б) их неравенства по существенным для данного общества характеристикам, определяющим взаимное расположение этих групп в системе социальных отношений. Так, например, не без оснований в западной социологии в качестве *критерия «реальности» групп*, получаемых на основе той или иной теоретической схемы,

¹ Grusky D.B., Weeden K.A. Does the Sociological Approach to Studying Social Mobility Have a Future? / Morgan S.L., Grusky D.B., Fields G.S. (Eds.). *Mobility and Inequality: Frontiers of Research in Sociology and Economics*. Stanford: Stanford University Press, 2006.

² Гордон Л., Терехин А., Сиверцев М. Выделение социально-демографических типов методами кластер-анализа и определение их связи с типами поведения / Рабочий класс, производственный коллектив, научно-техническая революция (некоторые проблемы социальной структуры). Материалы ко II Всесоюзной конференции по проблеме: «Изменение социальной структуры советского общества». М.: АН СССР, 1971; Загоруйко Н.Г., Заславская Т.И. (ред.). Распознавание образов в социальных исследованиях. Новосибирск: Наука, 1968; Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (историко-социологическое исследование). М.: Мысль, 1970; Таранов И.Н., Шкаратан О.И. Исследование социальных структур методом энтропийного анализа // Вопросы философии. 1969. №5 и др.

принят так называемый *критерий конструктивной валидности*. Смысл этого критерия заключается в способности соответствующих эмпирических проекций объяснять те эффекты, которые приписываются социальным классам (или группам) на концептуальном уровне¹.

Двойственный характер стратификации в современной России. Выход на концепцию реальных социальных групп в предшествующем повествовании не является случайным. Сегодня становится все более очевидным, что трансформационные процессы в России идут не по ожидаемому пути складывания буржуазного общества западного типа, а по какой-то иной, до конца не ясной траектории. В связи с этим все чаще возникают сомнения в реальности тех социальных групп (слоев, классов), которыми оперирует большинство современных исследователей, опираясь на свои теоретические конструкции и на реалии развитых демократических стран с устоявшейся стратификационной иерархией классового типа.

Успешность послевоенного развития капиталистических стран Европы и США предопределила симпатии большей части научного сообщества не только к социологическим теориям, но и к модернизационным проектам, в рамках которых эталоном развития провозглашались все те же развитые страны. Атлантический капитализм с присущей ему особой структурой социальных и экономических отношений, основанных на институциональной триаде «рынок — частная собственность — демократия», рассматривался большинством идеологов постсоциалистической реформации как идеал, к которому необходимо стремиться. Однако, несмотря на последствия этих реформ, которые для большинства постсоциалистических стран сегодня со всей очевидностью можно считать катастрофическими, анализ развития и динамики этих обществ по-прежнему осуществляется с точки зрения их относительного соответствия/несоответствия западным образцам.

При этом, что характерно, культурная принадлежность и историческая обусловленность институтов, в значительной степени форми-

рующие социальную органику конкретных обществ, до недавнего времени рассматривались этими идеологами как второстепенные (если не вовсе как ничтожные) факторы, обуславливающие «адаптационный потенциал» трансформирующихся постсоциалистических стран. Неудивительно, что принятие такого одностороннего подхода к оценке и анализу социального неравенства в соответствующих обществах зачастую влечет за собой проблемы интерпретационного характера. Отсюда, в частности, берут начало столь острые и многочисленные дискуссии по поводу статусных рассогласований и содержания такого понятия, как «средний класс» применительно к трансформирующимся странам.

С другой стороны, маргинальный характер социально-экономической дифференциации в ряде стран бывшего социалистического лагеря Европы перестает выглядеть аномалией в рамках подхода, предполагающего историческую обусловленность процессов общественного развития².

В одной из современных вариаций этого подхода, рассматриваемой, в частности, О.И. Шкаратаном, в специфическом социально-экономическом порядке, который сложился внутри «евразийской цивилизации» и стал параллельной ветвью капиталистической индустриально-экономической системы, и социальное неравенство, и весь строй социально-групповых отношений, и стратификационная иерархия также носят специфический характер. Этот социально-экономический порядок был охарактеризован О.И. Шкаратаном как *этакратический* (дословно — власть государства — от франц. и греч.)³. Первоначально данная концепция была введена им как наиболее точная характеристика системы отношений, сложившихся в советском обществе. Это позволило отделить подлинный социализм от тоталитарного режима эксплуатации населения собственным государством. Однако позднее этакратизм стал рассматриваться как самостоятельная и в то же время параллельная ветвь исторического развития современного индустриального общества со своими собственными законами функционирования.

¹ Например: Goldthorpe J.H. Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's Research Agenda // Acta Sociologica. 2002. №3. P. 214; Bergman M.M., Joye D. Comparing Social Stratification Schemas: CAMSIS, CSP-CH, Goldthorpe, ISCO-88, Treiman, and Wright. Cambridge: 2001; Grusky D.B., Weeden K.A. Does the Sociological Approach to Studying Social Mobility Have a Future? / Morgan S.L., Grusky D.B., Fields G.S. (Eds.). Mobility and Inequality: Frontiers of Research in Sociology and Economics. Stanford: Stanford University Press, 2006. P. 85–108 и др.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. М.: Алгоритм, 2003; Spengler O. The Decline of the West. An Abridged Edition. New York: Oxford University Press, 1991; Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996 и др.

³ Шкаратан О.И. Этакратизм и российская социетальная система // Общественные науки и современность. 2004. №4. С. 49–62.

Центральными институтами, определяющими способ производства в этакратическом обществе и, как следствие, особую систему социальных отношений, являются институты распределения и государственной собственности на средства производства¹. Эту же систему нередко называют стейтизмом или этатизмом. В частности, отличая капиталистические общества от стейтистских, американский социолог Мануэль Кастельс пишет, что эти последние ориентированы «на максимизацию власти, т.е. на рост военной и идеологической способности политического аппарата, навязать свои цели большему количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания». При этом контроль над экономическим излишком являлся внешним по отношению к экономической сфере, поскольку он находится в руках обладателей власти в государстве².

Наряду с другими исследователями и мыслителями³ О.И. Шкаратан утверждает, что исторические корни советского этакратизма (и российского неозэтакратизма⁴) уходят в многовековую историю страны — носительницы евроазиатской цивилизации, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка и правового государства⁵.

Специфика социально-культурного пространства России по сравнению с Западной Европой подчеркивалась многими другими историками. В частности, отрицалось существование в средневековой России феодализма⁶. Более того, по мнению П.Н. Милюкова, аграрная революция начала XX в. вернула ситуацию к историческим архетипам служилого государства со свойственным ему огосударствлением земельного ресурса, полным растворением частного права в публичном. На этой основе стало возможным фактическое восстановление

квзисословной системы, закрепощение сословий государством, формирование в СССР особого служилого слоя — номенклатуры.

Таким образом, несмотря на взаимодействие с другими системами, столетиями внутри этого крайне устойчивого этакратического порядка в трансформированном виде воспроизводилась сословная иерархия. Эта иерархия применительно к царской России была четко охарактеризована известным русским историком В.О. Ключевским. В сословной системе группы различаются юридическими правами, которые, в свою очередь, жестко связаны с их обязанностями и находятся в прямой зависимости от этих обязанностей. Они же являются основой дифференциации. Причем, под обязанностями имеются в виду обязательства перед государством, закрепленные в законодательном порядке. Способом детерминации различий между сословиями является, таким образом, их правовое оформление, которое представляет собой, в первую очередь, юридическое, а не этническо-религиозное или экономическое деление. Принадлежность к сословию передается по наследству, но не строго, что способствует относительной открытости данной системы⁷.

Примерно в этом же ключе оценивает социальную структуру сегодняшней России С.Г. Кордонский⁸. Особенность его работы состояла в том, что он дополнил исторический материал тщательным анализом современных нормативных и законодательных документов, регламентирующих отношения не только внутри сложного бюрократического аппарата, но и отношения между чиновниками различного уровня и населением. В итоге С.Г. Кордонский приходит к выводу, что в современной России, как и прежде, распределение материальных выгод и благ между представителями различных социальных групп во многом зависит от степени их включенности в корпоративные государственные структуры, умения взаимодействовать и находить «общий язык» с чиновниками разных уровней. Резюмируя, он пишет, что «сословия — а не классы — в России были, есть и в предвидимом будущем останутся основными элементами актуальной социальной структуры»⁹.

В то же время, принимая во внимание общность социально-технологических оснований

¹ Исчерпывающий перечень см. там же, с. 50.

² *Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1: The Rise of The Network Society. Cambridge, Oxford: Blackwell Publishers, 2010. P. 16.*

³ *Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990; Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система как попытка понимания русской истории // ПОЛИС. 2001. №4. С. 37-48; Пименов А.В. Дряхлый Восток и светлое будущее // Мир России. 1999. №1-3.*

⁴ *Шкаратан О.И. Тип общества, тип социальных отношений. О современной России // Мир России. 2000. №2. С. 63-108; Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Российское неозэтакратическое общество и его стратификация // Социологические исследования. 2008. №11. С. 40-50.*

⁵ *Шкаратан О.И. Системы цивилизаций и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы // Мир России. 2010. №3. С. 32.*

⁶ *Черникова Т.В. Средневековое землевладение и проблема феодализма в русской истории // Общественные науки и современность. 2005. №5-6.*

⁷ *Ключевский В.О. История сословий в России. Полный курс лекций. М.: Харвест, 2004.*

⁸ *Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.*

⁹ Там же, с. 37.

всех позднеиндустриальных и постиндустриальных (информационных обществ), мы не отрицаем существования в современных обществах этакратического типа классово дифференциации, основанной на частной собственности, рыночных отношениях и разделении труда. Современный технико-технологический порядок, который объединяет все сосуществующие в современном мире цивилизации, порождает профессионально-квалификационное разделение труда, выраженное в системе профессий и занятий. Последние имеют два аспекта: собственно технико-технологический и социально-экономический. Социально-экономический аспект разделения труда обуславливает, с одной стороны, социально-профессиональную стратификацию, которая присуща всем обществам. С другой стороны, опосредованный рынком труда и системой реального неравенства, он служит источником формирования общественных классов в развитых западных странах.

Речь в данном случае идет о возможном сосуществовании и взаимном переплетении двух типов отношений. Степень выраженности той или иной формы этих отношений зависит от укорененности исторически сложившихся институтов, связывающих общества с различными цивилизационными системами. Эта точка зрения была ясно выражена российским социологом В.И. Ильиным, который также утверждает, что классовая дифференциация как доминирующая форма социально-экономического неравенства присуща исключительно капиталистическим системам. Классовая структура суть отображение распределения власти в соответствии с логикой рынков труда и капитала. Формирование классов является неотъемлемой частью более широкого процесса перехода (возврата) к капитализму¹.

В связи с этим применение классификаций, разрабатываемых западными социологами, сталкивается в России, по крайней мере, с двумя существенными системными ограничениями. Первое, в общем-то, универсально, и связано оно с тем, что зачастую конкретные виды экономической активности обладают меньшей исторической стабильностью, чем социальные классы, слои, к которым они принадлежат. Другими словами, социальные классы в своем воспроизводстве меняют круг «присваиваемых» ими видов занятий, сохраняя характер родов занятий.

Второе ограничение связано именно с Россией, ее специфической историей. Речь идет о связи видов и родов занятий с институциональной системой общества и социальной закрепленностью общностью ценностей и норм, передающихся от поколения к поколению. В России же мы имеем дело именно с занятиями, различающимися характером (т.е. содержанием и условиями) труда, а не качественными статусными характеристиками, выработанными корпоративностью общей принадлежности к одной профессии. Это обстоятельство, в частности, отмечается финским социологом М. Кивиненом, который скептически оценивает попытки российских исследователей обнаружить средний класс на основе профессиональной принадлежности. Действительно, современный опыт западных стран показывает, что средний класс – это, прежде всего, наиболее привилегированная группа наемных работников. Ресурсы власти нового среднего класса связаны не с собственностью, а с профессиональными навыками и стратегиями. Однако в России в советское время использование ресурсов власти, представляемых профессионализацией, было ограничено. Здесь никогда не было национального рынка по профессиональным сегментам. Профессии функционировали внутри основных бюрократических организаций. Многие профессии к тому же находились в зависимости по отношению к доминировавшей идеологии. Традиционный образ мышления и этос русской интеллигенции были далеки от профессионализма, от специализированного труда («ремесла»). Отсюда вытекает «рыхлость» социально-профессиональной структуры современного российского общества с неустойчивыми занятиями и престижем, тогда как объединение определенных «профессий» в социальные классы в подходах европейских и американских социологов основано на том, что последние сложились в западных странах как социальный институт и воспринимаются как реальные социальные группы².

Таким образом, можно предположить, что прямое сравнение стран, различающихся по типу своего социально-экономического развития, является не вполне корректным. В связи с этим принятие в качестве единственно правильной какой-либо одной из выше рассмотренных теоретических традиций к анализу стратификации означало бы не только отрицание всего отечественного опыта в изучении социального

¹ Ильин В.И. Модели классообразования в пост-коммунистическом мире // Мир России. 2008. №2.

² Кивинен М. Перспективы развития среднего класса в России // Социологический журнал. 1994. №2. С. 134-142.

неравенства в нашей стране, но и признание того, что Россия развивается в том же направлении, что и большинство развитых западных стран.

Для того чтобы усилить представленные выше аргументы, позволю себе сослаться на результаты исследования, которое проводилось нами ранее и которое было направлено на выявление наиболее значимых оснований стратификации в современном российском обществе¹. Для целей анализа были привлечены материалы представительных опросов 1994, 2002 и 2006 гг., проведенных под руководством О.И. Шкаратана. Смысл исследования состоял в том, чтобы из всего перечня параметров, по которым определяется ресурсная обеспеченность индивида, а также его положение в социальной структуре, определить те, которые оказываются статистически наиболее значимыми.

Для этих целей был применен метод энтропийного анализа, который представляет собой один из способов измерения сопряженности для n признаков без какого-либо ограничения по типу шкал. Благодаря этому оказалось возможным непредвзято подойти к решению задачи выявления группообразующих признаков, перебрав все возможные их комбинации и выявив те из них, где упорядоченность признаков оказалась максимальной².

В результате анализа, в частности, было установлено, что род занятий, лежащий в основе построения социально-профессиональных иерархий и рассматриваемый некоторыми социологами в качестве одной из основных компонент социально-классовой принадлежности, не является доминирующим источником социальных различий в современной России. Эмпирические образы групп, получаемые на основе этого признака, оказались крайне «аморфными» по своим статусным и социально-экономическим характеристикам, что, следуя выше изложенным рассуждениям, свидетельствует о незакрепленности в России профессий как социального института и слабом развитии рынка труда.

¹ Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Российское неэтакратическое общество и его стратификация // Социологические исследования. 2008. №11.

² Более подробно о самом методе, его ограничениях и преимуществах см.: Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты // Прикладная эконометрика. 2007. №3; Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Энтропийный анализ как метод безгипотезного поиска реальных (гомогенных) социальных групп // Социологические исследования. 2009. №2.

Кроме того, вопреки некоторым представлениям о существовании в России иерархической стратификационной системы, такие объективные факторы неравенства, как индивидуальные социально-психологические качества, «заряженность» человеческими, социальными и культурными ресурсами, оказывают слабое влияние на характер размещения людей в системе существующих социально-экономических позиций.

Особенности национальной стратификации: российское общество в контексте сравнения с европейскими странами. Однако любые спекуляции вокруг специфического характера стратификации в современной России попросту лишены смысла, если не рассмотреть выше представленные факты в контексте прямого сопоставления с ситуацией в других странах. Для решения этой задачи мной были, в частности, использованы материалы опросов European Social Survey за 2006 г., которые сегодня доступны любому исследователю.

С учетом ранее высказанных соображений простая операциональная гипотеза для сравнительного исследования была сформулирована следующим образом: системы координат, с помощью которых адекватно описывается характер социального неравенства в развитых западных обществах, теряют свою объясняющую способность в обществах, которые в силу разных обстоятельств наиболее удалены от ядра капиталистической мир-системы (а, конкретнее, «восточных» в цивилизационной дихотомии «Запад-Восток», или «южных» — в дихотомии «Север-Юг»). Другими словами, можно рассчитывать, что полученные для соответствующих стран социальные классы окажутся менее устойчивыми и менее однородными вследствие слабости или практического отсутствия институциональных механизмов, приводящих в соответствие обладание определенными ресурсами и критерии классовой ситуации.

Модель анализа, которая лежит в основе сравнения классовых схем, можно рассматривать как в известной степени традиционную для большинства сравнительных стратификационных исследований³, целью которых является критический анализ существующих классификаций и их последующее уточнение для

³ См. в частности: Bergman M., Joye D. Comparing Social Stratification Schemas: CAMSIS, CSP-CH, Goldthorpe, ISCO-88, Treiman, and Wright. Cambridge: Cambridge Studies in Social Research, 2001; Leijulfsrud H., Bison I., Jensberg H. Social Class in Europe. European Social Survey 2002/3. NTNU Social Research Ltd., 2005.

осуществления международных сравнений. Эта модель предполагает сначала конструирование «социальных классов» на основе той или иной теории, а затем их операционализацию в качестве своеобразного интегрального индикатора.

Если говорить о таких магистральных для нынешней западной социологии концепциях, как, скажем, классовая схема Голдторпа, то на проверку они оказываются вполне реальными, что подтверждается не только многочисленными эмпирическими исследованиями: соответствующее разделение в европейских обществах находит свое отражение не только в классово окрашенных коллективных выступлениях (профсоюзные протестные акции), но и весьма распространенной сегодня в Европе взаимной идентификации на основе принадлежности к «белым» или «синим воротничкам» и т.п. С другой стороны, эта ситуация в меньшей степени характеризует восточноевропейские страны, где относительная пассивность социальных групп на фоне резко обострившихся в условиях мирового финансового кризиса проблем социально-экономического характера ставит под сомнение тезис о «классовости» соответствующих обществ. Здесь, однако, стоит подчеркнуть, что формирование «классового сознания» или определение «классовых интересов» лежали за рамками задач, поставленных в исследовании.

Альтернативой конструированию интегрального показателя «классовой ситуации» на основе производных параметров является метод энтропийного анализа, позволяющий эмпирически определить уровень взаимного соответствия (упорядочения) основных характеристик, описывающих классовое положение. Как было уже сказано, современные стратификационные схемы, отражающие альтернативные подходы к анализу социального неравенства, представляют собой процедуры комплексного комбинирования информации о социально-экономическом положении индивидов на основе некоторой системы базовых признаков. Однако системы этих признаков могут быть разложены на элементарные критерии с целью дальнейшей эмпирической проверки их реальной значимости в качестве факторов, влияющих на те или иные параметры «классового положения».

Впрочем, различия в теоретических подходах, доминирующих сегодня в западной социологии, трудно назвать фундаментальными. Причем на уровне операционализации это с легкостью подтверждается результатами взаим-

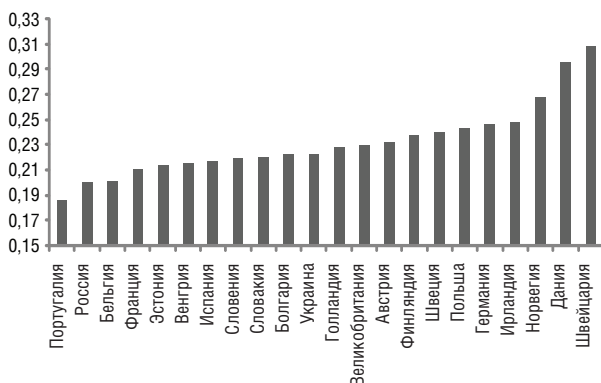
ного наложения рассмотренных стратификационных иерархий: при соблюдении определенных правил можно с легкостью переходить из одной системы классификации в другую. Таким образом, вне зависимости от акцентов, которые расставляют на тех или иных составляющих классовой ситуации различные исследователи, элементарные критерии всегда остаются одними и теми же: это, прежде всего, *отношения занятости*, на основе которых выделяются самозанятые и наемные работники, и *род занятий*, который часто уже на операциональном уровне (напр. в национальных или международных классификациях, таких как ISCO-88) уже включает в себя ряд важных параметров — требуемый уровень образования и квалификации, условия и содержание труда и т.д.

Впрочем, из всего возможного сочетание признаков мое внимание было сфокусировано на, пожалуй, интуитивно наиболее понятной системе измерений неравенства *«род занятий — уровень квалификации/образования — доход»*¹, поскольку, все мы в обычной жизни, как правило, различаем себя по этим трем основным признакам. Причем эта система стратификации является в какой-то степени универсальной для всех современных обществ: с одной стороны, им присущ определенный технико-технологический порядок, порождающий профессионально-квалификационное разделение труда, выраженное в системе профессий и занятий; с другой — в каждом из них воспроизводится и развивается соответствующий институт профессионального образования, обеспечивающий подготовку индивидов для выполнения разных видов деятельности; и, наконец, доход тоже представляет собой важное измерение стратификации как результат функционирования механизма, обеспечивающего распределение материальных благ в обществе.

Таким образом, вопрос заключался в том, насколько в различных обществах размещение индивидов в системе этих измерений является закономерным? Сильны ли в действительности те институциональные связи, которые приводят во взаимное соответствие уровень профессиональной подготовленности людей, уровень их материального достатка и место, занимаемое ими в системе функционального разделения труда?

¹ О технологии исследования и всех методологических нюансах, связанных с обработкой материалов Европейского социального исследования см.: Ястребов Г.А. Характер социально-экономической дифференциации населения: сравнительный анализ России и Европы // Мир России. 2010. №3.

Диаграмма 1
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СТРАН ПО СТЕПЕНИ НЕОДНОРОДНОСТИ ЗАПОЛНЕНИЯ ПРИЗНАКОВОГО ПРОСТРАНСТВА «РОД ЗАНЯТИЙ – УРОВЕНЬ КВАЛИФИКАЦИИ/ОБРАЗОВАНИЯ – ДОХОД»

На диаграмме 1 отражены результаты, полученные в итоге оценивания критерия H_N (степени неоднородности) для соответствующих пространств¹. Каков итог?

Как видно, строгого соответствия между степенью удаленности стран от ядра капиталистической мир-системы (ядро стран Западной Европы) в действительности не наблюдается. В то же время распределение стран по степени закономерности распределения индивидов в соответствующей системе стратификации («род занятий – уровень квалификации/образования – доход») случайным назвать нельзя.

Как видно, среди стран, демонстрирующих наивысший уровень соответствия между указанными признаками, оказались Норвегия, Дания и Швейцария – одни из самых передовых стран старой Европы. Соседство Скандинавских стран не является случайным: по всей видимости, действующая модель социально ориентированного экономического развития на основе соблюдения принципов государства всеобщего благосостояния, которое с определенной долей иронии можно охарактеризовать как «социалистическое», пребывает в большем соответствии с рыночной логикой распределения жизненных шансов, чем в прочих развитых европейских странах.

Согласно представленной диаграмме, Россию, соседствующую с Португалией, характе-

ризует один из наиболее низких показателей H_N , соответствующих высокой хаотичности размещения респондентов в указанной системе координат (0,199)². Это сходство в значительной мере является отражением схожей ситуации на рынке труда в обеих странах, поскольку, очевидно, ни Португалию, ни Россию нельзя отнести к числу стран, в которых этот рынок можно считать развитым. Несколько обескураживающим выглядит, с другой стороны, соседство с Бельгией и, в меньшей степени, Францией, поскольку эти страны в нашей теоретической модели совершенно четко классифицируются как страны, относящиеся к ядру обществ, для которых сильный институт рынка труда является одной из исторически обусловленных черт европейской цивилизации.

Тем не менее, за исключением таких двух, в общем-то, девиантных случаев как Франция и Бельгия, дальнейшие результаты энтропийного анализа не выглядят неожиданными. Остальные бывшие социалистические страны, которые были включены в программу *Европейского социального исследования* – Эстония, Венгрия, Словения, Словакия, Болгария и Украина – тесно расположились в одном узком интервале (0,214–0,222) по степени закономерности распределения респондентов в рассматриваемой системе стратификации. Такое неслучайное соседство можно считать определенным свидетельством институциональной однородности стран, некогда принадлежавших к единому социалистическому лагерю, но в отличие от России сохранивших и воспроизведших в новых социально-экономических условиях те институциональные формы, которые были свойственны им как странам, чье развитие исторически имело больше общего с развитием системы европейских обществ. Одновременно стоит признать, что логика расположения этих стран внутри данной группы, не дает серьезных оснований утверждать, что, например, Украине (0,222), относимой нами к полупериферии этатократической мир-системы, соответствующие черты свойственны в большей степени, чем той же Эстонии (0,214), лежащей на ее периферии. Испания, «затесавшаяся» среди представлен-

¹ Предложенное еще в 1970-е гг. советским математиком И.Н. Тагановым математическое определение степени неоднородности заполнения пространства (H_N), основанное на определении энтропии (H). Смысл следующий: при значениях неоднородности заполнения пространства близких к единице возникающее в пространстве распределение наблюдений принимает неслучайную (т.е. упорядоченную) форму; и, наоборот (т.е. полностью равномерное пространство, что тождественно отсутствию связи между признаками) – при значениях, стремящихся к нулю.

² Само по себе соседство с Португалией не выглядит странным, учитывая и поныне ощутимые последствия жесткого политического режима диктатора Антониу ди Салазара, получившего название «Нового государства» и просуществовавшего в этой стране вплоть до 1968 г. Неудивительное сходство современного российского режима с салазаровским, даже несмотря на то, что со времени ликвидации последнего почти 40 лет назад, не могло не сказаться на сходстве социальной структуры этих стран.

ных стран, в меньшей степени представляется нам случайным примером, поскольку в ее случае действует примерно та же логика, что и с Португалией (подробнее см. ниже).

Пример столь обособленно расположившейся по отношению к прочим постсоциалистическим странам Польши (0,243) в какой-то степени отвечает нашим исходным представлениям: эта страна лежит на самой границе «постсоциалистического» мира и является сегодня органичной частью современной Европы в той же степени, в какой она оставалась рыночной и «диссидентской» по отношению к массе государств, входивших в состав СССР, в середине прошлого века. Общий же взгляд на то, как выстроились по отношению друг к другу страны Старой Европы, ни по одной из своих существенных характеристик не являвшиеся частью этакратической системы, по крайней мере, не вызывает никаких напряжений с точки зрения теоретических сюжетов, которые обсуждались выше.

Таким образом, система координат, применяемая для анализа социального неравенства в развитых западных обществах и, как уже отмечалось, описывающая соответствие доходов, параметров человеческого капитала и социально-профессионального статуса, теряет свою объясняющую способность в странах, условно говоря, тяготеющих к евразийскому цивилизационному ареалу. Другими словами, формирование реальных социальных групп как гомогенных социально-профессиональных образований наименее вероятно в обществах этакратического типа.

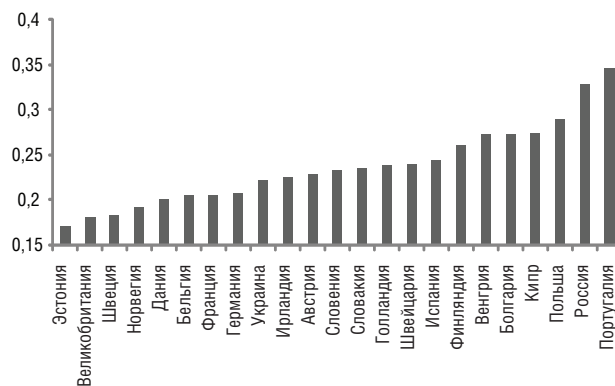
При этом, что любопытно, данная шкала, которая может рассматриваться в качестве своего рода объективной оценки справедливости социального размещения, достаточно хорошо, хотя и не полностью (0,554), коррелирует с тем, как сами люди оценивают адекватность вознаграждений за собственные заслуги и достижения¹.

К сожалению, материалы Европейского социального исследования не дают возможности напрямую определить, в какой степени в характер социально-экономической дифференциации населения европейских стран «вмешиваются» сословные принципы разделения. Впрочем, одним из косвенных индикаторов таковых вполне можно рассматривать степень за-

крытости социально-профессиональных групп, ограничивающих перспективы социальной мобильности.

И здесь, как ни странно, на помощь также приходит энтропийный анализ, поскольку с его помощью также становится возможным определить не просто связь, но наличие определенной закономерности (другими словами, паттернов межпоколенной мобильности) между социально-профессиональными позициями детей, их матерей и отцов. Для анализа использовались укрупненные социально-профессиональные категории по ISCO-88. Обобщенный результат представлен на диаграмме 2.

Диаграмма 2.
«ЗАСТОЙНОСТЬ» МЕЖПОКОЛЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ПОКАЗАТЕЛЯХ НЕОДНОРОДНОСТИ ЗАПОЛНЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА «РОД ЗАНЯТИЯ РЕСПОНДЕНТА - РОД ЗАНЯТИЙ ОТЦА - РОД ЗАНЯТИЙ МАТЕРИ»

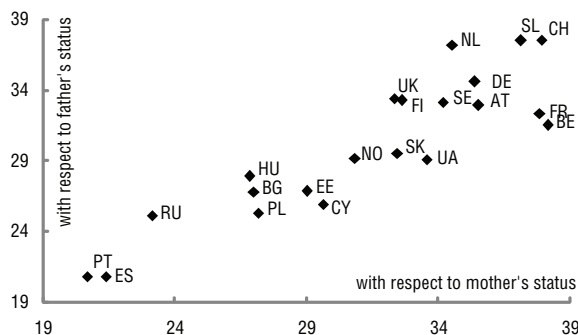

На представленном выше рисунке более низким значениям степени неоднородности H_N пространства «род занятий респондента — род занятий отца — род занятий матери» соответствует более высокая волатильность социально-профессиональных перемещений, и, в обратном случае — отсутствие социально-профессиональной подвижности или, по крайней мере, высокая вероятность воспроизводства схожих траекторий социально-профессиональной мобильности.

Согласно полученным результатам, Россия вновь разместилась не только на крайнем полюсе рассматриваемой оси, но и в «знакомой компании» стран: Португалия, Польша, Венгрия, Болгария. Более общий взгляд на ситуацию позволяет охарактеризовать межпоколенную социально-профессиональную мобильность в постсоциалистических странах, в целом, как относительно менее подвижную, чем в развитых странах Западной Европы.

¹ Опросный лист Европейского социального исследования, в частности, содержал такой вопрос: «Насколько Вы согласны или не согласны со следующим утверждением: моя зарплата соответствует затрачиваемым усилиям и успехам, которых я достиг в своей работе?»

Диаграмма 3
ИНТЕНСИВНОСТЬ НИСХОДЯЩЕЙ МЕЖПОКОЛЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ (В ДОЛЕ РЕСПОНДЕНТОВ, ПОНИЗИВШИХ СВОЙ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС ПО ОТНОШЕНИЮ К РОДИТЕЛЯМ)¹

Однако выше предложенная интерпретация результатов может быть подвергнута критике с той точки зрения, что менее предсказуемые перемещения в более развитых странах могут быть вызваны значительной «перекройкой» социально-профессиональной структуры соответствующих обществ, которая имела место в связи с переходом к новому постиндустриальному типу экономики. Этот аргумент предполагает сокращение в составе рабочей силы доли представителей таких занятий, которые относятся к низкостатусным (преимущественно ручной труд), и увеличение доли более квалифицированных работников, а также расширение третичного сектора (сектора услуг). В связи с этим логично было бы предположить, что в развитых обществах меньшая закреплённость в социально-профессиональных статусах была обусловлена значительным их повышением по отношению к предыдущим поколениям, для которых были характерны менее статусные виды занятости. Анализ фактических данных, однако, показывает, что это не так (см. диаграмму 4).

¹ Укрупнение профессиональных статусов родителей и респондентов до трех значимо отличных друг от друга социально-профессиональных групп осуществлялось в соответствии со следующей логикой: группы высшей квалификации (управленцы, профессионалы, полупрофессионалы), среднеквалифицированные работники (офисные служащие, работники сферы торговли и бытового обслуживания), работники низкой квалификации (занятые в сельском хозяйстве, промышленные рабочие, представители элементарных профессий). Более подробно см. в приложении 10.

Обозначения: PT-Португалия, ES-Испания, RU-Россия, HU-Венгрия, BG-Болгария, PL-Польша, EE-Эстония, CY-Кипр, NO-Норвегия, SK-Словакия, UA-Украина, UK-Великобритания, FI-Финляндия, SE-Швеция, DE-Дания, AT-Австрия, NL-Нидерланды, FR-Франция, BE-Бельгия, SL-Словения, CH-Швейцария.

Как видно, жители развитых европейских стран гораздо чаще понижают свой социально-профессиональный статус по отношению к родителям, чем представители постсоциалистических обществ, а также двух южноевропейских стран — Испании и Португалии, которые, как было показано выше, демонстрируют определенную специфику по отношению к остальным западноевропейским странам и в связи с характером социально-экономической дифференциации населения. Россия же совершенно четко занимает в числе постсоциалистических стран самое незавидное с точки зрения показателей мобильности положение.

Подведем некоторый итог. На фоне рассмотренных ранее результатов, согласно которым в развитых западных обществах социальная стратификация осуществляется на более меритократических принципах и опосредуется эффективным институтом рынка труда, «застойность» межпоколенной социально-профессиональной мобильности в значительной части постсоциалистических стран не выглядит неожиданной и, по существу, свидетельствует в пользу «сословного» характера их социального неравенства.

В целом, несмотря на существенные продвижения в понимании механизмов социального неравенства, предлагаемые западными социологами концепции, к сожалению, остаются мало применимыми для изучения России. Связано это с тем, что данные теории обобщают опыт изучения социального неравенства в развитых западных обществах, эволюция которых имела определенную логику, отличную от неэволюционного российского опыта радикальных преобразований. Как бы то ни было эти радикальные преобразования, охватившие постсоциалистические страны, представляют собой беспрецедентное явление, заставляющее ученых искать принципиально новые способы изучения и осмысления особых форм возникающего в этих и других обществах социального неравенства. В данной работе обоснована идея, что наиболее уместной теоретико-методологической основой такого анализа может служить концепция реальных (однородных) социальных групп, которая активно разрабатывалась в 1970-е гг. отечественными социологами, однако сегодня, как было показано, также становится предметом обсуждения в западной академической среде. Это продиктовано тем, что современный мир представляет собой крайне неоднородное и к тому же высоко динамичное образование.

Основываясь на теоретическом анализе типа общества, который сложился в современной

России, было введено предположение о том, что это общество, несмотря на радикальные экономические социальные преобразования, во многом остается продуктом прежней институциональной системы. В разных публикациях и у разных авторов эта система получила несовпадающие названия (этакратическая, стейтистская, этатистская и т.п.), однако суть ее сводится к одному — она не является носителем традиций частной собственности, рыночных отношений и прочих черт, характерных для обществ западного типа, развитие которых осуществлялось эволюционным путем. Это обстоятельство является ключом для понимания процессов, происходящих в современной России.

Переход к дуалистической системе социальной стратификации явился едва ли не самым важным компонентом трансформационных процессов в России после коренных изменений в экономических и политических институтах 1990-х гг. Вопреки распространенным представлениям о формировании в России иерархической стратификационной системы, основанной на индивидуальных социально-психологических качествах людей, их «заряженности» человеческими, социальными и культурными ресурсами, в основе социального неравенства в современной России лежит разделение, определяемое местом людей в системе отношений собственности и иерархии властных полномочий. Более того, как выяснилось, социально-профессиональная структура, рассматриваемая некоторыми социологами в качестве одного из ключевых срезов социальной стратификации общества, также не является полностью адекватным отображением социального неравенства.

На основе международных сопоставлений была сформулирована гипотеза о связи характера социальной стратификации общества с типом институциональной системы общества (капиталистической vs этакратической). Это обстоятельство было раскрыто через анализ процессов размещения индивидов в системном признаковом пространстве «род занятий, уровень образования, уровень дохода». В результате этого анализа также удалось установить, насколько уравнены шансы представителей различных обществ, обладающих равноценными индивидуальными качествами, для занятия соответствующих позиций в системе функционально разделенного труда. Показано, что в западных странах сложилась система стратификации, более всего способствующая меритократическому режиму социальной селекции, что делает при-

менение социально-профессиональных классификаций для ее анализа более обоснованным. Среди стран, демонстрирующих наивысший уровень соответствия между указанными признаками, оказались Швеция, Дания и Швейцария — одни из самых передовых стран Западной Европы. С другой стороны, эта связь слабо проявляется в постсоциалистических странах, и в еще меньшей степени — в России.

Также установлено, что в России в отличие от некоторых постсоциалистических и развитых западных стран, возможности социального продвижения в значительной степени связаны с социальным происхождением индивидов, что свидетельствует о крайне низком равенстве шансов в российском обществе. Опять же, показано, что эта закономерность не случайна и, по всей видимости, связана с типом институциональной системы, лежащей в основе рассматриваемых обществ.

Все выше сказанное наталкивает на очень неутешительные выводы и заставляет задуматься о перспективах того типа общества, который складывается в современной России. Данные о развитии социальных процессов в нашей стране за постсоветский период продемонстрировали, что в условиях трансформационной ломки, в условиях затянувшегося на все 1990-е годы, а в некоторых аспектах и затронувшего 2000-е социального кризиса мобильность в российском обществе носила сильно деформированный характер¹. Ее масштабы были явно недостаточны с точки зрения выдвижения на передние позиции более динамичных и более подготовленных людей. Теоретически можно предположить, что это было связано с реализацией так называемого медитократического принципа социальной селекции, который противостоит меритократическому и связан с консервацией на высших слоях общественной системы лояльных к ней, но не обладающих при этом высокой степенью одаренности и подготовленности членов общества. Следы этой системы с легкостью обнаруживаются в еще недавнем советском прошлом нашей страны.

Вряд ли стоит рассчитывать на то, что нашу страну в ближайшем будущем ожидает коренное изменение системы уже сложившихся социально-экономических отношений. Тем не менее, Россия — не уникальный случай и находится отнюдь не в безвыходной ситуации. И если более успешный опыт развития стран

¹ Данные и анализ см. в Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России // Общественные науки и современность. 2011. №2.

Центрально-Восточной Европы во многом был основан на рецептах, которые оказались менее действенными в России, то мы могли бы обратить внимание на успехи, которые за сравнительно короткие сроки были достигнуты такими странами, как Китай, Южная Корея, Сингапур. Огромную роль в модернизации этих стран сыграло государство, которое оказалось способным мобилизовать особый культурный и социальный опыт своего населения не только для достижения высоких экономических результатов, но и грамотного использования этих результатов в интересах всего общества.

Для того чтобы Россия могла осуществить подобный скачок, основой ее государственной политики должна стать поддержка сильных,

жизнеспособных групп населения и защита слабых, неприспособленных, не имеющих достаточных средств для успешного существования в жестких условиях рыночной экономики. Вместе с тем, одним из важных моментов стратегии развития является установка на повышение профессионализма, самоотдачи, проявление инициативы, т.е. тех качеств соотечественников, которые всегда были предметом гордости России и которые могут обеспечить ее возвращение на уровень передовых высокоразвитых стран. Успех реализации интегрированной социально-экономической политики будет предопределяться совпадением перспективных интересов власти и основных наиболее активных групп российского общества.

ПОСЛЕВЫБОРНЫЕ АКЦИИ ПРОТЕСТА

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ О МАССОВЫХ АКЦИЯХ ПРОТЕСТА В СВЯЗИ С ОБНАРОДОВАННЫМИ РЕЗУЛЬТАТАМИ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ?	
Знаю об этих акциях	34
Что-то слышал(а) об этих акциях	44
Впервые слышу об этих акциях	21
Затрудняюсь ответить	1
2011 г., декабрь, N=1600	
ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ, ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРОВЕДЕНИЕ УЛИЧНЫХ АКЦИЙ ПРОТЕСТА ПРОТИВ НАРУШЕНИЙ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИИ ВЫБОРОВ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИХ РЕЗУЛЬТАТОВ?	
Определенно поддерживаю	12
Скорее поддерживаю	32
Скорее не поддерживаю	26
Совершенно не поддерживаю	15
Затрудняюсь ответить	15
2011 г., декабрь, N=1600	
КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ПОЧЕМУ УЧАСТНИКИ ЭТИХ АКЦИЙ ПРОТЕСТА ВЫШЛИ НА УЛИЦЫ БОЛЬШИХ ГОРОДОВ? (ответы ранжированы, можно было выбрать несколько позиций)	
Людам надоело терпеть произвол власти	30
После прошедшего кризиса 2008-2010 годов люди в России стали более критически относиться к власти	25
Мне кажется, что масштаб этих акций протеста значительно преувеличивается и не следует обращать на них особого внимания	20
На этих выборах было больше нарушений и фальсификаций, чем на предыдущих	18
Появились технические возможности (смартфоны, мобильный Интернет, социальные сети и т.п.), позволяющие оперативно выявлять нарушения на выборах	18
Людей пугает перспектива предстоящего 12-летнего правления Путина	11
Людей спровоцировала выйти на эти акции протеста "купленная" Западом "несистемная оппозиция"	11
Затрудняюсь ответить	14
2011 г., декабрь, N=1600	

Людмила ХАХУЛИНА

Доверие бизнес сообщества арбитражным судам и оценка арбитражной судебной системы

Постановка проблемы. Тема настоящей статьи – доверие арбитражным судам со стороны бизнес-сообщества, представителями которого выступали в данном случае руководители предприятий и организаций. Тема доверия является частью тематики более широкого исследования отношения руководства российских предприятий к арбитражным судам (в рамках проекта Мирового Банка при поддержке Бюро экономического анализа «Поддержка судебной реформы»¹). Это исследование, выполняемое Левада-Центром, включает изучение широкого круга вопросов взаимодействия предприятий с арбитражными судами, оценки деятельности судов, удовлетворенности участием в арбитражных разбирательствах. На наш взгляд, тема доверия к судам является ключевой, поскольку именно степень доверия оказывает влияние на формирование мнения о том, каким путем – судебным или несудебным – решать спорные хозяйственные вопросы.

Степень доверия к судам в более широком смысле служит характеристикой бизнес-климата в стране. Поэтому привлекательность страны для инвестиций во многом зависит от того, как оценивают представители бизнеса существующую в стране судебную систему. Чем меньше бизнес будет сталкиваться с отрицательными сторонами судебного разбирательства, особенно с необъективностью, зависимостью от внешних влияний, взяточничеством, формализмом в рассмотрении дел, тем выше будет доверие к судам и тем чаще будет намерение обратиться в суд при возникновении спорной ситуации, основанное на уверенности в том, что именно в суде можно отстоять свои законные права и интересы.

Мы рассматриваем доверие к арбитражному суду как социальному институту, осуществляющему функции судебной власти, в том числе – в сравнении с доверием другим социальным институтам, выполняющим функции законодательной и исполнительной власти.

¹ Результаты первой волны массового опроса по этому проекту см.: Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российская судебная система в мнениях общества // Вестник общественного мнения, 2010, №4. С. 7–43.

Общественное доверие к арбитражному суду как социальному институту в самом общем виде понимается как позитивное отношение к деятельности суда, лояльность по отношению к данному институту. В отличие от населения, которое оценивает работу судов, опираясь в большей степени на информацию о них из СМИ, на общее отношение к институтам государственной власти, доверие к арбитражным судам со стороны бизнес-сообщества в существенной мере опирается на реальный опыт взаимодействия с ними. Поэтому помимо общего позитивного отношения доверие к суду может включать также ожидания того, что в ситуации хозяйственного спора обращение в суд поможет решить возникшую ситуацию на законных и справедливых основаниях. Реальный же опыт обращения в арбитражные суды показывает бизнес-сообществу, в какой мере эти ожидания оказываются оправданными. Можно предположить, что чем позитивнее опыт решения спорных вопросов в суде, тем выше будет доверие к судам со стороны бизнес-сообщества. При отсутствии личного опыта обращения в суды, доверие к ним будет определяться скорее всего опытом других представителей бизнес-сообщества, а также существующим общественным мнением, как среди предпринимателей, так и общества в целом.

Следует заметить, что в отличие от судов общей юрисдикции, которые достались России «в наследство» от советской системы и были реформированы, превращение государственных и ведомственных арбитражей в арбитражное судопроизводство как инструмент защиты частных прав и интересов различных лиц по экономическим спорам относится уже к постсоветскому времени. Фактически арбитражный суд это новый социальный институт, который сформирован для регулирования хозяйственных отношений между предприятиями, организациями в новых экономических условиях. Отношение к арбитражным судам в меньшей степени несет на себе отпечаток прошлых советских представлений о работе судов, чем в отношении к судам общей юрисдикции. Поэтому

можно ожидать, что доверие к ним будет выше, чем к судам общей юрисдикции.

Наше исследование опиралось на идеи и результаты ранее проведенных исследований отношения к судебной системе. Прежде всего, это исследование отношения предприятий к судам и системе правоприменения, проведенное в 2000 и 2007 годах Т.Фраем и А.Яковлевым, где изучалась динамика «спроса» предприятий на эффективную судебную систему как одно из важнейших условий формирования благоприятного климата для развития бизнеса. Результаты этого исследования показали, что оценки работы арбитражных судов со стороны руководителей предприятий за 7 лет изменились в положительную сторону, возросло обращение к судебной системе для решения спорных хозяйственных вопросов¹.

Другое социологическое исследование отношения граждан и предпринимателей к судебной системе было проведено Фондом «Индем» в рамках проекта «Судебная реформа в России», в фокусе которого было изучение взаимодействий граждан и предпринимателей с судебной властью. Это исследование показало, что отношение к судебной власти, оценки ее работы во многом зависят от опыта взаимодействия с ней, особенно это касается предпринимательской среды. Чем позитивнее этот опыт, тем выше оценки и удовлетворенность работой судов².

Коротко о методологии исследования. В статье использованы данные двух волн опроса предприятий РФ, проведенного Левада-Центром в рамках упомянутого ранее проекта «Поддержка судебной реформы: отношение предприятий к судебной системе». Всего было опрошено 1649 предприятий, из них 837 — в первой волне опроса (март-май 2010 г.) и 812 — во второй (январь-март 2011 г.). В выборку вошли предприятия всех форм собственности, за исключением бюджетных организаций. Каждое предприятие участвовало только в одной волне опроса.

Метод опроса — личное интервью по формализованной анкете с руководителем предприятия или руководителем юридического отдела/юристом.

Для проведения опроса была сформирована стратифицированная, вероятностная выборка,

репрезентирующая предприятия и организации РФ по численности работающих на предприятии, форме собственности и видам экономической деятельности.

По численности работников было выделено 4 типа предприятий, между которыми объем выборки был поделен примерно поровну:

1 волна 2 волна

1. микро предприятия (число работников от 5 до 15 чел.) — 210 202
2. малые предприятия (16 — 100 чел.) — 207 208
3. средние предприятия (101 — 500 чел.) — 218 207
4. крупные предприятия (свыше 500 чел.) — 202 195

Каждый из 4 типов предприятий репрезентировал следующие виды экономической деятельности: промышленность, строительство, связь, транспорт, услуги, торговля, образование, здравоохранение, а также государственную и негосударственную формы собственности. Не опрашивались предприятия сельского и лесного хозяйства, банковских и страховых услуг.

Существенной характеристикой опрошенных предприятий, определяющей отношение к арбитражным судам, является их практическое взаимодействие с арбитражной системой, т.е. реальное участие в судебных разбирательствах в качестве истца или ответчика. Большинство опрошенных предприятий в первой и второй волнах (61%) имели опыт решения спорных вопросов в арбитражном суде в течение последних 10 лет. При этом распространенность этого опыта между типами предприятий довольно заметно различается.

Так, подавляющее большинство крупных и средних предприятий имеют опыт решения спорных хозяйственных ситуаций через суд, среди малых — таковых половина, среди микропредприятий — от четверти до трети. Иначе говоря, для большинства опрошенных предприятий отношение и оценки деятельности арбитражных судов определяются их собственным опытом взаимодействия с судебной системой (табл. 1).

Доверие арбитражным судам. Доверие к институтам власти, в том числе судебной, является основой социального порядка. Приведенные в табл. 2 данные показывают: наибольшим доверием в бизнес-сообществе пользуются институты, олицетворяющие верховную политическую (исполнительную и законодательную) власть,

¹ См.: Яковлев А. Право и правоприменение в России глазами бизнеса: что изменилось за семь лет? // Правоприменение: теория и практика / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Формула права, 2008.

² См.: Римский В. Социальные аспекты взаимодействия граждан и предпринимателей с российской судебной властью // Вестник общественного мнения, 2010, №2. С. 62–79.

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ ВАШЕМУ ПРЕДПРИЯТИЮ ВЫСТУПАТЬ В КАЧЕСТВЕ ИСТЦА И/ИЛИ ОТВЕТЧИКА В СУДЕБНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВАХ В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ?» (% от числа опрошенных на предприятиях соответствующего размера)

Тип предприятия / ответы	да, приходилось (% ответивших)	
	1 волна	2 волна
микро	31	23
малые	55	53
средние	84	67
крупные	90	83
в среднем по выборке	65	57

Все необходимые расчеты, построение графиков выполнены участником проекта, научным сотрудником Левада-Центра Людмилой Примако.

причем не столько институты власти, сколько фигуры, ее представляющие. Это Президент РФ и Председатель Правительства РФ, деятельности которых доверяет свыше половины опрошенных представителей предприятий. Два института, осуществляющие функции высшей судебной власти в России – Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ – пользуются столь же высоким доверием со стороны бизнес-сообщества, как институты высшей законодательной и исполнительной власти. Это доверие является выражением общего лояльного отношения к ним и не зависит сколько-нибудь заметным образом от опыта взаимодействия с арбитражными судами регионального уровня. Среди тех, кто имел этот опыт, доверяют Высшему Арбитражному Суду 64% респондентов, а среди тех, кто его не имел, – 54%. Доверие к Высшему Арбитражному Суду как социальному институту, олицетворяющему высшую су-

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ...» (% от числа опрошенных, N=812)

	доверяют	нет ни доверия, ни недоверия	не доверяют	затрудняются ответить
Президенту РФ	58	30	10	2
Председателю Правительства РФ	52	34	13	3
Правительству РФ	49	33	15	2
Высшему Арбитражному Суду РФ	55	32	9	4
Верховному Суду РФ	53	33	10	4
Государственной Думе	24	45	28	3
Политическим партиям	16	43	38	4
Адвокатуре	34	42	20	4
Милиции	18	39	40	3
ФСБ	30	41	22	6
СМИ	19	38	41	2

дебную власть, основано на ожиданиях общего характера, предполагающих, что этот институт действует ответственно и выполняет свои функции.

Наименьшим доверием бизнес-сообщества пользуются милиция, политические партии и средства массовой информации. Несколько неожиданным оказался невысокий уровень доверия к адвокатуры как институту, осуществляющему в судебных разбирательствах представительство интересов «клиента», в том числе и предприятий: лишь треть руководителей доверяют этому институту, а каждый пятый из них ему не доверяет.

На региональном уровне картина доверия социальным институтам остается примерно такой же. Среди основных институтов, регулирующих жизнедеятельность населения и бизнеса в регионе, наибольшим доверием среди руководителей предприятий пользуется областная (краевой/республиканский) арбитражный суд. Ему доверяют 62% опрошенных руководителей предприятий, а не доверяют лишь 9%. Среди предприятий, которые имели опыт судебного разбирательства в арбитражном суде, уровень доверия последнему выше – 70% доверяют этому институту, тогда как у тех, кто не имел такого опыта, уровень доверия заметно ниже – 47% (табл. 3).

T-test анализ на объединенном массиве двух волн опроса показал сильную зависимость доверия от опыта участия в судебных разбирательствах. Другими словами, те представители предприятий, кто имеет этот опыт, гораздо чаще доверяют арбитражному суду, чем те, кто такого опыта не имеет.

Этот результат подтверждает вывод о том, что доверие арбитражному суду на региональном уровне в значительной степени основано

на реальном опыте взаимодействия с этим институтом, и этот опыт «работает» на повышение доверия.

Вместе с тем доверие арбитражному суду (краевому, областному, республиканскому) различается и у предприятий разного типа (табл. 4).

Подавляющее большинство крупных и средних предприятий, 2/3 малых предприятий доверяют арбитражным судам. Среди микро-предприятий таковых меньше половины -43%. Здесь проявляется влияние такого фактора, как опыт участия в судебных разбирательствах, — чем он меньше, тем ниже и уровень доверия. Это также подтверждается и доверием к судам общей юрисдикции, мировым судьям, с которыми предприятия, как правило, не имеют дела: уровень доверия им ниже и не различается существенным образом у предприятий разного типа.

Оценка качеств арбитражных судов. В основе доверия к социальным институтам лежат ожидания относительно их деятельности, в эф-

фективности и ответственности которой представители бизнес-сообщества могли убедиться либо на основе своего опыта (например, участие в судебных разбирательствах), либо принять мнение значимого для них социального круга (предпринимателей, руководителей предприятий, которые имели опыт взаимодействия с арбитражным судом).

Как оценивают деятельность арбитражных судов представители бизнес-сообщества?

В качестве критериев для оценки использовались те качества судебной системы, которые делают ее самостоятельной ветвью власти, а именно: независимость, профессионализм, объективность, открытость, отсутствие коррупции (взяточничества).

Опрошенные руководители и юристы предприятий оценивали работу областных (краевых, республиканских) арбитражных судов с точки зрения того, насколько, по их мнению, им свойственны указанные выше качества, пользуясь следующей шкалой: 1 — «совсем не свойственны» 2 — «в небольшой степени» свойственны, 3 — «свойственны в средней степени»,

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ...» (% ответивших «доверяю», N=812)

	в среднем по выборке	участвовали в судебных разбирательствах*)	не участвовали в судебных разбирательствах*)
Арбитражному суду области (края, республики)	62	70	47
Законодательному собранию области (края, республики)	41	42	38
Суду общей юрисдикции (областному, краевому, республиканскому, городскому, районному)	51	53	46
Мировым судьям	46	47	45
Губернатору области/края, президенту республики	44	43	46
Мэру города	39	40	38

*) Ответы на вопрос «Приходилось ли Вашему предприятию выступать в качестве истца и/или ответчика в судебных разбирательствах в арбитражном суде?»

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ...» (% ответивших «доверяю», N=812)

Тип институтов / тип предприятий	в среднем по выборке	микро	малые	средние	крупные
Арбитражному суду области (края, республики)	62	43	60	79	75
Законодательному собранию области (края, республики)	41	30	36	48	46
Суду общей юрисдикции (областному, краевому, республиканскому, городскому, районному)	51	39	48	57	58
Мировым судьям	46	41	44	52	49
Губернатору области/края, президенту республики	44	39	42	54	43
Мэру города	39	32	36	50	38

4 – «свойственны в большой степени». В табл. 5 приведены сравнительные оценки работы областных (краевых/республиканских) арбитражных судов, данные в ходе опроса представителями предприятий.

Чем **меньше** значение среднего балла, тем **хуже** оценка работы арбитражного суда по данной характеристике. Балл выше 3-х означает, что по данной характеристике оценки работы арбитражного суда выше, чем в «средней степени», но меньше, чем в «большой степени». Балл ниже 3-х означает, что данная характеристика свойственна работе арбитражного суда меньше, чем «в средней степени», но несколько больше, чем «в небольшой степени».

Как видим, наиболее высокую оценку получил профессионализм в работе арбитражного суда. Все другие качества, характеризующие работу суда как специализированного института, – открытость, объективность, соблюдение сроков при рассмотрении дел – также получили оценки выше среднего. Вполне умеренными оказались оценки коррумпированности арбитражных судов. По мнению бизнес-сообщества, взяточничество свойственно арбитражным судам скорее в небольшой степени, чем в большой.

Однако «независимость», фундаментальная характеристика арбитражного суда как представителя самостоятельной ветви власти, получила наиболее низкие оценки – ниже средней.

Причем, по мнению бизнес-сообщества, в наибольшей степени арбитражные суды зависимы от вышестоящих инстанций и собственного начальства (председателя суда, его заместителей). Именно через них чаще всего оказывают влияние на судей региональная и местная администрация, федеральные органы исполнительной власти. Ниже среднего балла и оценки независимости арбитражных судов от правоохранительных органов (милиции, прокуратуры), что создает условия для распространения многих негативных явлений, нарушения экономических интересов предприятий. Ниже среднего также и оценки независимости суда от так называемых влиятельных людей, в качестве которых могут выступать лица, связанные как с властью, крупным бизнесом, так и с криминалом.

В оценке практически всех характеристик работы арбитражного суда просматривается следующая тенденция. Те представители бизнес-сообщества, чьи предприятия имели опыт отстаивания своих прав в арбитражном суде, дают более высокую оценку таких характеристик его работы, как профессионализм, открытость, объективность, соблюдение регламента рассмотрения дела. Опыт рассмотрения дел в суде ведет также к некоторому снижению оценок степени зависимости суда и распространения взяточничества в арбитражных судах.

Следует отметить, что корпоративные юристы в целом лучше оценивают деятельность су-

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, В КАКОЙ СТЕПЕНИ АРБИТРАЖНОМУ СУДУ ВАШЕЙ ОБЛАСТИ (КРАЯ, РЕСПУБЛИКИ) СВОЙСТВЕННЫ...» (средний балл по шкале от 1 до 4, где 1 – «совсем не свойственны, 2 – «в небольшой степени свойственны», 3 – «в средней степени свойственны», 4 – «в большой степени свойственны»)

качества / средний балл	в среднем	участвовали в судебных разбирательствах	не участвовали в судебных разбирательствах	отвечал руководитель	отвечал юрист
а. профессионализм	3,29	3,35	3,17	3,19	3,44
б. открытость	3,19	3,31	2,95	3,0	3,48
с. объективность	3,12	3,18	3,0	3,0	3,28
д. соблюдение сроков	3,11	3,2	2,95	3,0	3,3
е. независимость от влияния частных лиц	2,91	2,99	2,78	2,82	3,11
ф. независимость от милиции, прокуратуры	2,87	2,96	2,74	2,75	3,08
г. независимость от федеральных органов власти	2,77	2,81	2,72	2,64	3,01
h. независимость от региональной и местной власти	2,8	2,82	2,75	2,69	2,98
и. независимость от собственного начальства	2,65	2,65	2,63	2,56	2,79
ж. коррумпированность, взяточничество	2,41	2,31	2,59	2,58	2,15

дов и дают более низкие оценки степени зависимости арбитражных судов и распространения взяточничества по сравнению с руководителями.

Представители средних и крупных предприятий также в целом лучше оценивают работу арбитражных судов, чем представители малых предприятий. По-видимому, здесь проявляется латентное влияние таких факторов, как большая распространенность опыта обращения в арбитражный суд для решения спорных вопросов среди крупных и средних предприятий, а также более высокая доля юристов среди опрошенных представителей на этих предприятиях по сравнению с малыми предприятиями. Однако следует отметить главное. *Опыт взаимодействия с арбитражными судами, должностной статус опрошенного (юрист), хотя и снижают оценки степени зависимости судов, но не изменяют их принципиально: в любом случае оценки независимости судов остаются самыми низкими.*

Корреляционный анализ зависимости оценок работы суда и опыта участия в судебных разбирательствах показал, что такая связь существует, хотя она и довольно слаба. Другими словами, представители тех предприятий, которые участвовали в судебных процессах, немногим чаще считают, что указанные характеристики арбитражных судов свойственны им в большой или, по крайней мере, в средней степени. Это касается таких характеристик, как объективность, профессионализм, соблюдение сроков рассмотрения дела, открытость. Но нет связи между оценками независимости суда от собственного начальства, от властей разного уровня со стороны тех, кто имеет опыт взаимодействия с судами и кто его не имеет. *Это означает, что в бизнес-сообществе существует вполне сложившееся общее мнение о зависимости арбитражных судов от властей разного уровня независимо от того, приходилось им иметь дело с судебными разбирательствами или нет.*

Возникает естественный вопрос: существует ли связь между тем, как оценивает бизнес-сообщество качество работы арбитражных судов, и уровнем доверия к ним. Статистический анализ на обобщенном массиве данных двух волн опроса предприятий показал, что такая связь существует и она довольно сильна (значения коэффициентов корреляции по Спирмену от 0.3 до 0.5). В наибольшей мере уровень доверия связан со степенью объективности судов в рассмотрении дел, профессионализмом судей, независимостью в принятии судебных решений от влияния частных лиц и от влияния федераль-

ных, региональных властей, уровнем коррумпированности (значения коэффициентов корреляции 0.5–0.4). В меньшей степени доверие связано с такими характеристиками судов, как соблюдение сроков рассмотрения дел и открытость судебного процесса (коэффициенты корреляции 0.3).

Таким образом, можно сделать вывод, что доверие арбитражным судам зависит от опыта участия в судебных разбирательствах и от того, как в общественном мнении бизнес-сообщества оценивается качество работы судов (объективность, профессионализм в рассмотрении дел), степень его независимости и коррумпированности. Чем лучше эти оценки, тем выше и уровень доверия к судам, даже в том случае, если нет опыта судебного разбирательства. Иными словами доверие к арбитражным судам определяется опытом взаимодействия с ними и репутацией арбитражных судов.

Остановимся немного более подробно на оценках независимости суда и степени его коррумпированности, чтобы глубже разобраться в приведенных данных.

Оценка независимости арбитражного суда.

Независимость арбитражного суда как социального института, который в своей деятельности руководствуется только Конституцией РФ и действующим законодательством, является его базисной характеристикой. Это обеспечивает условия для объективного и непредвзятого разрешения спорных ситуаций между хозяйствующими субъектами, а также между хозяйствующими субъектами и различными государственными структурами. В действительности российская судебная система, в том числе и арбитражные суды, хотя и были созданы в постсоветское время, унаследовали во многом традиции советской судебной системы, продолжая находиться под значительным влиянием исполнительной власти. Такое положение нашло свое отражение в общественном мнении бизнес-сообщества.

Как уже отмечалось выше, большинство опрошенных представителей предприятий считает, что арбитражный суд как социальный институт не является независимым от исполнительных органов власти федерального и регионального уровня. Такого мнения придерживаются руководители, как малого, так и среднего и крупного бизнеса, юристы независимо от того, имели ли они реальный опыт судебного разбирательства или нет (рис. 1, 2).

Рисунок 1
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «АРБИТРАЖНЫЕ СУДЫ В РОССИИ СКОРЕЕ НЕЗАВИСИМЫ ОТ РУКОВОДСТВА СТРАНЫ ИЛИ, СКОРЕЕ, ЕМУ ПОДКОНТРОЛЬНЫ?» (в % от числа опрошенных на соответствующих предприятиях)

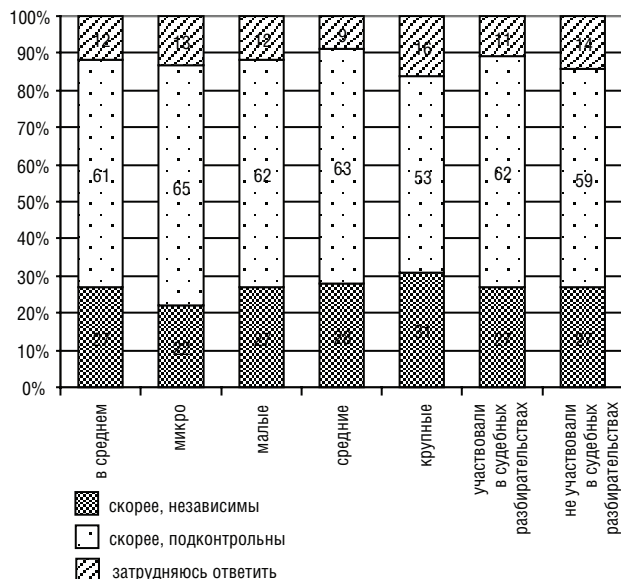

Рисунок 2
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, АРБИТРАЖНЫЕ СУДЫ В РОССИИ СКОРЕЕ НЕЗАВИСИМЫ ОТ РУКОВОДСТВА ОБЛАСТИ/КРАЯ/РЕСПУБЛИКИ ИЛИ, СКОРЕЕ, ЕМУ ПОДКОНТРОЛЬНЫ?» (в % от числа ответивших)

В то же время абсолютное большинство опрошенных представителей бизнес-сообщества (от 80 до 90%) поддерживают принцип независимости судебной системы, считая, что суды должны быть вообще независимыми от исполнительной власти, в том числе и от руководства страны.

На практике независимость судебной системы проявляется как независимость судей, когда судья беспристрастен объективно (т.е. при рассмотрении всех обстоятельств дела руководствуется только требованиями закона)

и субъективно (т.е. с его стороны отсутствуют предубежденность, тенденциозность, личная заинтересованность), даже если на него оказывается давление в пользу одной из сторон.

Мнение о независимости судей не столь однозначно по сравнению с оценками независимости судов как социальной институции. Около половины опрошенных представителей предприятий (47%) считают, что судья арбитражного суда в том регионе, где расположено предприятие, в своих решениях не свободен, на него часто оказывается давление, а меньшая часть – треть опрошенных (32%) – придерживаются противоположного мнения («никакого давления на судью не оказывается»). При этом каждый пятый представитель предприятия затруднился дать определенный ответ. Заметных различий в мнениях между данными первой и второй волн опроса нет. Нет различий в мнениях и между малым, средним и крупным бизнесом. Однако опыт участия в судебных разбирательствах влияет на мнение респондентов: около половины (49%) тех, кто имел такой опыт, считают, что на судью оказывают давление при принятии им решения. А среди тех, кто не имел опыта судебных разбирательств, таковых 31%. Впрочем, в этой группе опрашиваемых такая же доля респондентов (31%) затруднилась дать определенный ответ.

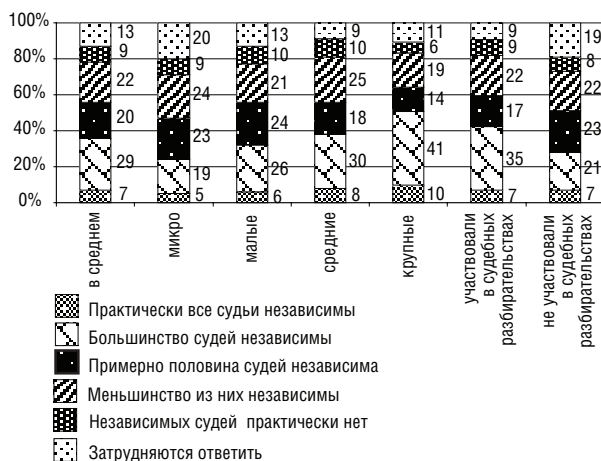
Чаще всего, по мнению опрошенных, давление на судей оказывает само руководство арбитражных судов (председатель суда, его заместители) и такая неопределенная сила, как влиятельные лица (47%). Далее по частоте упоминаний идут исполнительные органы всех уровней, причем на федеральную исполнительную власть опрашиваемые указывают чаще (40%), чем на региональную – губернатора, областную администрацию (35%); еще реже они указывают на местную администрацию, мэра (28%), силовые структуры (23%). Законодательная власть, по мнению опрошенных, в гораздо меньшей степени оказывает влияние на арбитражные суды: депутатов Госдумы назвал лишь каждый пятый представитель предприятия, а депутатов областного (краевого) законодательного собрания и городской Думы – лишь каждый седьмой. 10% опрошенных представителей предприятий назвали криминальные структуры в качестве силы, оказывающей влияние на судей. Заметим, что «рейтинг» сил, оказывающих давление на арбитражный суд, остался неизменным в первой и второй волнах опроса.

Таким образом, по мнению бизнес сообщества, влияние на судей оказывает чаще всего

исполнительная власть и влиятельные лица, в качестве которых могут выступать все, кто имеет власть и возможность осуществлять давление на судей. Чаще всего такое влияние идет через руководство арбитражных судов, т.е. тех, кто непосредственно имеет дело с судьей, кто распределяет дела между судьями, контролирует их прохождение и у кого есть инструменты влияния и оказания давления на судей.

Насколько судьи «устойчивы» по отношению к внешним воздействиям, к попыткам оказать давление на них при рассмотрении дела и принятии решения? Мнения о независимости судей оказались неоднозначными (рис. 3).

Рисунок 3
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «МНОГО ЛИ В СИСТЕМЕ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ РОССИИ НЕЗАВИСИМЫХ СУДЕЙ, КОТОРЫЕ В СВОЕЙ РАБОТЕ ПОДЧИНЯЮТСЯ ТОЛЬКО ЗАКОНУ ДАЖЕ В УСЛОВИЯХ, КОГДА НА НИХ ОКАЗЫВАЕТСЯ ДАВЛЕНИЕ?» (в % от числа опрошенных на соответствующих предприятиях, N=812)

Лишь незначительное меньшинство (7%) опрошенных считают, что практически все судьи арбитражных судов России независимы в своих решениях, подчиняются только закону, даже если на них оказывается давление. Такое же меньшинство (9%) придерживаются ровно противоположного мнения — что независимых судей в арбитражных судах практически нет. Каждый пятый дипломатично ответил, что зависимых и независимых судей примерно поровну. Немногим менее трети представителей бизнеса все же придерживаются мнения, что независимых судей в арбитражных судах большинство (30% опрошенных). Несколько меньшая часть (22%) считает, что независимых судей меньшинство.

В целом можно сказать, что сложившегося мнения о независимости судейского корпуса — в отличие от достаточно устойчивого мнения

о зависимости суда как социального института — у опрошенных нет. Но в целом положительные оценки независимости судей встречаются все же несколько чаще, чем отрицательные.

Заметна разница в оценках между разными типами предприятий. Среди крупных предприятий половина их представителей (50%) считает, что независимых судей в арбитражных судах большинство или почти все, в то время как среди микропредприятий таковых вполнину меньше — около четверти (24%).

Реальный опыт участия в судебных процессах несколько повышает оценку независимости арбитражных судей, но не существенно. Так, среди тех, кто имел подобный опыт, около половины (42%) придерживаются мнения, что независимых судей в арбитражных судах большинство или почти все, а среди тех, кто не имел подобного опыта, такое мнение поддерживают около трети (30%). При этом 19% среди них вообще не имеют определенного мнения.

Иначе говоря, опыт участия в судебных разбирательствах способствует формированию мнения о том, что на судей при рассмотрении дел оказывается давление, но этот же опыт формирует мнение, что независимых арбитражных судей все-таки большинство, хотя преобладание этого мнения не очень существенно (42% против 30%).

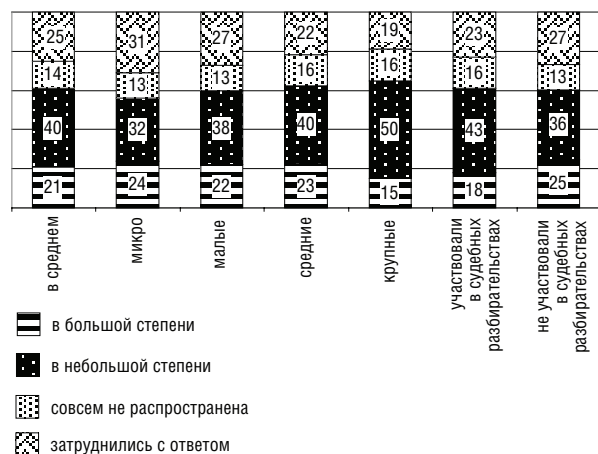
Оценка уровня коррупции в арбитражных судах. Коррупция, которая в судах чаще всего существует в виде взяточничества, по мнению большинства опрошенных представителей предприятий (54%), распространена в небольшой степени или совсем не распространена. Однако 21% считает, что это явление распространено в судах в большой степени, и это не так мало (рис.4). Четверть опрошенных затруднились дать определенный ответ, причем разница между теми респондентами, кто имел опыт обращения в суд, и кто его не имел, в данном случае практически не значима.

Наблюдается заметное различие между предприятиями разного типа в оценке распространенности коррупции. Среди представителей крупных предприятий лишь каждый седьмой считает, что коррупция распространена в большой степени, а среди представителей микро и малых предприятий — каждый четвертый-пятый.

Опыт взаимодействия с арбитражными судами несколько снижает оценки уровня распространенности коррупции. Так, среди тех предприятий, которые имели опыт решения своих

Рисунок 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «В КАКОЙ СТЕПЕНИ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, РАСПРОСТРАНЕНА СЕГОДНЯ КОРРУПЦИЯ В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ?» (в % от числа опрошенных на предприятиях соответствующего типа)

проблем в арбитражном суде, 18% их представителей считают, что коррупция в судах распространена в большой степени, а среди предприятий, которые не имели такого опыта, такого мнения придерживаются 25% их представителей. Разница в оценках небольшая, тем не менее она показывает, что опыт взаимодействия с судами ведет к более сдержанным оценкам коррумпированности арбитражных судов.

Действительно, отвечая на вопрос о том, приходится ли предприятиям в их сфере деятельности делать неформальные платежи в случае обращения в арбитражный суд для ускоре-

Таблица 6

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ПРИХОДИТСЯ ЛИ ПРЕДПРИЯТИЯМ В ВАШЕЙ СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЛУЧАЕ ОБРАЩЕНИЯ В АРБИТРАЖНЫЙ СУД ДЕЛАТЬ НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПЛАТЕЖИ ДЛЯ УСКОРЕНИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ИЛИ ПРИНЯТИЯ НУЖНОГО РЕШЕНИЯ?» (в % от числа опрошенных)

Суждения/ тип предприятия	В среднем 1 волна	В среднем 2 волна	Приходилось участвовать в судебных разбирательствах	Не приходилось участвовать в судебных разбирательствах
нет, никогда	40	38	45	31
да, но редко, в отдельных случаях	33	33	31	36
да, и часто	9	8	6	9
затруднились ответить/отказ от ответа	18	21	18	24

Таблица 7

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ПРИХОДИТСЯ ЛИ ПРЕДПРИЯТИЯМ В ВАШЕЙ СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЛУЧАЕ ОБРАЩЕНИЯ В АРБИТРАЖНЫЙ СУД ДЕЛАТЬ НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПЛАТЕЖИ ДЛЯ УСКОРЕНИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ИЛИ ПРИНЯТИЯ НУЖНОГО РЕШЕНИЯ?» (в % от числа опрошенных)

Суждения / тип предприятия	В среднем 1 волна	В среднем 2 волна	Микро	Малые	Средние	Крупные
нет, никогда	40	38	34	34	38	48
да, но редко, в отдельных случаях	33	33	35	41	28	28
да, и часто	9	8	5	8	6	6
затруднились ответить /отказ от ответа	18	21	26	17	17	18

ния разбирательства или для принятия нужного решения, около половины руководителей или юристов, чьи предприятия имеют опыт взаимодействия с судами, ответили отрицательно «нет, никогда» (45%). В то же время среди тех представителей предприятий, которые не имели судебного опыта, такой ответ дали в полтора раза меньше респондентов (31%). Ответ «часто» среди предприятий, имеющих опыт судебного разбирательства, дали 6% опрошенных, а среди тех, кто не имеет такого опыта – 9% (табл. 4). Обращает на себя внимание и сравнительно высокая доля тех, кто затруднился дать ответ среди респондентов, не имеющих опыта судебного разбирательства (24%). Данные, приведенные в табл. 6, показывают, что мнение о распространности неформальных платежей в арбитражных судах осталось в обеих волнах опроса практически неизменным.

Различие мнений связано с типом предприятия (табл. 7). По сравнению с крупным бизнесом, среди малого бизнеса почти в 1.5 раза меньше тех, кто придерживается мнения о том, что такие платежи при обращении в арбитражный суд не приходится делать. Другими словами, если судить по этим оценкам, малый бизнес чаще встречается со случаями коррупции в арбитражных судах, чем средний и крупный бизнес, хотя доля предприятий малого бизнеса, имевших опыт взаимодействия с арбитражными судами, почти в половину меньше, чем крупного.

Безусловно, не стоит сбрасывать со счета и возможность неискренних ответов на вопросы о коррупции в судах, особенно тех, кто имел с ними дело. В полной мере оценить влияние этого фактора мы не можем, однако ответы на другие вопросы, связанные с темой коррупции, позволяют все же считать, что замеченная тенденция имеет объективную основу. В какой-то мере об этом позволяют судить те источники информации, которые формируют мнение о распространенности коррупции в арбитражных судах.

Четверть опрошенных опираются на конкретный опыт – собственный или людей своего круга (руководителей других предприятий, юристов), а 3/4 опрошенных – либо на факты, препарированные и преподнесенные в журналистском варианте через СМИ, либо на существующие стереотипы общественного мнения (табл. 8). Заметим, что представители предприятий, имеющие опыт взаимодействия с арбитражным судом, почти в полтора раза чаще, чем не имевшие опыта судебного разбирательства, ссылались на случаи коррупции в судах, с которыми сталкивались они сами или знакомые им руководители/юристы других предприятий

(30% против 19%). Средние и крупные предприятия чаще ссылаются на собственный опыт или опыт других руководителей в оценке распространенности коррупции.

Наиболее распространенным источником оценок уровня коррупции является общественное мнение, сложившееся в обществе относительно коррупции, взяточничества в государственных органах, в том числе и в судах. Частота упоминаний этого фактора во второй волне опроса увеличилась на 12 п.п. по сравнению с первой.

Как видим, заметных различий в мнениях между теми, кто имел опыт судебного разбирательства, и теми, кто его не имел, нет. Малый бизнес, по сравнению с крупным, в своих оценках коррумпированности суда чаще исходит из распространенных в обществе стереотипов, чем из личного опыта, поэтому среди его представителей почти в 1,5 раза больше тех, кто считает, что коррупция распространена в судах в большой степени (табл. 9).

Причины коррупции, взяточничества в арбитражных судах больше половины опрошенных видят в общей проблеме распространенности коррупции в государственных органах:

Таблица 8

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «НА ЧЕМ ОСНОВАНО ВАШЕ МНЕНИЕ О РАСПРОСТРАНЕННОСТИ КОРРУПЦИИ В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ?» (100% – по вертикали)

Суждения / тип предприятия	В среднем	Приходилось участвовать в судебных разбирательствах	Не приходилось участвовать в судебных разбирательствах
на личном опыте (сам сталкивался/лась с взяточничеством в судах)	11	16	4
на опыте руководителей других предприятий	14	14	15
на материалах, публикуемых в СМИ	23	20	26
коррупция существует во всех государственных органах, и суды не могут быть исключением	41	39	44
таково общественное мнение	10	10	11
затруднились ответить	1	1	1

Таблица 9

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «НА ЧЕМ ОСНОВАНО ВАШЕ МНЕНИЕ О РАСПРОСТРАНЕННОСТИ КОРРУПЦИИ В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ?» (% – по вертикали)

Суждения / тип предприятия	В среднем 1 волна	В среднем 2 волна	Микро	Малые	Средние	Крупные
на личном опыте (сам сталкивался/лась с взяточничеством в судах)	13	11	7	12	7	17
на опыте руководителей других предприятий	12	14	14	14	16	13
на материалах, публикуемых в СМИ	17	23	23	25	22	21
коррупция существует во всех государственных органах, и суды не могут быть исключением	29	41	45	36	47	37
таково общественное мнение	15	10	11	13	6	11
затруднились ответить	14	1	1	2	2	1

суды, по их мнению, не исключение, а часть государственной системы (58%) (табл. 10). Немногим меньше половины (45%) считают, что получение взятки имеет скрытый характер, поэтому факт взяточничества трудно установить и доказать, и это затрудняет борьбу с данным явлением. Примерно столько же опрошенных (42%) связывают распространение взяточничества в судах с «корпоративной солидарностью», которая ведет к покровительству взяточников и, как следствие, — к их безнаказанности. Около трети опрошенных (30%) отметили в качестве причины взяточничества то, что сами участники судебного процесса (истцы и ответчики) создают коррупционные отношения, пытаясь «мотивировать» судью рассмотреть дело не по закону, а по «интересу», нарушив тем самым принцип беспристрастного рассмотрения дела. Лишь малая доля среди опрошенных в качестве причины коррупции указали невысокую зарплату судей.

Мнение бизнес-сообщества относительно причин коррупции достаточно устойчиво, оно практически не изменилось во второй волне опроса предприятий по сравнению с первой. Не различаются существенным образом мнения и по типам предприятий. Пожалуй, можно отметить, что за период между двумя волнами опроса мнение о распространенности взяточничества в государственных органах укрепились (табл. 10).

Таким образом, по мнению опрошенных представителей предприятий, причины коррупции кроются не столько в отдельных судьях,

нарушающих основной принцип правосудия — его беспристрастность, сколько в системе отношений между властью, которую олицетворяет чиновник, судья, и гражданами, которые обращаются к ним за защитой своих законных прав и интересов, и вынуждены за это платить в той или иной форме.

Как оценивают представители бизнеса тип отношений, основанный на взятках? Считают ли они взятки приемлемой платой за то, чтобы добиться защиты своих законных интересов или же они лишь мирятся с неизбежным злом? Среди опрошенных представителей предприятий около четверти тех, кто терпимо относится к коррупции в судах: «без взяток судебные разбирательства длились бы годами» (4%), «взяточничество является традицией российского правосудия, оно не оказывает существенного влияния на рассмотрения дел» (6%), «без взяток невозможно добиться справедливого рассмотрения дел» (16%). Но 2/3 опрошенных считают взяточничество безусловным злом, которое препятствует справедливому и беспристрастному правосудию, поэтому с ним следует бороться (рис. 5).

Борьба с коррупцией объявлена на высшем государственном уровне одной из приоритетных целей внутренней политики властей всех уровней. Однако большая часть опрошенных представителей предприятий не вполне или совсем не удовлетворена тем, как эта борьба сейчас ведется (табл. 11).

Столь высокий уровень неудовлетворенности характерен для представителей как малого,

Таблица 10

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАКОВЫ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОРРУПЦИИ В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ?» (в % от числа опрошенных в целом и на предприятиях соответствующего типа)

Суждения / тип предприятия	В среднем 1 волна	В среднем 2 волна	Микро	Малые	Средние	Крупные
относительно невысокая зарплата судебных работников по сравнению с теми суммами, которые являются предметом судебного разбирательства	7	6	6	9	6	3
большое распространение взяточничества во всех государственных органах, а суды — часть государственной системы	45	58	63	60	61	48
безнаказанность судебных работников, их корпоративная «солидарность»	37	42	40	46	40	41
получение взяток имеет скрытый характер, это трудно доказать	39	45	48	46	41	48
участники судебного процесса стараются ускорить рассмотрение своих дел, «заинтересовать» судью в благоприятном для себя исходе	35	31	28	35	27	32
затруднились ответить		—	—	1	—	—

Рисунок 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАКОЕ ИЗ ПРИВЕДЕННЫХ СУЖДЕНИЙ БЛИЖЕ ВСЕГО К ВАШЕМУ МНЕНИЮ?»
(в % от числа опрошенных)

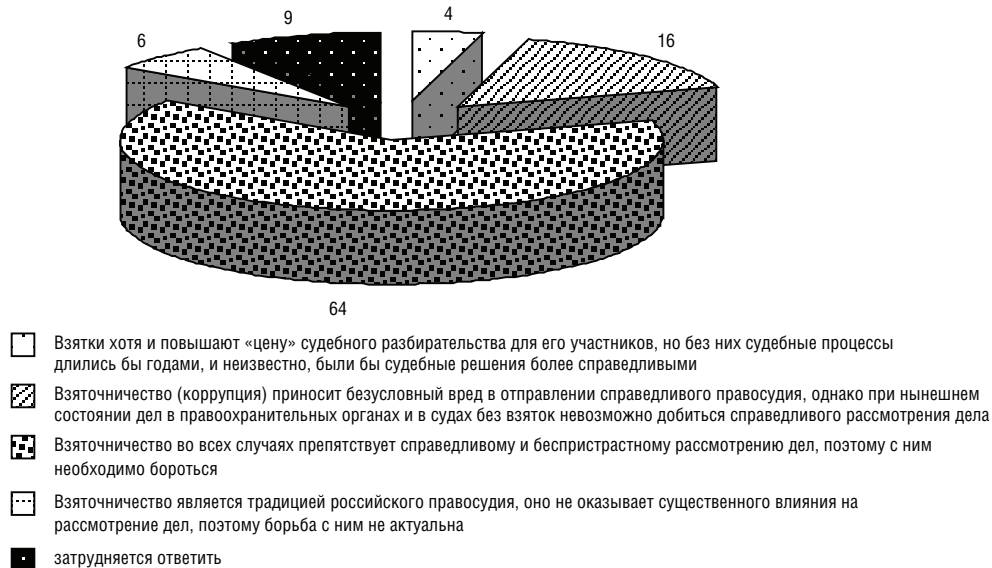

Таблица 11

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ УДОВЛЕТВОРЕНЫ ТЕМ, КАК СЕЙЧАС ВЕДЕТСЯ БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ?» (в % от числа опрошенных в целом и на предприятиях соответствующего типа)

Суждения / тип предприятия	В среднем 1 волна	В среднем 2 волна	Микро	Малые	Средние	Крупные
вполне или в какой-то мере удовлетворен/а	23	25	25	23	24	26
Не вполне или совершенно не удовлетворен/а	71	70	69	73	69	68
затруднились ответить	6	6	6	4	8	6

так среднего и крупного бизнеса, независимо от того, имели ли они опыт судебных разбирательств или нет. Основной мотив неудовлетворенности связан с тем, что, по мнению большинства опрошенных, борьба с коррупцией ведется вяло и непоследовательно (53%) или ведется только на словах, а не на деле (25%). И лишь каждый седьмой опрошенный выразил осторожный оптимизм, придерживаясь мнения, что борьба с коррупцией ведется активно и последовательно, но нужны многие годы, чтобы искоренить ее или хотя бы заметно снизить ее уровень (15%). Мнение о коррупции как необходимом элементе российского государственного устройства не нашло сколь-нибудь широкой поддержки. Лишь 6% опрошенных согласны с тем, что в нашем обществе победить коррупцию невозможно: она необходима, чтобы государственный механизм работал, так как без взяток все застопорится.

Таким образом, подавляющее большинство опрошенных представителей бизнес-сообщества считает необходимым бороться с коррупцией, но не удовлетворено тем, как ведется эта борьба со стороны государства.

Оценка системы арбитражных судов. Прошло почти 20 лет, как в России были созданы арбитражные суды. Можно ли сказать, что в настоящее время в России сложилась независимая и эффективная система арбитражных судов? В бизнес-сообществе единого устоявшегося мнения на этот счет нет. Половина опрошенных (52%) согласны с мнением, что «в России к настоящему времени сложилась самостоятельная и независимая система арбитражных судов», а немногим меньшая доля опрошенных (42%) с этим мнением не согласна. Чаще всего поддерживают мнение о существовании самостоятельной и независимой арбитражной системы в России корпоративные юристы (70%), представители крупных предприятий (67%), предприятий, успешных в экономическом отношении (65%), а также предприятий, имеющих опыт отстаивания своих прав в арбитражном суде (60%). Соответственно противоположного мнения чаще придерживаются представители малого бизнеса, а также представители предприятий, у которых нет опыта решения своих проблем в арбитражном суде (43%), причем чаще руководители предприятий (43%), чем юристы.

Неопределенность мнения проявляется в том, что в сознании опрошенных сосуществуют самые противоположные оценки сложившейся системы арбитражных судов. Так 2/3 опрошенных согласны с тем, что «в случае спорных ситуаций предприятие всегда может обратиться в суд и защитить там свои права и интересы без взяток и связей». И в то же время немногим меньше опрошенных (56%) поддерживают мнение о том, что «многие предприятия предпочитают не обращаться в суд, поскольку не рассчитывают на объективное и справедливое рассмотрение дела». Около половины наших респондентов (45%) согласны с мнением, что «у нас в арбитражных судах часто выигрывает дело тот, кто больше заплатит,» и практически столько же среди них (43%) с таким мнением не согласны. Каждый второй среди респондентов согласен с тем, что «наши суды устроены так, что любое «высокое» начальство может оказать давление на арбитражного судью, чтобы он принял нужное решение», и лишь каждый третий с таким мнением не согласен (табл. 12)

Данные, приведенные в табл. 12, показывают, что менее противоречивые взгляды на сложившуюся систему арбитражных судов в России имеют юристы и те представители предприятий, которые имеют опыт решения спорных проблем в суде.

Какие недостатки системы арбитражных судов, сложившейся к настоящему времени, чаще всего отмечают представители бизнес со-

общества? Вообще никаких недостатков в этой системе не видят лишь 14% опрошенных предприятий. Чаще всего упоминаются следующие недостатки:

1. зависимость судей от собственного начальства (его назвали 20% опрошенных).
2. коррумпированность, взяточничество (15% опрошенных)
3. формализм, необъективность при рассмотрении дел (14% опрошенных)
4. волокита, несоблюдение сроков ведения дела (10% опрошенных)
5. неоправданно большие расходы на судебные разбирательства (8% опрошенных).

Недостаточный профессионализм судей отметили лишь единицы процентов наших респондентов.

Мнения малого, среднего и крупного бизнеса относительно основных недостатков системы арбитражных судов практически не различаются. Наблюдаются некоторые различия в мнениях в зависимости от того, кто именно отвечал на вопросы анкеты. Так, руководители предприятий чаще называют зависимость судей (19%) и коррумпированность (17%), но реже формализм, необъективность при рассмотрении дела (11%). Корпоративные юристы в качестве основных недостатков чаще отмечают зависимость судей (19%) и формализм, необъективность при рассмотрении дела (20%), но гораздо реже – коррумпированность судов (9%). Опыт взаимодействия с судами также оказывал

Таблица 12

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ «ПОЛНОСТЬЮ СОГЛАСЕН/НА» И «В КАКОЙ-ТО МЕРЕ СОГЛАСЕН/НА» НА ВОПРОС: «В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМИ УТВЕРЖДЕНИЯМИ?» (в % от числа опрошенных в целом и в группах по вертикали)

	В среднем, N=812	участвовали в судебных раз- бирательствах	не участвовали в судебных раз- бирательствах	руково- дители	юристы
К настоящему времени в России сложилась самостоятельная и независимая система арбитражных судов	52	60	43	43	70
У нас в арбитражных судах часто выигрывает дело тот, кто больше заплатит	45	39	52	49	34
В случае спорных ситуаций предприятие всегда может обратиться в суд и защитить там свои права без взяток и связей	65	73	55	57	82
Наши суды устроены так, что любое “высокое” начальство может оказать давление на арбитражного судью, чтобы он принял нужное решение	53	50	58	58	43
Многие предприятия предпочитают не обращаться в суд, поскольку не рассчитывают на объективное и справедливое рассмотрение дела	56	48	66	63	40

некоторое влияние на то, какие недостатки указывались чаще. Те, кто имел такой опыт, чаще отмечали зависимость судей (22%), формализм и необъективность при рассмотрении дела (17%), несколько реже коррумпированность (11%) и волокиту, несоблюдение сроков ведения дел (10%). Те же, кто не имел такого опыта, чаще указывали на коррумпированность (19%) и зависимость судей (18%). Однако нетрудно заметить, что разница в частоте упоминаний не столь существенна, чтобы говорить о значимых различиях. *Если единого мнения о том, создана ли к настоящему времени в России независимая и эффективная система арбитражных судов, пока не сложилось, то мнение об основных дефектах нынешней системы арбитражных судов, можно сказать, является достаточно сложившимся. Различия касаются лишь восприятия степени остроты того или иного дефекта.*

Заключение. Стало уже общепризнанным мнение о том, что доверие к арбитражной судебной системе является основой формирования благоприятного делового климата в стране. Проведенное исследование показало, что доверие как к Высшему Арбитражному Суду, так и к областным/краевым/республиканским арбитражным судам остается довольно высоким (им доверяют больше половины опрошенных). Доверие арбитражным судам зависит от опыта участия в судебных разбирательствах и от того, как в мнении бизнес-сообщества оценивается качество работы судов (объективность, профессионализм в рассмотрении дел), степень их независимости либо коррумпированности. Чем лучше эти оценки, тем выше и уровень доверия к судам, даже в том случае, если нет собственного опыта судебного разбирательства. Вместе с тем мнение о том, сложилась ли в России за 20 лет независимая и эффективная система ар-

битражных судов, оказалось неоднозначным. Половина опрошенных представителей бизнес-сообщества (52%) согласны с мнением, что «в России к настоящему времени сложилась самостоятельная и независимая система арбитражных судов», немногим меньшая доля (42%) с этим мнением не согласна. Данные показывают, что более позитивные взгляды на сложившуюся систему арбитражных судов в России выражают юристы и те представители предприятий, которые имеют опыт решения спорных проблем в суде.

Если единого мнения о том, создана ли к настоящему времени в России независимая и эффективная система арбитражных судов, пока не сложилось, то мнение об основных дефектах нынешней системы арбитражных судов, можно сказать, является достаточно устойчивым. Различия касаются лишь восприятия степени остроты того или иного дефекта. Главным образом это: а) зависимость суда от властей разного уровня; б) коррумпированность, взяточничество; в) формализм, необъективность при рассмотрении дел.

Проектом «Поддержка судебной реформы» предусмотрено проведение четырех волн опроса предприятий. Поскольку проведены только две из них, то можно сказать, что данные выводы носят предварительный характер. Проведение следующих волн обследования предприятий, основанных на тех же методических принципах (построение выборки, организация опроса) и с использованием того же инструментария (анкеты) позволит получить сравнимые данные по четырем временным точкам наблюдений. Это даст возможность более обоснованно оценить, насколько действительно устойчивыми оказались выявленные тенденции в оценках и мнениях бизнес-сообщества относительно деятельности арбитражных судов.

Лев ГУДКОВ
Борис ДУБИН
Наталья ЗОРКАЯ

Отъезд из России как социальный диагноз и жизненная перспектива: причины, намерения, действия

Вводные замечания. С весны-начала лета 2011 года в заявлениях многих лиц, постоянно присутствующих на российской политической сцене и, соответственно, на страницах печати и экранах телевизоров, снова возникла и стала все чаще повторяться тема эмиграции россиян. Как правило, эти разговоры ведутся в тональности чрезвычайной, если не панической озабоченности «утечкой умов», которая угрожает государственным планам модернизации страны, ослабляет национальную безопасность и проч.¹ Реже речь заходит о неблагоприятном бизнес-климате, сложившемся в годы путинского правления, которое одни считают «укреплением вертикали», другие — «ментовским государством», третьи говорят о коррумпированном полицейском авторитаризме. Некоторые издания подают читателю данные последних опросов общественного мнения о желаниях граждан уехать из страны как вещь совершенно неожиданную или рассматривают их как симптом надвигающейся деградации либо краха, подстерегающего страну. Чаще всего упор при этом делается на отток из страны «ученых» и инженеров, молодых и талантливых россиян, оказавшихся в хронически бедственном положении из-за проводимой правительством политики сокращения финансирования на науку, культуру, образование и т.п.² Эксперты, а вслед

¹ См., например: *Каменский А.* Утечка умов и национальная безопасность России // http://www.mirec.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=48. Между тем, в 2009 г. специалистами было отмечено, что «утечка умов» из России практически прекратилась, ситуация относительно нормализовалась и речь должна идти теперь об умножающихся и усложняющихся формах постоянного, нормального международного сотрудничества ученых и других специалистов (изложение доклада Агентства «Контент-Медиа» см.: <http://www.vechnayamolodost.ru/news/news/utumizroppra7.html>). Об истории вопроса на протяжении 1990-х — начала 2000-х гг. см. материалы на авторитетном сайте «Демоскоп»: *Дежина И.* «Утечка умов» из России: мифы и реальность // <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/059/analit02.php>; *Леденева Л.* Не потеряет ли Россия своих Платонов и Невтонов? // <http://demoscope.ru/weekly/2002/055/tema01.php> и др.

² Определенным стимулом к новому всплеску разговоров об «утечке умов» стало, конечно, присуждение в 2010 г. Нобелевской премии по физике А.Гейму и К.Новоселову, уехавшим из России в 1990-х гг. Осо-

за ними и политики упорно повторяют цифру 1 млн. 300 тысяч ученых и ИТР, уехавших за рубеж за «последние годы».

Несомненно, по крайней мере, одно: нынешний всплеск внимания политического истеблишмента и общественности к теме эмиграции, подаваемой прежде всего как проблема «утечки умов», не случаен, такое уже бывало за последнее время несколько раз. Характерно, что пики подобных подъемов интереса к проблеме со стороны политиков, экспертного сообщества, массмедиа так или иначе совпадают с моментами предшествовавшими или следовавшими за ситуациями политического и/или экономического кризиса³. Это приводит к искажению фактической картины и ее предыстории, к замалчиванию или перетолкованию содержания и смысла актуальных миграционных процессов в контексте сложившейся системы политического правления, состояния экономики, бизнес-климата в стране, а также состояния самого социума. Во всяком случае, если приводимая экспертами цифра — 1,3 млн. — подразумевает число «эмигрировавших за последнее десятилетие», то эти данные близки по масштабам к тем, что подсчитаны демографами на основе анализа российской и зарубежной статистики за период 1990-х гг.: согласно им, из страны за эти десять лет эмигрировало более 1 млн. человек⁴. А это свидетельствует о том, что и проблема эмиграции, и ее более узкая, но социально,

бо острую реакцию в России вызвало абсолютное нежелание новых нобелиатов считаться «своими» — вопреки тому рисунку привычного для себя поведения, который им тут же стали в панибратском тоне навязывать российские менеджеры от науки, зазывавшие их в Сколково и проч.

³ И. Дежина (указ. источник) отмечает пик печатных публикаций по проблеме в 1995 г., доклад Агентства «Контент-Медиа» (указ. источник), также имея в виду лишь прессу, выделяет пики публикаций по проблеме эмиграции в 2000, 2003-2004, 2005 гг. (самый высокий показатель), затем, с уменьшением, в 2006 г. и постепенное заметное снижение к 2009 г. Вслед за центральной прессой, с некоторым характерным запозданием, следует такая же динамика публикаций в региональной печати.

⁴ *Денисенко М.* Эмиграция из России по данным зарубежной статистики // *Демоскоп Weekly*, 2002, №65-66.

экономически и политически более значимая трактовка — проблема «утечки умов» — носит в постсоветском обществе затяжной, хронический характер.

Мы имеем дело с непрерывным процессом миграции — социологи, демографы, этнографы это знают и не раз писали об этом. Нельзя принимать во внимание лишь последние, отдельные результаты эмпирических зондажей — нужно рассматривать эти явления в контексте более широких процессов. Регулярные социологические репрезентативные опросы населения, пусть даже не нацеленные специально на изучение процессов миграции разных типов, дают возможность судить о динамике миграционных настроений и установок на миграцию, включая установку на эмиграцию, т.е. выезд из страны на постоянное место жительства. Важное отличие подобного рода исследований от специализированного отслеживания процессов миграции на основе статистики, ведущегося прежде всего демографами, которые изучают данную проблему в рамках «больших» демографических процессов, заключается прежде всего в том, что социологические опросы служат «барометром» общественных настроений и направлены на общее понимание долговременных процессов, идущих в обществе и различных его подсистемах — будь то политика, экономика, культура, образование и т.д. В нашем случае цель такого исследования — не просто замерить рост или падение установок на миграцию, предложить примерную количественную оценку потенциальной миграции и эмиграции, вполне возможную на основе подобных данных, а их социологическая интерпретация. Это подразумевает изучение таких социальных явлений, как доверие к институтам, политическое участие, протестные настроения, масскоммуникативные предпочтения, электоральные и, наконец, миграционные настроения — в общем контексте процессов, шедших в последние десятилетия и идущих сейчас в стране.

Экскурс в 1990-е: к постановке проблемы эмиграции в постсоветском обществе. Свобода выезда из страны считается одним из важнейших индикаторов состояния гражданского общества. Мотивы эмиграции, ее направленность, этнический, демографический, профессиональный состав уезжающих более точно характеризуют процессы, происходящие в данном социуме, чем множество официальных статистических показателей. Совокупность этих явлений отражает моральный климат и степень открытости

общества, особенности его внутренних напряжений, наличие гражданских свобод, возможности профессиональной и образовательной мобильности, насыщенность трудового рынка, типы социальной стратификации и их соотношение с тем, что может быть завоевано потенциальным мигрантом в других странах, которые выступают в его сознании эталоном, мерой для сравнения с имеющимся.

В закрытом советском обществе проблемы эмиграции публично почти не обсуждались, поскольку легальный выезд из страны на постоянное жительство был приоткрыт только для некоторых этнических групп, но даже для них он сопровождался огромными трудностями, психологическим шоком и травмами. По данным первого опроса по проекту «Советский человек», проведенного коллективом Левада-Центра в 1989 г., об эмиграции говорили в семьях лишь 6% опрошенных, примерно столько же собирались сами говорить об этом со своими детьми. Спустя почти 20 лет, доля людей, обсуждающих эту тему в семье, осталась практически без изменений.

Таблица 1
ГОВОРИЛИ С ВАМИ ВАШИ РОДИТЕЛИ, СТАРШЕ В СЕМЬЕ О ЧЕМ-ЛИБО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО НИЖЕ?
(в % от всех опрошенных, данные приводятся только по позициям, сопоставимым в обоих замерах)

Вариант ответа	1989	2008
Репрессиях, тюрьмах, ссылках в сталинскую и советскую эпоху	22	26
О реальном положении в экономике страны в прошлом, в наше время	17	22
О руководстве страной, ее вождях в прошлом, сегодня	29	28
Об эмиграции, о выезде из страны	6	7
Об интимных отношениях, сексе	4	11
О смерти	12	13
О самоубийстве	3	5
О Боге, вере, церкви	18	28
Я вырос (выросла) без родителей	3	1
Ни о чем из этого родители, старшие со мной не говорили	23	17
Число опрошенных:	1474	1508

Основной поток эмигрантов с начала 1970-х годов фактически состоял из евреев, которые обладали самыми высокими урбанизационными характеристиками, высшими показателями образования и квалификации среди всех национальных групп в СССР, а потому имели наиболее высокие социальные запросы и ожидания.

Таблица 2

О ЧЕМ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО ВЫ САМИ ГОВОРИТЕ (ИЛИ СОБИРАЕТЕСЬ ГОВОРИТЬ) С ДЕТЬМИ, ВНУКАМИ, МЛАДШИМИ В СЕМЬЕ? (в % от всех опрошенных, данные приводятся только по позициям, сопоставимым в обоих замерах)

Вариант ответа	1989	2008
Репрессиях, тюрьмах, ссылках в сталинскую и советскую эпоху	17	14
О реальном положении в экономике страны в прошлом, в наше время	32	33
О руководстве страной, ее вождях в прошлом, сегодня	28	29
Об эмиграции, выезде за границу	6	7
Об интимных отношениях, сексе	15	21
О смерти	6	13
О самоубийстве	3	8
О Боге, вере, церкви	11	31
Число опрошенных:	1474	1508

Культурные ресурсы, рост национальной сплоченности, заметный с конца 1960-х годов, выводы, сделанные из практики государственного антисемитизма, длившейся с послевоенных лет, стигма катастрофы, делающая проблемы национального выживания особенно острыми, раннее включение в борьбу за гражданские права, — все это вместе стимулировало еврейскую эмиграцию или, иначе говоря, выталкивало евреев из СССР. Ассимилированное еврейство, точнее — та его часть, которая заново обретала в тот период свою культурную и этноконфессиональную идентичность, составляла эмиграционный потенциал позднесоветского общества.

Возможность выезда была ограничена формальным условием — «восоединением семей», что для людей из этнических групп, не имевших значительной диаспоры, делало выезд невозможным. Однако начиная с конца 1980-х годов, пика либерализации советской системы в период перестройки, число выезжающих за рубеж начало стремительно расти. Возможность эмиграции стала не столь уж нереальной и для тех, кто не был евреем, армянином, греком, немцем или поляком.

Первые же исследования нынешнего Левада-Центра (бывшего ВЦИОМ) в 1989-1990 гг., в которых стали задаваться вопросы об установках респондентов на эмиграцию, поездках за границу, обрисовали ту социальную среду, в которой были распространены желания уехать — от мечтательной примерки ролей «тамошнего жителя» до вполне оформившихся «чемоданных настроений». По характеру эта

среда мало чем отличалась от групп, которые за время перестройки составляли самый активный и дееспособный контингент демократизации общества и сопротивления прежнему режиму: чем моложе и образованнее были люди, тем сильнее высказывались подобные желания. Иначе говоря, неприятие советского образа жизни выражалось в разных формах, в том числе и в эмиграции. По данным начала 1990-х можно было заключить, что неизбежным или желанным выходом эмиграция представлялась тем, у кого были сужены возможности социального продвижения или улучшения благосостояния, закрыты те социальные перспективы, которые определяли самооценку индивидов и их ближайшего окружения.

Еще до распада СССР желание эмигрировать было гораздо сильнее выражено среди самых образованных граждан, находящихся в социально активном возрасте. Но наиболее сильным оно было не в столицах — Москве и Ленинграде, где спектр возможностей для социального продвижения всегда был и остается сравнительно широким, а в столицах союзных республик и крупных городах. В столицах советских республик в это время уже начался процесс национального подъема, а, следовательно, и контроля над этническим составом кадров, усугубивший и без того тяжелое, дискриминированное положение высококвалифицированных представителей нацменьшинств. В крупных городах каналы мобильности, в сравнении с «центром», были сужены, отсюда — избыток образованного населения в крупных городах, его социальная невостребованность, что также действовало как фактор «выталкивания» высокообразованных слоев за рубеж. Однако следует помнить, что в социологических опросах мы имели и имеем дело не с собственно актуальным поведением, а с мнениями, намерениями, не всегда реализующимися буквальным образом. Реальная готовность эмигрировать всегда была и остается существенно ниже, чем готовность декларативная, высказываемая в опросах. Тем не менее, при оценке социальных и политических процессов в стране чрезвычайно важно учитывать сами установки на эмиграцию, а тем более — их устойчивость в более чем двадцатилетней ретроспективе.

Судя по материалам наших опросов, 1990 г. был для населения СССР самым тяжелым. Именно на него приходится пики напряженности и фрустрации, страха перед возможностью государственного насилия (как средства подавить национальные и демократические

движения), ожиданий и фактического падения жизненного уровня, распространения настроений безнадежности и депрессии. В последующие годы во всех республиках, за исключением России, процессы национальной консолидации резко улучшили психологический фон. Тем более что уже в 1990 г. существенно либерализовался режим выезда по частным и неофициальным мотивам, начался процесс обсуждения нового закона о выезде, и прежнее мифологизированное отношение к «границе» и «жизни за границей» начало постепенно заменяться, пропорционально числу получивших возможность взглянуть на «тамошнюю жизнь», картиной более реалистической.

На тот период за границей побывали 10-11% советских людей (не считая служивших в армейских частях, дислоцированных за пределами страны, что составляло примерно 4% взрослого населения). Из них около 3/4 выезжали в туристические поездки, преимущественно в соцстраны, пятая часть (главным образом, привилегированный слой бюрократии) – в деловые и служебные командировки. Опыт работы по контракту в иностранных фирмах, учебы за рубежом, посещения родных и знакомых по частным приглашениям на тот момент имели немногим более 2% взрослого населения страны.

Но по данным 2011 г. эта доля остается очень небольшой: 3% всего взрослого населения России бывали когда-либо (то есть, включая и советские времена) за границей в командировке на конференциях, лишь 1% – на работе по контракту, гранту, столько же на учебе или стажировке, а 2% – в гостях у родственников, знакомых. Основная масса – 12% всех опрошенных в 2011 г. – были за границей только на отдыхе или в туристических поездках.

В начале 1990-х гг. люди, реально готовившиеся к эмиграции, составляли, по данным различных опросов, около 0,5-0,8% всего взрослого населения, что, разумеется, не означало одномоментного выезда всех желающих. При этом уже тогда на массовом уровне обозначилась основная тенденция – преобладание установок на временную миграцию с целью заработать какие-то деньги и вернуться затем на родину, что по типу приближалось к экономической эмиграции, которая была характерна с 1960-х гг. для испанцев, португальцев, турок, югославов, греков, поляков и др.

Сразу после августовского путча 1991 г. среди наиболее политически и социально ангажированных групп недолгое время наблюдался подъем оптимистических настроений

в отношении грядущих демократических и либеральных реформ. Однако отсутствие быстрых перемен, отрезвляющая, довольно тяжелая и жестокая реальность обвального хода перемен (особенно осязаемая для большей части населения, не включенного в реформы, не понимающего и не поддерживающего их хотя бы мысленно), слабость политической воли и авторитетности реформаторов, недостаточная их самостоятельность, зависимость от номенклатурной власти довольно скоро, уже к концу 1991-го – началу 1992 гг., выразились в общем спаде настроений. Но разочарование прежде всего нарастало, конечно, именно в той части общества, которая заметнее других проявляла политическую ангажированность. Эмиграционные настроения в обществе оживились.

Можно утверждать, что именно в данный наиболее сложный период – начала 1990-х гг. – и произошел окончательный «исход» той высококвалифицированной и образованной части общества, которая по преимуществу и составила «советскую эмиграцию». На это время приходится практически окончательный исход из страны прежде всего евреев (а также иных представителей этнических меньшинств – немцев, армян и пр.). К 1992-1993 гг. наиболее активная, молодая, но именно в силу этого и наименее адаптированная к сложившейся социальной системе часть евреев уже выехала из страны: средний возраст евреев в России на середину 1990-х составлял, по разным демографическим оценкам, свыше 50 лет.

При этом мы бы предложили рассматривать эту все еще этнически окрашенную эмиграцию конца 1980-начала 1990-х гг. скорее как декларативно политическую. В тех странах, куда направлялись эмиграционные потоки, уже не только сформировались достаточно надежные «базы», «опорные среды» родственников и друзей, но и сложилась весьма благоприятная для эмигрантов, прежде всего евреев и немцев, миграционная политика стран, куда они направлялись (а направлялись они прежде всего в Германию и Израиль), – социальная поддержка со стороны государств, принимающих новых иммигрантов из СССР, а затем бывшего СССР, была весьма значительна. Поэтому такие «выталкивающие» факторы еврейской эмиграции, как всплеск антисемитской прессы, устойчивость антисемитской риторики в языке консервативных и патриотических партий и движений в Союзе и в России, как и сама социально-экономическая нестабильность в стране, выступали скорее психологическими основаниями

для рационализации принимаемых людьми решений эмигрировать.

Но, с другой стороны, после первого шока, вызванного началом в России собственно экономических (гайдаровских) реформ, начался и процесс социально-психологической стабилизации. К этому моменту у наиболее образованных групп накопилось уже достаточно информации об условиях жизни за рубежом, о рынке труда, спросе на соответствующие профессии и специальности. Многие успели временно поработать в западных странах, так что прежняя проблема эмиграции как полного и необратимого разрыва со здешней жизнью начала терять остроту, приобретая более прагматический характер.

Как известно, наиболее оптимистично оцениваемыми и относительно стабильными в допутинский период были 1994-1995 гг. — именно в этот период наблюдался и общий спад эмиграционных настроений в обществе. Общее ослабление декларативного желания уехать из страны (подчеркнем, что масштабы установок на реальную эмиграцию при этом практически не изменились) произошло, в первую очередь, за счет молодежи, которая начала обнаруживать в России новые для себя возможности. Если они и не были похожи на воображаемые картинки «тамашней» жизни, то все же обеспечивали молодежи положительный баланс удовлетворенности, пусть и хрупкий. Декларативные эмиграционные настроения переместились за 1993-94 гг. из столиц и крупных городов в средние, а затем и в малые, в которых тогда (как и сегодня, о чем будет сказано ниже) фиксировался максимум желавших уехать из страны. Но поскольку в действительности именно из этих социальных сред и тогда, и теперь выезд за границу как по делам, так и в турспешки, в гости к «далеким» родственникам был минимальным, то применительно к середине 1990-х гг. мы можем утверждать о возрождении — на фоне нараставших во власти, населении, массмедиа настроений изоляционизма и разочарования в «Западе» — российских мечтательных образов «другой», «райской», благополучной жизни, недостижимой в реальности.

Контекстом и фоном для этого послужило все более широкое распространение образцов «понижающей адаптации» к переменам в стране. Укреплялись установки на выживание и пассивное претерпевание невзгод, ширились процессы деполитизации и социальной дереализации, массового вытеснения общезначимых социальных проблем, ослабления связей кол-

лективной солидарности, круги доверия и ответственности сужались до собственной семьи и ближайших родственников. Все это повлекло за собой блокировку нормальных процессов реальной массовой миграции, характерных как для развивающихся, так и для развитых стран — эмиграции, прежде всего, образовательной и трудовой.

Социологический анализ дает возможность более адекватно воспринимать смысл, функции и возможные последствия названных процессов «понижающей адаптации». Соответственно, данные многолетних массовых опросов и их системный социологический анализ позволяют точнее оценивать и осознавать на этом фоне весьма устойчивые миграционные и эмиграционные настроения, довольно массовые в стране с сохраняющимися, более того — периодически усиливающимися комплексами изоляционизма, мифологией «осажденной крепости» и т.п. феноменами. Нужно понимать, что установка на миграцию и эмиграцию и сегодня является в России не только и даже не столько выражением нормальных для современных обществ миграционных процессов (связанных с получением более качественного образования, трудовой и деловой активностью, а также с личными и семейными обстоятельствами), но прежде всего выступает показателем массовых оценок сложившегося социально-политического устройства и места (или отсутствия достойного места) человека, его близких в этом устройстве.

Ни один отдельно взятый показатель, вырванный из такого широкого аналитического контекста, из общей картины в ее динамике и устойчивости не указывает напрямую на реальное поведение, на практику, поскольку выражает взаимодействие множества социальных обстоятельств и факторов. Подчеркивать это, казалось бы, очевидное обстоятельство, необходимо, поскольку данные социологических опросов отождествляются многими журналистами и политиками именно со статистикой. Нередко это делается намеренно, для манипуляции общественными настроениями самых разных слоев населения, причем разными по направленности политическими силами. Произвольно вырванные цифры выдаются за реальность, к тому же удостоверенную «наукой», будь то данные о протестных настроениях, электоральных намерениях или миграционных установках.

Именно в таких условиях, перед думскими и президентскими выборами 2011-2012 гг., кремлевскими политтехнологами в качестве одной из карт и разыгрывается «угроза» эмиграции

наиболее квалифицированной и обеспеченной части общества, на которую, понятно, прежде всего рассчитывалась модернизационная риторика власти в последние месяцы. Бесспорно, этот всплеск эмиграционных настроений отражает реальное самочувствие наиболее адаптированной, социально продвинутой, экономически активной и благополучной среды, связанное с ощущением нарастающей неопределенности и нестабильности, причем как внутри страны, так и на Западе — в связи с экономическим кризисом, финансовой ситуацией ЕС и США. Однако для нас куда более важно подчеркнуть, что подобное состояние для постсоветского общества — хроническое, причем оно характерно как для молодого и относительно молодого населения «столиц» и крупнейших российских городов, так и для общества в целом. Еще раз напоминая, что миграционные установки и действия можно и нужно рассматривать, среди прочего, как проявление нормальных процессов современного общества, от циркуляции трудовых ресурсов до циркуляции элит, мы в данном случае сосредоточимся на более важной по своим последствиям для российского общества и его будущего стороне данного явления. Мы, прежде всего, будем видеть в нем, как уже говорилось, проявление общественного неблагополучия, «социальной болезни», имеющей свои скрытые фазы и периоды обострения.

Динамика миграционных настроений в 1990-2000-е годы: опросы и статистика. Вопреки сенсационным публикациям данных о динамике эмиграционных намерений, тщательное сравнение результатов исследований общественного мнения, проводившихся коллективом Левада-Центра с конца 1980-х гг., показывает: никакого линейного роста этих настроений нет. Центры общественного мнения периодически замеряют так называемые эмиграционные *настроения*. Поскольку это именно *настроения*, получаемые данные колеблются и зависят от ряда внешних — политических, экономических, социально-культурных — составляющих. По последнему всероссийскому репрезентативному опросу Левада-Центра (май 2011 г.), суммарная доля желающих эмигрировать составила 22%. Такова в сумме группа россиян, ответивших на вопрос о желании уехать из страны за границу «определенно да» и «скорее да», — иными словами, речь идет о респондентах, и твердо уверенных в своем решении, и склоняющихся к такому ответу, но в той или иной мере сомневающих.

Сравнивать эти последние данные с предыдущими замерами следует осторожно, поскольку в предшествующих опросах, данные которых представлены на рисунке 1, респонденту предлагалось ответить на поставленный вопрос, выбрав из двух вариантов: «да» или «нет», либо «хочу уехать» — «не хочу уезжать». Поэтому можно и нужно говорить скорее о сохранении в последние годы стабильной, довольно высокой доли людей, так или иначе думающих об эмиграции, и о возможной тенденции к нарастанию таких настроений за последний год.

Этот последний феномен становится заметен, в частности, если сопоставить данные о степени *реальности* подобных намерений — выявить доли людей, которые уже предприняли или предпринимают для эмиграции реальные шаги. Если сравнить результаты опросов 2009 и 2011 гг., на которые и приходится предположительный рост эмиграционных настроений, то мы увидим: прежде всего, заметно (почти на 10 п.п.) сократилась доля людей, никогда не задумывавшихся об эмиграции из страны, а также возросла доля «определившихся» (сумма выбравших две первые позиции выросла с 1,1% до 2,9%, что выше достаточно устойчивых за многие годы данных о «реальной эмиграции», не превышавших прежде 1% от взрослого населения). Правильнее говорить здесь лишь о возможной тенденции, поскольку рост, зафиксированный в одном замере, еще не указывает на оформившийся процесс; к тому же статистическая погрешность массовых репрезентативных опросов составляет +/- 2-3%, так что устойчивая тенденция может быть подтверждена лишь на протяжении нескольких замеров.

Таблица 3.
В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СЕЙЧАС ГОТОВЫ К ТОМУ, ЧТОБЫ УЕХАТЬ ЗА ПРЕДЕЛЫ БЫВШЕГО СССР НА ПОСТОЯННОЕ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА? (в % от всех опрошенных)

Вариант ответа	2009 г., апрель, опрос населения	2011 г., май, опрос населения
Собираю, оформляю документы на выезд	1	1
Принял твердое решение на выезд	1	2
Обдумываю возможность выезда	3	6
Иногда подумываю над этим	19	21
Никогда не думал об этом	78	69
Число опрошенных	1600	800

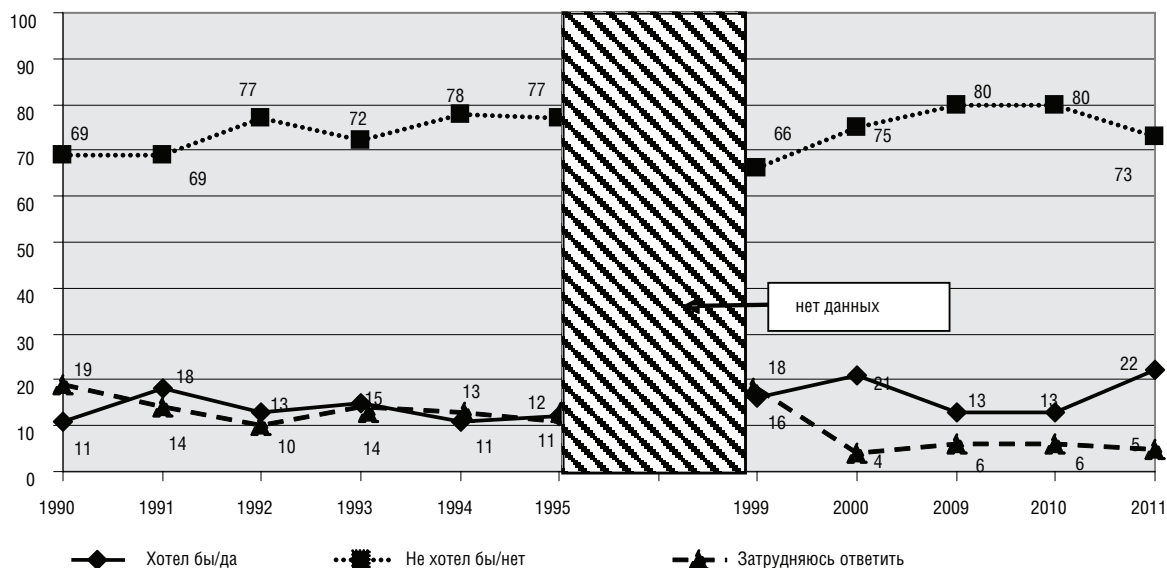
Стабильно высокая доля желающих уехать из страны, фиксируемая уже после выборов 2008-2009 гг. и немногим отличающаяся от 1990-х, указывает, среди прочего, на достаточно массовое выражение типичного для постсоветского общества синдрома «разочарования», не оправдавшихся надежд на улучшение жизни с приходом нового главы государства. Возможный (с оговорками, сделанными выше) рост данного показателя, несомненно, связан с последствиями финансового и экономического кризиса, так или иначе затронувшего Россию, особенно – обеспеченные, социально активные слои, а также городскую образованную молодежь, потерявшую высокие доходы или вынужденную отказываться от своих притязаний на рынке труда, будь они обоснованными или завышенными (если учесть соотношение профессиональной компетенции и уровня оплаты). Кроме того, здесь определенно есть и собственно политическая составляющая – все больший разрыв между населением и властью. Это и фактическая неуправляемость правящих клик, и абсолютно недемократичная процедура передачи правления от Путина к Медведеву, и создание специфического властного «тандема»,

ными структурами высшей же бюрократии. Это дальнейшее последовательное подавление «несистемной» оппозиции, ставящее целью полную атрофию у граждан реального политического выбора¹.

Отметим один существенный тренд – к концу 2000-х сокращается доля людей, затрудняющихся дать определенный ответ, тогда как доля тех, кто, по их словам, не собирается уезжать, напротив, растет. Однако доля людей, выразивших намерение покинуть страну, остается достаточно стабильной на протяжении всего периода 1990-х и 2000-х годов. Подъем зафиксирован в 1991 г.; довольно высок был показатель желаний эмигрировать в 1993-м, следующий относительный пик приходится на 1999 г. Как мы уже упоминали, все эти подъемы совпадают с периодами кризиса власти или процедурами ее передачи, а, соответственно, отмечают наиболее крупные события в политической истории России девяностых годов – распад СССР и образование РФ, августовский путч 1991 г., разгон Верховного Совета и обстрел Белого Дома, приход к власти В. Путина и начало Второй Чеченской войны. В этой динамике прослеживается и роль экономического фактора – полный развал

Рисунок 1.

ХОТЕЛИ БЫ УЕХАТЬ ЗА ГРАНИЦУ – ЗА ПРЕДЕЛЫ БЫВШЕГО СССР – НА ПОСТОЯННОЕ ЖИТЕЛЬСТВО? (в % к числу опрошенных)

а также российско-грузинская война 2008 г. и ее политические последствия. Это смена власти в столице страны, не имевшая никаких правовых оснований и политических результатов, поскольку представляла собой лишь подвижку властных группировок, а не реальную борьбу высших представителей власти с коррупцион-

¹ Как показали думские выборы 4 декабря 2011 г., при всей неоднозначности и, скорее всего, значительной откорректированности их официальных результатов, такое сознание тупика, в который людей загоняет власть, привело к всплеску (и очень быстрому, буквально за считанные недели и дни) протестного голосования за любые партии, кроме «Единой России». Организация с этим громким названием не смогла собрать даже половины из тех 60% россиян, которые, по данным ЦИК, видимо, завышенным, пришли на избирательные участки.

	1990	1991	1992*	1992*	1993*	1994	1995	1999	2000	2009	2010
Хотел бы/да	11	18	15	13	15	11	12	16	21	13	13
Не хотел бы/нет	69	69	66	77	72	78	77	66	75	80	80
Затруднились ответить	19	14	19	10	14	13	11	18	4	6	6
<i>Число опрошенных</i>	<i>1708</i>	<i>2805</i>	<i>1566</i>	<i>1651</i>	<i>1800</i>	<i>2000</i>	<i>2550</i>	<i>2000</i>	<i>2400</i>	<i>1600</i>	<i>1600</i>

*Вопрос задавался в несколько разных формулировках, но по той же шкале, за исключением опроса 2011 г. (приводятся суммарные ответы по четырехпозиционной шкале, которая, как показывает многолетняя практика проведения опросов, дает несколько большую долю «положительных» ответов и несколько меньшую «отрицательных» за счет перераспределения «сомневающихся»: «определенно да»+«скорее да», «скорее нет»+ «определенно нет»); в опросах 1992-1993 – «уехать на постоянное жительство в другую страну»; 1992, 1999 – «уехать на длительный срок, хотя бы на год-два»; 1995 – «уехать в какую-то из стран Запада жить постоянно».

административно-плановой, распределительной советской экономики к началу 1990-х, лавинообразные экономические реформы 1991-92-х гг., последствия финансового кризиса и дефолта 1998 г.

Результаты социологических опросов подтверждаются статистическими данными, которые приводят демографы. Так, хотя демографы отмечают прежде всего огромный рост числа эмигрантов к 1990 г. (в 1990 г. число эмигрантов из России в 36 раз превысило число эмигрантов за 1986 г.), в девяностые годы поток эмигрантов стабилизировался в среднем примерно на уровне 100 тыс. в год, так что за период 1989-1999 гг. по официальной статистике (МВД) из России в дальнее зарубежье выехало около 1 млн. человек¹. Но отметим, что указываемые на рисунке 2 пики соответствуют указанным подъемам эмиграционных настроений, которые мы отметили выше.

С распадом СССР и концом советского общества, почти полностью изолированного от мира, после открытия границ и принятия Закона о выезде в 1993 г. эмиграция постепенно теряла свой прежний смысл – отъезда без возвра-

та. Резко возросла доля людей, которые вообще хотели бы поехать за рубеж, причем на протяжении всего этого периода и по сей день в их намерениях преобладали не собственно миграционные мотивы, связанные с социальной, трудовой, образовательной мобильностью, открывающей новые шансы для социального продвижения и экономического благополучия, а стремление посмотреть мир – желание путешествовать, отдохнуть за границей, увидиться с уехавшими прежде друзьями и родственниками.

Так, по данным опроса, проведенного в 1992 г., более двух пятых опрошенных россиян (46%) вообще не собирались «за рубеж», чуть меньше – 39% – хотели бы поехать за рубеж в туристическую поездку или по приглашению; 15% выразило желание поехать на работу или учебу, а 8% – уехать на постоянное место жительства. Таким образом, в начале 1990-х гг. доля заявлявших о желании уехать из страны навсегда или на продолжительный срок (работа, учеба) составляла от одной пятой до четверти всех взрослых россиян.

Но и в 1999-2000 гг. доля россиян, желающих уехать за рубеж, без конкретизации це-

Таблица 4.

ЭМИГРАЦИЯ ИЗ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ГЕРМАНИЮ, ИЗРАИЛЬ, КАНАДУ, США И ФИНЛЯндиЮ (ПО ДАННЫМ МВД РОССИИ), человек⁷

Страны	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Всего	103694	88347	103117	113913	105369	110313	96665	84823	83674	108263
В том числе										
Германия	33754	33705	62697	72991	69538	79569	64420	52140	49186	52832
Израиль	61023	38744	21975	20404	16951	15198	14298	14433	16880	36317
Канада	179	164	292	661	874	754	1 003	1 300	1440	1837
США	2322	11017	13200	14890	13766	10659	12304	12466	10753	11078
Финляндия	450	583	451	536	586	603	728	755	798	1068

¹ См. эти данные, а также график и таблицу, приведенные в указанной выше публикации М. Денисенко. В статье сравнивается российская и зарубежная статистика; по данным последней, количество иммигрантов из России (прежде всего в Германию, США, Израиль и Канаду) превышает данные российского статистического учета.

лей, также составляла около одной пятой всех опрошенных (в 2000-м, а также после выборов

² Демографический ежегодник России. 1999. М., 2000.

2008 г. этот показатель чуть вырос). Несколько сократилась — приблизительно с трети до примерно одной четверти — доля тех, кто никогда не задумывался об отъезде хотя бы на какое-то время, но относительное большинство (до половины опрошенных) определенно не вынашивали подобных планов. Если сложить долю «не задумывавшихся» об отъезде и долю «не желающих» уезжать, то мы опять-таки получим примерно три четверти россиян, которые не думают об отъезде из России.

Таблица 5.
ХОТЕЛИ БЫ ВЫ ЛИЧНО УЕХАТЬ ЗА РУБЕЖ?
(в % от числа опрошенных)

	1999 г., январь «Мониторинг»	2000 г., июль «Мониторинг»
Да, хотел бы	16	20
Да, хочу и готовлюсь к отъезду	<1	1
Никогда не думал об этом	31	26
Нет, не хотел бы	46	49
Затрудняюсь ответить	6	4
Число опрошенных	2400	2400

Таблица 6.
ВЫ ХОТИТЕ (ХОТЕЛИ БЫ) УЕХАТЬ НА ВРЕМЯ ИЛИ НА ПОСТОЯННОЕ ЖИТЕЛЬСТВО? (в % от тех, кто хотел бы уехать; в скобках приводятся данные в % от всей совокупности опрошенных)

	1999 г., январь «Мониторинг»	2000 г., июль «Мониторинг»
На ПМЖ	20 (5)	26 (6)
На время, поработать	37 (8)	45 (11)
На учебу	3 (1)	4 (1)
Пока не знаю, как получится	18 (4)	14 (3)
Затруднились ответить	22	11
Число ответивших	544	590

Уточняющие вопросы о том, хотят ли люди уезжать навсегда или на какое-то время, показывают: с начала 1990-х доля людей, намеревающихся уехать на ПМЖ (в пересчете на все взрослое население), практически не изменилась, а доля желающих уехать поучиться или поработать даже несколько сократилась. Но если считать от тех респондентов, которые высказали намерение уехать, то за полгода после выборов В.Путина в президенты страны доля желающих «уехать за рубеж навсегда» выросла

на 6 п.п., а выехать на время (работать, учиться) — даже на 12 п.п., при этом вдвое сократилась доля затруднившихся с ответом.

Однако и данные по годам, когда наблюдался некоторый подъем эмиграционных настроений, и результаты более поздних замеров 2008-2010 гг. показывают: подавляющее большинство тех, кто заявил о намерении уехать в другую страну на ПМЖ, ничего реального для отъезда не предпринимали.

Таблица 7.
ВЫ ПРЕДПРИНИМАЛИ ЧТО-НИБУДЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ УЕХАТЬ ЗА ГРАНИЦУ? (в % от тех, кто хотел бы уехать, т.е. 21% от всех опрошенных, N=490, в скобках приводится процент от всей совокупности опрошенных, N=2100)

	1999 г., январь, монито- ринг, N=544	2000 г., июль, монито- ринг, N=590
Собираю сведения о стране, условиях жизни, информацию	10 (2)	10 (3)
Подаю документы, жду визу	2 (<1)	2 (1)
Договорился, договариваюсь о своем переезде с живущими за границей родственниками, знакомыми	5 (1)	2,9 (1)
Договорился, договариваюсь о месте будущей работы, учебы	1 (<1)	1 (<1)
Изучил, изучаю язык той страны, куда решил переехать	4 (1)	4 (1)
Рассылал данные о себе в различные зарубежные фирмы для получения работы	1 (<1)	1 (<1)
Рассылал данные о себе в различные зарубежные учебные заведения для поступления на учебу	0 (0)	<1 (<1)
Другое	1	2
Ничего не предпринимал	81	80

Самой распространенной активностью по «подготовке к отъезду» (ни к чему не обязывающей, впрочем) является сбор информации и сведений, а также изучение языка. Такая подготовительная активность, как переговоры о месте работы, переезде, месте учебы, в сумме характерна примерно для 5-7% желающих уехать на ПМЖ или на длительный срок. Доля же тех, кто уже подал документы на выезд, составляла в конце 2000-х гг. около 2% выразивших намерение уехать за рубеж (что равно примерно 0,5% от всех опрошенных взрослых россиян — то есть, той же цифре, которая фиксировалась и в 1990-е гг.).

Более подробный опрос о возможной эмиграции, проведенный Левада-Центром в 1999 г.¹, позволяет глубже проанализировать социально-экономический и политический контекст эмиграционных настроений, дать более точную оценку ресурсов возможной эмиграции среди заявлявших о желании покинуть страну.

Главными причинами желая уехать из страны были тогда именно экономические. Их действие явно усилилось после финансового кризиса 1998 г. В целом экономические причины занимают первое место среди «вытесняющих» факторов возможного отъезда. Но и главная причина остаться на месте – тоже экономическая. Чаще всего среди факторов, мешавших уехать респондентам, выразившим подобное желание, упоминалось именно отсутствие средств (51%), а далее, с большим отрывом, шли (в порядке убывания значимости) незнание языка (28%), невозможность принять окончательное решение, надежды на улучшение жизни в России (27%), опасения не найти работу, трудности с устройством (24%), отсутствие знакомых, родственников (22%).

Как видим, помимо отсутствия средств и сложностей организации подобного ответственного шага, малое число реально уезжавших объясняется значительной социальной и культурной неготовностью людей, возможно, действительно мечтающих об отъезде и начале «новой жизни», но не решающихся предпринимать конкретные действия. Безусловно, в этом сказывались последствия многих десятилетий жизни в закрытом обществе, за «железным занавесом», в отрезанности от мира, под воздействием враждебной Западу пропаганды. Для большинства населения выезд за границу просто с туристическими, ознакомительными целями, не говоря уже о деловых поездках, связанных с профессией, специальностью, научной деятельностью, с получением образования или общественной активностью, был и остается недоступным. Это связано и с воспроизводящимися уже в новейшее время комплексами «советского человека», его склонностью к самоизоляции, подчинению внешним обстоятельствам, отказу от ответственности и специфическим фатализмом (все равно «ничего не поделаешь»), и со скудостью социальных, культурных ресурсов, которые могли бы стать базой для нормальной миграции, в том числе – трудовой, образовательной, способной дать реальные шансы для социального продвижения и экономических достижений.

¹ Он был проведен по заказу Московского центра Карнеги.

По данным опроса 1999 г., среди тех, кто высказывал намерение уехать за рубеж навсегда или на длительный срок, лишь 7% знали язык страны, в которую хотели бы поехать, свободно или довольно хорошо; 35% знали его плохо, но могли хотя бы объясниться, а 58% не владели никаким иностранным языком вообще. У 73% заявивших о намерении уехать на ПМЖ не было ни родственников, ни друзей, которые могли бы помочь им в организации отъезда и в обустройстве на новом месте. У 9% они были, но респонденты считали, что они «вряд ли помогут»; лишь у каждого пятого-шестого (18%) были родственники и друзья за рубежом, на помощь которых они могли рассчитывать. Лишь 9%, по данным этого опроса, бывали раньше в стране предполагаемой эмиграции хотя бы раз, 91% не были там ни разу. Более двух пятых (43%) считали, что им после переезда было бы не на кого и не на что рассчитывать; 21% полагают, что могут рассчитывать на поддержку принимающего государства, 17% – на собственную «энергию, предприимчивость и хватку», каждый девятый (11%) – на помощь друзей, родственников, знакомых.

Вместе с тем, доля россиян, не имеющих за границей друзей и родственников, в девяностые годы стала сокращаться, причем особенно заметно – после 1992 г., что косвенно указывает на активную эмиграцию из России в первой половине 1990-х гг. У относительного большинства россиян родственники и друзья живут в бывших республиках СССР, однако эти страны уже воспринимаются как ближнее и дальнее зарубежье, не говоря о республиках Балтии, вошедших в ЕС.

По данным майского опроса 2011 г. (N=800 человек), доля респондентов, желающих уехать из России на ПМЖ, выросла по сравнению с 2009 и 2010 гг. почти на 8 п.п (с 13% до 22%). Однако именно в данном случае вопрос задавался с другой формулировкой подсказок – по более «мягкой» шкале, что, как мы указывали выше, приводит к увеличению общей доли желающих уехать за счет не совсем уверенных в решении. Так, по данным мая 2011 г., определенно хотели бы уехать на ПМЖ 7% опрошенных, «скорее да» (еще сомневаются) – 15%, «скорее нет» – 25%, а «определенно нет» – чуть менее половины (48%, затруднились с ответом 5%).

Доля людей, которые утверждают, что приняли твердое решение, выросла, а число тех, кто никогда об этом не думал, довольно заметно упало. Если в 1992 г. оформлявших документы и твердо решивших уехать было меньше 0,5 про-

цента, в 2009 г. их стало около 1%, а в 2011 г. они составили почти 3% взрослого населения. Конечно, эти цифры нужно воспринимать только ориентировочно, поскольку выборочные социологические опросы имеют статистическую погрешность, однако с большой осторожностью все же можно, как представляется, говорить о нарастающей тенденции.

Таблица 8.

ЕСТЬ ЛИ СРЕДИ ВАШИХ ДРУЗЕЙ ИЛИ РОДСТВЕННИКОВ ТЕ, КТО УЕХАЛ НА ПОСТОЯННОЕ ЖИТЕЛЬСТВО ИЛИ СОБИРАЕТСЯ УЕХАТЬ ЗА РУБЕЖ? (в % от числа опрошенных)

	1990*	1992	1999
Есть те, кто уехал	14	20	24
Есть те, кто собирается уехать	10	12	9
Ни тех, ни других	76	68	59
Не знают, затруднились ответить	-**	-**	13
<i>Число опрошенных</i>	<i>1708</i>	<i>1566</i>	<i>2400</i>

* из СССР

** данного варианта ответа в опросе не было

Таблица 9.

Есть ли у Вас близкие родственники или друзья, проживающие в других странах? (в % от числа опрошенных)

	2003	2008
В других странах СНГ	32	32
В Латвии, Эстонии, Литве	6	6
В бывших соцстранах (Польша, Чехия и пр.)	2	2
В странах Западной Европы	6	7
В США	-**	4
В Израиле	-**	3
В других странах	4	5
Нет родственников за рубежом	59	54

** данного варианта ответа в опросе не было

N=1600

Таблица 10.

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СЕЙЧАС ГОТОВЫ К ТОМУ, ЧТОБЫ УЕХАТЬ ЗА ПРЕДЕЛЫ БЫВШЕГО СССР НА ПОСТОЯННОЕ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА? (в % от опрошенных)

	1992	2009	2011
Собираю, оформляю документы на выезд	0	1	1
Принял твердое решение на выезд	0	1	2
Обдумываю возможность выезда	3	3	6
Иногда подумываю над этим	18	19	21
Никогда не думал об этом	79	78	69
<i>Число опрошенных</i>	<i>1651</i>	<i>1600</i>	<i>800</i>

Иначе говоря, мы имеем дело с нарастающим эмиграционным настроением, которые указывают прежде всего на реакцию больших совокупностей людей и общественных групп на происходящее в стране, на их негативные оценки своего положения, собственных перспектив на будущее в сложившихся условиях. Здесь особенно важно еще раз подчеркнуть, что такое состояние носит затяжной, хронический характер.

Реально уезжает небольшой процент от всех «желающих», хотя в абсолютных числах это очень значительные величины, и постепенное накопление числа новых эмигрантов прежде всего в странах Запада, в США и Израиле, создает новую среду и для наших соотечественников – порождает более широкие и плотные связи за рубежом, «собственные» источники информации. Понятно, что в нынешних условиях эмиграции связи с родиной не прекращаются, личные контакты и общение, поездки в гости к уехавшим и оставшимся – реальность, не говоря уже о возможностях постоянного, не требующего денежных затрат общения при помощи новых Интернет-технологий. И все же, если вернуться к теме «утечки умов», то она не только происходит (пусть и не в обвалных масштабах), но идет на протяжении более 20 лет постоянно. При этом уезжают прежде всего наиболее мобильные, реально и потенциально достигательные группы населения. В обществе постоянно сохраняется питательная среда для реализации таких настроений, воспроизводится социальный тип их носителей. Это указывает на глубочайшие социально-структурные проблемы социума, на то, что российское общество фактически не модернизируется. Для значительной массы активных и квалифицированных людей единственно возможным решением их проблем представляется отъезд из России. Необходимо подчеркнуть, что сами эти проблемы и их последствия для страны чрезвычайно серьезны, вне зависимости от того, реализуются ли планы потенциальных мигрантов или будут годами храниться в сознании и памяти желавших, но не решившихся уехать.

Крайне важно, что на протяжении постсоветского периода, когда выросла совсем новая генерация, а два поколения повзрослели и вошли в активную фазу «второй» социализации (получение высшего образования и специальности, обзаведение собственной семьей), доля людей, задумывающихся об эмиграции, остается значительной. Опыт жизни в закрытом обществе даже в новые времена обуславливает

восприятие эмиграции как «возможного варианта другой жизни». И хотя она, скорее всего, не состоится или, что особенно важно для старших поколений, уже не состоялась, но мысль об этом как о нереализованной мечте или возможности не может не сказываться на актуальном самоощущении новых и новых поколений. Подобная «русская мечта», конечно, весьма далека по культурным и социальным функциям от, скажем, «американской мечты» — скорее, это нечто вроде конструкции «внутренней эмиграции». Стоит отметить: чем менее образован и культурен слой людей, склонных к таким мечтаниям, чем менее он самодостаточен (как, например, подгруппа самых молодых россиян, еще не достигших социальной независимости), тем чувствительнее он к восприятию защитных и компенсаторных идеологием, мифов о «великой державе», «особом пути» или «миссии», которые оборачиваются на низовом уровне равнодушием к другим, агрессией, завистью, ксенофобией, бытовым одичанием и хамством.

Миграция, прежде всего трудовая, образовательная (на которую решается очень незначительное число людей) не рационализируется сегодня в российском общественном сознании, не обретает значимых по масштабам и смыслу современных социальных форм и функций, не воспринимается как новый шанс для социального продвижения, расширения культурных и профессиональных горизонтов. В этих условиях мечтания об отъезде по функции близки к российскому «принципу надежды». Но если в молодости подобные мечты еще могут быть реализованы, то с возрастом они все больше становятся признаком разочарования в собственной жизни.

Эмиграционные настроения в 2011 году. Каковы же характеристики людей, которые чаще других высказывают сегодня желание «жить не здесь»?

Во-первых, те, кто хотел бы уехать, значительно моложе тех, кто хотел бы остаться: средний возраст первых — 33 года, тогда как тех, кто скорее не хочет уехать, — 41 год, а тех, кто определенно не собирается уезжать, — 52 года. Это и естественно, поскольку молодые, а особенно во все еще закрытом, малоподвижном российском обществе, с одной стороны, еще могут активно строить свое будущее, его проектировать, влиять на него, хотя и среди российской молодежи относительное большинство не строит больших планов, а с уверенностью говорит лишь о ближайших годах. Это важнейшее обстоятельство,

указывающее на то, насколько сужены социальные и культурные горизонты практически всех групп российского населения, насколько сильны настроения неуверенности и незащищенности, беспомощности и нестабильности. Именно поэтому так сильно в российском населении чувство надежды, которое и делает практически неисчерпаемым ресурс терпения — качества, наиболее часто называемого респондентами как главная черта «русских».

С другой стороны, молодые люди в России, как, впрочем, и молодежь в других странах, еще не адаптированы полностью к сложившейся системе, они более критичны, им, лишь вступающим во взрослую жизнь, виднее недостатки социального устройства, и, по крайней мере, для некоторых, заметнее цена (в том числе политическая, моральная цена) приспособления старших поколений, главное выражение которого — отказ от реального политического и гражданского участия, адаптация к произволу, сужению и прямым нарушениям гражданских прав и свобод.

Сильнее среди молодых и установка на успех, хотя это в основной массе не столько ориентация на социальное достижение, на признание своих профессиональных и деловых заслуг, а стремление к личному благополучию как форме независимости, прежде всего — от государства, но и от общества, от всех «других». Поколения старших в основной массе уже пожизненно вписаны в свою статусную нишу и равняют собственную жизнь скорее на таких же, «как они» сами, что как раз и подпитывает неприязненное отношение к добившимся большего и к тем, кто старается подняться любой ценой, например, — к приезжим, гастарбайтерам, своего рода новым «лимитчикам», которых так не любили в свое время столичные жители, но теперь эти приезжие — еще и этнические «чужаки». Все подобные настроения и чувства являются компенсаторными механизмами, вытесняющими и приглушающими недовольство собственной жизнью, разочарование, отсутствие самодостаточности.

У старших поколений эти настроения носят в большой мере латентный характер, поскольку критическая оценка своей жизни, личная ответственность за то, как она сложилась, вытесняются из сознания. Тогда как среди молодых россиян, особенно тех, кто представляет «социальную периферию», эти чувства, прежде всего — агрессивный национализм, зависть к успешным, богатым людям, имеет открытый, взрывной характер, о чем, в частности, ярко

Таблица 11.

СОЦИАЛЬНО ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖЕЛАЮЩИХ УЕХАТЬ НА ПМЖ (в % к соответствующей группе по столбцу)

ВОПРОС: «ХОТЕЛИ БЫ ВЫ УЕХАТЬ ЗА ГРАНИЦУ (ЗА ПРЕДЕЛЫ БЫВШЕГО СССР) НА ПОСТОЯННОЕ ЖИТЕЛЬСТВО?»

	Всего	Определенно да	Скорее да	Скорее нет	Определенно нет	Затрудняюсь ответить
Число опрошенных	800	56	117	202	386	43
ПОЛ						
Мужской	45	61	51	42	44	42
Женский	55	39	49	58	57	58
ОБРАЗОВАНИЕ						
Высшее	21	31	20	25	17	33
среднее специальное	27	31	30	33	24	35
Среднее	20	10	24	17	19	13
ниже среднего	32	28	26	26	40	19
РОД ЗАНЯТИЙ РЕСПОНДЕНТА						
Независимый предприниматель	3	13	5	3	1	3
Руководитель, управленческий работник	3	2	1	3	2	2
Специалист без руководящих функций	14	22	21	18	9	18
Служащий без специального образования	8	15	8	8	4	27
Рабочий	30	25	26	33	33	34
Учащийся, студент	6	6	16	5	2	2
Пенсионер (неработающий)	23	1	7	13	39	9
Домохозяйка	6	4	8	8	5	1
Безработный, временно не трудоустроен	6	13	7	6	4	5
РАЗМЕР НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА						
Москва	7	8	6	9	5	21
Более 500 тыс.	21	20	24	23	19	19
От 100 до 500 тыс.	20	23	26	17	20	17
Города до 100 тыс.	26	35	21	33	24	14
Село	26	14	24	19	32	29

Май 2011 г.

свидетельствовали декабрьские события 2010 г. на Манежной площади в Москве.

В России не сложились нормальные для развитого, демократичного, рыночного общества механизмы достижения успеха, социально, культурно, экономически значимого для *всего общества*, современные формы его социальной GRATIFICATION, общественного признания заслуг и достижений, подразумевающих идею «общего блага». Поэтому примитивизируется и само понятие успеха, сводясь в массовом сознании к идее финансовой независимости, в том числе от государства и его «подачек», от произвола государственных и силовых структур (ведомства, армия, милиция, прокуратура), разлагающихся социальных институтов – прежде всего, институтов бесплатного образования и здравоохранения. В этом смысле характерно, что в российских условиях как желание разбо-

гатеть, так и желание уехать из страны особенно сильно выражено именно среди молодых. Здесь можно говорить о проявлениях социальной незрелости, слабости и зависимости человека, сочетающейся с пресловутой российской мечтательностью, описанной еще Достоевским в «Подростке» (Глава 6-я: “Моя мысль – что он хочет... стать Ротшильдом, или вроде того, и удалиться в свое величие”).

Как видно из таблицы 11, среди определенно намеренных уехать из страны ощутимо выше среднего доля людей с высшим образованием (близко к трети), значительно выше среднего представлены специалисты, каждый десятый из опрошенных – независимый предприниматель (естественно, в выборку попадали в основном мелкие предприниматели). Однако среди твердо решивших уехать высока и доля служащих без специального образования, безработных.

Что особенно интересно, больше трети этой подгруппы живут в малых городах и ПГТ (в общенациональной выборке жители таких поселений составляют около четверти).

Менее определенное желание уехать также чаще среднего характерно для специалистов, для жителей городов среднего размера, для учащихся и студентов: если в выборке их доля равна 6%, то среди тех, кто «скорее» хотел бы уехать из страны на ПМЖ, уже 16%.

Чрезвычайно интересно то, что сильнее всего «чемоданными» настроениями оказывается охваченной сегодня не самая благополучная среда, а образованная «социальная периферия», малые города, где особенно ощутимы проявления аномии, очень высока безработица, нет шансов получить качественное образование, нет ресурсов для миграции, где особенно явно разложение ценностно-нормативных основ социального поведения. Это как бы возвращает нас к ситуации, обозначившейся еще в начале 1990-х гг., когда уже практически исчерпывала себя, даже количественно, модель эмиграции, заданной советским образованным еврейством. Важно, что сегодня это достаточно образованная, но не имеющая высокого статуса среда, что указывает на процессы хронической склеротизации каналов социальной мобильности. Это группы молодых (причем скорее, уже закончивших обучение) людей, которые понимают, что их шансы на социальную мобильность в сложившихся условиях невелики — при сильной мотивации, наличии социальных и материальных ресурсов именно они могут эмигрировать и эмигрируют или, гораздо чаще, переезжают в крупные центры, мигрируют, что способствует еще большей деградации и аномизации социальной периферии. Наряду с ними, это группы тех, кто так или иначе осознает свое незавидное положение, но не имеет средств, достаточной квалификации, конкурентоспособности и других ресурсов, чтобы реально уехать: высказываемое желание уехать из страны для таких людей это только мечта об иной жизни в другой, «нормальной» стране.

Примерно каждый десятый среди определенно желающих уехать из страны на ПМЖ относит себя к верхней части среднего слоя (в среднем по выборке таких лишь 3%). Более четверти (27%) считают, что они относятся к нижней части среднего слоя (по выборке — 39%), а относящих себя к низшему слою в данной подгруппе столько же, сколько и в среднем по всем опрошенным (15%). По потребительскому статусу абсолютное большинство

среди определенно намеренных эмигрировать составляют люди, для которых проблемой является покупка ТДП, а тех, кто может себе это позволить, примерно столько же, сколько и в среднем по населению, — 16%. Правда, среди определенно желающих уехать 2% составляют люди, по российским понятиям, богатые: они могут себе позволить покупать все, что заблагорассудится.

Эмиграционные настроения молодежи «среднего класса» в России: основные характеристики и динамика. На протяжении всех лет работы Левада-Центра одной из задач исследовательского коллектива был анализ поведения «продвинутых» групп, характеристики образа жизни, установки и оценки которых могли бы иметь для других слоев социума значение образца и задавать для них воображаемую перспективу на будущее. Поэтому среди возможных стратегий зондажа проблематики потенциальной эмиграции в 2011 г. мы в данном случае остановились на опросе одной, но, может быть, самой значимой для понимания этих процессов группы — молодых и успешных людей, проживающих в крупнейших городах и имеющих высокий доход.

По своему «дизайну» настоящее исследование «Утечка умов», выполненное в 2011 г. по заказу «Новой газеты», продолжает работу Левада-Центра 2008 г.¹ Мы вновь использовали разработанный тогда дизайн выборки, позволяющий сконструировать слой людей, который можно было бы представить как российский «средний класс», — то есть, тот слой, который при «нормальном» развитии трансформационных процессов перехода к демократии и рынку мог бы составить его ядро. Отбор респондентов был задан тремя критериями: 1. возраст (24-39 лет); 2. должность, предполагающая наличие высшего образования (т.е. — не ниже специалиста без руководящих функций); 3. высокий душевой доход (в Москве — не менее 60 тысяч рублей на каждого члена семьи, в СПб — не менее 50 тысяч рублей, в других городах — от 35 тысяч рублей на человека); 4. проживание в столице и других крупнейших городах России (Москва, Санкт-Петербург и 12 городов с более чем

¹ Исследование 2008 г. было выполнено по заказу международной некоммерческой организации EU-Russia Centre \; Бельгия (см.: <http://www.eu-russiacentre.org/>). Результаты тогдашней работы были представлены в публикации: Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. «Средний класс» as if: мнения и настроения высокодоходной молодежи в России // Вестник общественного мнения, 2008, №3. С. 27-41; Самсон И., Красильникова М. Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф? // Там же, 2010, №4. С. 61-72.

Таблица 12.

СОЦИАЛЬНЫЙ СЛОЙ, ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС И ЖЕЛАНИЕ УЕХАТЬ НА ПМЖ (в % к соответствующей группе по столбцу)

	Всего	Определенно да	Скорее да	Скорее нет	Определенно нет	Затрудняюсь ответить
Число опрошенных	800	56	117	202	386	43
К КАКОМУ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЛОЕВ ВЫ БЫ ОТНЕСЛИ СЕБЯ И СВОЮ СЕМЬЮ?						
Высший слой	0	--	--	--	0	--
Верхняя часть среднего слоя	3	11	1	4	3	--
Средняя часть среднего слоя	43	47	50	51	32	46
Нижняя часть среднего слоя	39	27	40	32	47	49
Низший слой	15	15	10	13	18	5
К КАКОЙ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ВЫ СКОРЕЕ МОГЛИ БЫ СЕБЯ ОТНЕСИТИ?						
«Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты»	7	4	7	7	9	1
«На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения»	27	13	24	28	30	21
«Денег хватает на продукты и на одежду. Но вот покупка вещей длительного пользования является для нас проблемой»	52	66	53	50	48	63
«Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования. Однако для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи»	14	16	16	15	12	15
«Мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи – квартиру, дачу и другое»	0	2	–	–	0	–

Май 2011 г.

миллионным населением). Опрос 2008 г. проходил в середине лета – до начала глобального финансового кризиса. Задача, стоявшая перед исследователями, заключалась в том, чтобы определить доминирующие в данной среде политические настроения, оценки «стабильности» и перспектив сложившегося политического порядка, собственной защищенности и видов на будущее, отношение к возможной эмиграции, основные факторы притяжения и выталкивания, релевантные для решения эмигрировать и т.п. Таким образом, мы получили актуальный срез подобных настроений и оценок, но и определенную возможность оценить их устойчивость и динамику.

О понятии «среднего класса» в России. Приведенные выше характеристики отбора респондентов, по замыслу прошлого и настоящего исследования, должны обеспечить представительство мнений группы, в максимальной степени соответствующей индикаторам «среднего класса» в развитых странах Запада. Прежде всего, это относится к уровню доходов, квалификации, социальному статусу и к связанным

с ними потребительским и жизненным стандартам, признакам образа жизни, которые эти группы реализуют и на которые ориентируются. Но в российских условиях данная категория носит скорее *проективный*, а также отчасти *фазовый* характер. Проективный, поскольку получаемая нами таким образом совокупность людей представляет лишь незначительную часть населения страны, порядка 2-3%, и по принятому в социальных науках определению «среднего класса» как наиболее многочисленной группы населения (работников, избирателей, потребителей) не может быть рассмотрена в этом «классическом» смысле. Фазовый – поскольку концентрация людей, отвечающих приведенным общим характеристикам, максимальна именно среди молодых поколений, уже работающих «на себя» и еще не обремененных в полной мере заботой о поколении родителей, которые в значительной массе еще продолжают работать и после достижения пенсионного возраста. Малочисленность данного слоя в России чрезвычайно показательна и важна для диагноза социально-структурных изменений общества, процессов его дифференциации. Одно из важнейших со-

циальных, экономических и политических противоречий такого сохраняющего фантомность «среднего класса», заключается в том, что этот слой (наиболее информированный и адаптированный, относительно высоко образованный и квалифицированный, имеющий достаточно весомый опыт контактов, в том числе — деловых, с внешним западным миром), обеспечивая чуть ли не треть внутреннего потребления, не имеет при этом политического в демократическом смысле слова веса и влияния в обществе, поскольку он чрезвычайно малочислен, оторван от остальной, большей части населения и дистанцируется от этого большинства.

Малочисленность этого слоя, а также его концентрация в «молодых поколениях» — важнейший фактор торможения и постоянных срывов попыток модернизировать страну в постсоветский период. Более чем скромная доля этой категории в населении — а главное, отсутствие ее ощутимого роста за минувшие два десятилетия — обусловлена несколькими важными характеристиками состояния общества и его институтов, его экономики и степенью его «модерности» или «архаичности». Хроническое «зародышевое», имитационное состояние «среднего класса» в России — свидетельство постоянного блокирования процессов модернизации, инновационного развития страны и общества на всех уровнях, от внешней и внутренней политики до экономики, сферы культуры и публичности. Имитационность этого слоя по отношению к среднему классу развитых западных стран выражается в усвоении и демонстрации наиболее броских внешних признаков новых для России социальных, культурных, экономических форм поведения без институционального (в первую очередь, правового) их закрепления и воспроизводства, соответственно — без современного развития общества, которое может осуществляться лишь через процессы функциональной дифференциации социума.

За этим стоит огромный, воспроизводящийся и углубляющийся разрыв социальных возможностей, шансов, в том числе — потребительских способностей «центра» и «периферии». Группы с высокими (скорее, нормальными по западным меркам) стандартами и запросами потребления товаров и услуг самого разного профиля, включая качественное образование, медицинское обслуживание, страхование и т.п.) концентрируются исключительно в столицах (прежде всего, в Москве) и в крупнейших промышленно развитых или связанных с сырьевыми ресурсами городах, отраслях экономики.

Молодость этих групп указывает на своего рода «аскриптивное неравенство», предписанное самой структурой социума. Стартовые возможности молодых горожан, соответственно — их статусные, карьерные, материальные ожидания и притязания, ресурсы для адаптации и мобильности как бы по определению выше и разнообразнее, чем в зрелых поколениях. Как ни парадоксально, у молодых людей в России больше жизненных и социальных ресурсов, чем у старших: молодежь (хотя бы формально, не говорим сейчас о качестве подготовки) более образована, подвижна, быстрее включается в мир новых экономических отношений и технологий, быстрее обучается и переучивается, гораздо плотнее связана внутр поколенческими взаимоотношениями, которые также представляют значимый ресурс, слабее развитый у старших и пожилых людей, старающихся поддерживать лишь самые близкие родственные связи.

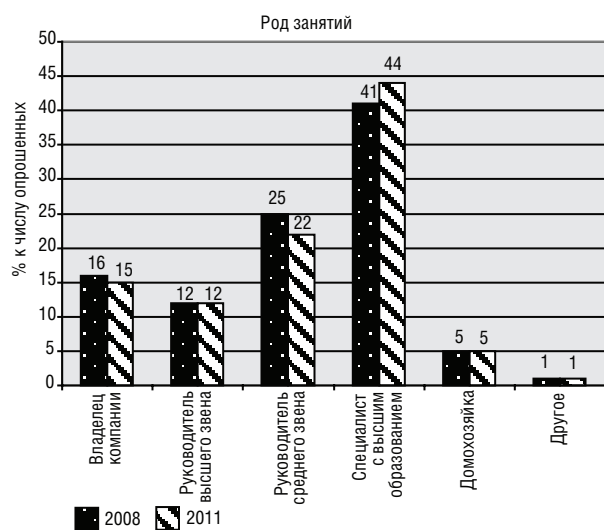
Короче говоря, природные преимущества возраста (как и вообще преимущества всего «природного», включая энергетическое сырье в сегодняшней России) оказываются важнее, результативнее, чем накопленный капитал, квалификация, статус, опыт, заслуги и проч., которыми в современных развитых обществах обладают именно *старшие* поколения граждан. А это значит, что российский социум — не достижительское общество: преобладающая у большинства россиян ориентация на привыкание, социальную мимикрию, а не на достижение, изменение, улучшение ведет к тому, что даже имеющийся успех тех или иных небольших групп (меньшинств) не получает широкого признания, не закрепляется в структуре общества. Он негативно оценивается большинством, а потому не воспроизводится как более высокий уровень стартовых возможностей и перспектив *для всех*.

Так что по принципиальному устройству социума и в силу сложившихся экономических, социальных особенностей рынка занятости в России люди, условно говоря, до 40 лет, которые либо еще получают от старших поддержку разного рода, включая материальную в виде жилья, оплаты образования и проч., либо пока не обременены всерьез собственной семьей и необходимостью поддержки старших (среди которых доля бедных, отметим, особенно велика), оказываются в привилегированном положении без особых на то заслуг или прав. Они находятся в активной фазе строительства собственной жизни, сконцентрированы на профессиональной карьере или продвижении по социальной

лестнице, на собственном материальном благополучии – ситуация «гарантированной» бедности в старости, как у большинства старших, от них пока далека и как бы не реальна. И возможно именно потому, что эти проблемы собственного будущего так или иначе все же осознаются ими, по крайней мере, – наиболее активной и амбициозной их частью, установка на эмиграцию столь распространена и устойчива в данной среде.

К портрету молодежи российского «среднего класса». Полученный в 2011 г. массив опрошенных представляется весьма интересным по своему социально-статусному составу и объему культурных капиталов. Сравнение с данными исследования 2008 г. указывает на устойчивость данных показателей.

Рисунок 2

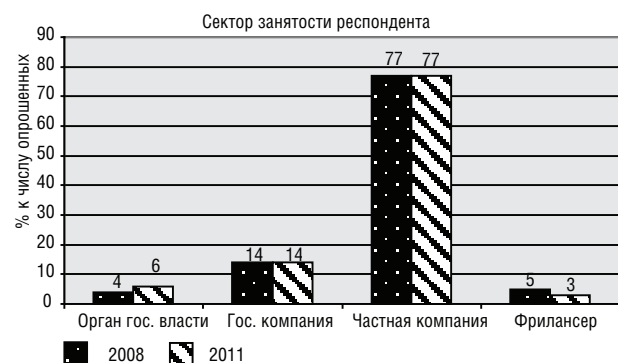
Значительная часть опрошенных обладает высоким социальным статусом: по данным 2011 г., 15% имеют собственный бизнес, 12% являются руководителями высшего звена в различных фирмах или организациях. Свыше одной пятой опрошенного контингента (22%) представляют менеджмент среднего звена, а относительное большинство – это специалисты без руководящих функций (44%).

Понятно, что среди владельцев собственного бизнеса и руководителей высшего звена преобладают мужчины, а на должностях без руководящих функций – подавляющее большинство женщин. Вместе с тем, среди наиболее самостоятельных и относительно высокостатусных респондентов уже заметны и женщины (в более широком плане можно говорить о своеобраз-

ном гендерном «реванше» постсоветских лет): примерно каждая десятая владеет собственным бизнесом, чуть меньшая доля представляет руководителей высшего звена.

С возрастом – говорим о контингенте моложе 40 лет – социальный статус, связанный с родом занятий, растет: если среди 24-29 летних почти три пятых (58%) являются специалистами без руководящих функций, то среди 35-39-летних их менее одной трети (31%); вместе с тем среди «самых старших» в сравнении с «самыми молодыми» почти в два раза выше доля владельцев собственного бизнеса, почти в три раза – руководителей высшего звена, тогда как менеджеров среднего звена примерно столько же. И если влияние уровня образования на занятие собственным бизнесом не слишком заметно, то для занятия высших руководящих постов оно очевидно: среди респондентов с послевузовским и/или вторым высшим образованием доля руководителей высшего звена составляет около четверти (26%) тогда как в среднем по выборке – 12%.

Рисунок 3

Подавляющее и стабильное большинство отобранных респондентов (77%) работают в частных компаниях, столь же стабильна доля опрошенных, занятых в госкомпаниях (14%), а также в структурах государственной власти, причем в опросе 2011 г. их даже чуть больше (6% всех опрошенных).

Ни пол, ни возраст не оказывают влияния на сектор занятости, тогда как среди респондентов, имеющих послевузовское или второе высшее образование, несколько выше доля работающих в органах государственной власти и, особенно, в государственных компаниях. Как и предыдущие данные, это указывает на роль высшего образования (по всей видимости –

Таблица 13

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И РОД ЗАНЯТИЙ РЕСПОНДЕНТА (в % к соответствующей группе опрошенных)

РОД ЗАНЯТИЙ	Всего	Пол		Возраст			Образование		
		Мужской	Женский	24–29	30–34	35–39	Нез. высшее	Высшее	Послевуз., второе
Владелец компании, собственного бизнеса	15	20	11	11	15	21	14	15	21
Руководитель высшего звена	12	17	8	7	12	19	7	12	26
Руководитель среднего звена	22	25	19	19	25	22	28	22	18
Специалист с высшим образованием (без руководящих функций)	44	37	51	58	42	31	37	46	34
Домохозяйка	5	0	10	6	4	6	9	5	1

второго юридического) для достижения высоко-статусного и высокодоходного положения в государственной иерархии.

Треть работающих в органах власти являются руководителями высшего звена (в среднем их 12%). Отметим также значительно повышенную долю специалистов, работающих в госкомпаниях, в сравнении с их же долей среди работников частных фирм, – это косвенно может указывать на более высокие заработки рядовых специалистов именно в государственных структурах.

Понятно, что подавляющее большинство опрошенных имеют высшее образование (83%). Почти у каждого десятого (8%) есть послевузовское или второе образование, а менее одной десятой не имеют законченного высшего образования, хотя по возрасту уже должны были бы его иметь. Среди не имеющих высшего образования доля владельцев собственной компании,

бизнеса сопоставима со средней (соответственно, 14 и 15%), но несколько повышена доля руководителей среднего звена – 28% при 22% в среднем.

Изучаемый слой имеет основательный семейный бэкграунд, значительные культурные ресурсы: более чем у половины из них родители получили высшее образование, свыше 70% из опрошенных – потомственные жители крупнейших городов. Хотя москвичи по многим параметрам отличаются от жителей других городов (Санкт-Петербург представлен в выборке незначительно, поэтому сравнения с ним не слишком надежны), по полученным в вузах специальностям различие между Москвой и другими городами заметно лишь в большей доле юристов в среди респондентов-москвичей.

По полученному образованию молодые обеспеченные горожане – чаще инженеры (33%)

Таблица 14

ОБРАЗОВАНИЕ, РОД ЗАНЯТИЙ И СЕКТОР ЗАНЯТОСТИ (в % от соответствующей группы опрошенных по столбцу)

ГДЕ РАБОТАЕТЕ ВЫ, КОРМИЛЕЦ ВАШЕЙ СЕМЬИ?	Всего	Незаконченное высшее образование	Высшее образование	Послевузовское образование	Владелец компании, собственного бизнеса	Руководитель высшего звена	Руководитель среднего звена	Специалист с высшим образованием	Домохозяйка
В органах государственной власти	6	4	6	9	-	15	4	6	6
В государственной компании	14	12	14	20	-	12	15	20	8
В частной компании	77	77	78	65	96	67	80	70	77
“Фрилансер”, свободная профессия	3	7	3	6	4	2	1	4	9

Таблица 15.

СЕКТОР ЗАНЯТОСТИ И ДОЛЖНОСТНОЙ СТАТУС ВЫСОКОДОХОДНОЙ МОЛОДЕЖИ КРУПНЫХ ГОРОДОВ (в % по столбцу)

	Всего	В органах государственной власти	В государственной компании	В частной компании	Фрилансер, свободная профессия
РОД ЗАНЯТИЙ					
Владелец компании, собственного бизнеса	15	-	-	19	19
Руководитель высшего звена	12	33	11	11	6
Руководитель среднего звена	22	14	24	23	9
Специалист с высшим образованием (без руководящих функций)	44	48	61	40	50
Домохозяйка	5	5	3	5	16

или экономисты (31%), причем экономистов и финансистов гораздо больше среди женщин (40 к 23% среди мужчин), а «технарей» – среди мужчин (соответственно, 48 к 17%). Гуманитариев и юристов в выборке примерно равное количество – 14 и 13%, причем женщины заметнее преобладают среди гуманитариев (19 к 9%), а юристов больше среди мужчин, чаще занимающих высокие административные должности (16 и 11%); соответственно, остальные – это педагоги, врачи, физики, биологи и др.

Можно видеть, что юридическое образование (как, впрочем, и техническое) служит лифтом прежде всего для работы в органах государственного управления и в меньшей степени, но все же ощутимо способствует занятию высших руководящих постов. Получившие гуманитарное, естественнонаучное, педагогическое и, в меньшей мере, медицинское образование активнее пополняют ряды высокодоходных фрилансеров и представителей свободных профессий.

Рисунок 4

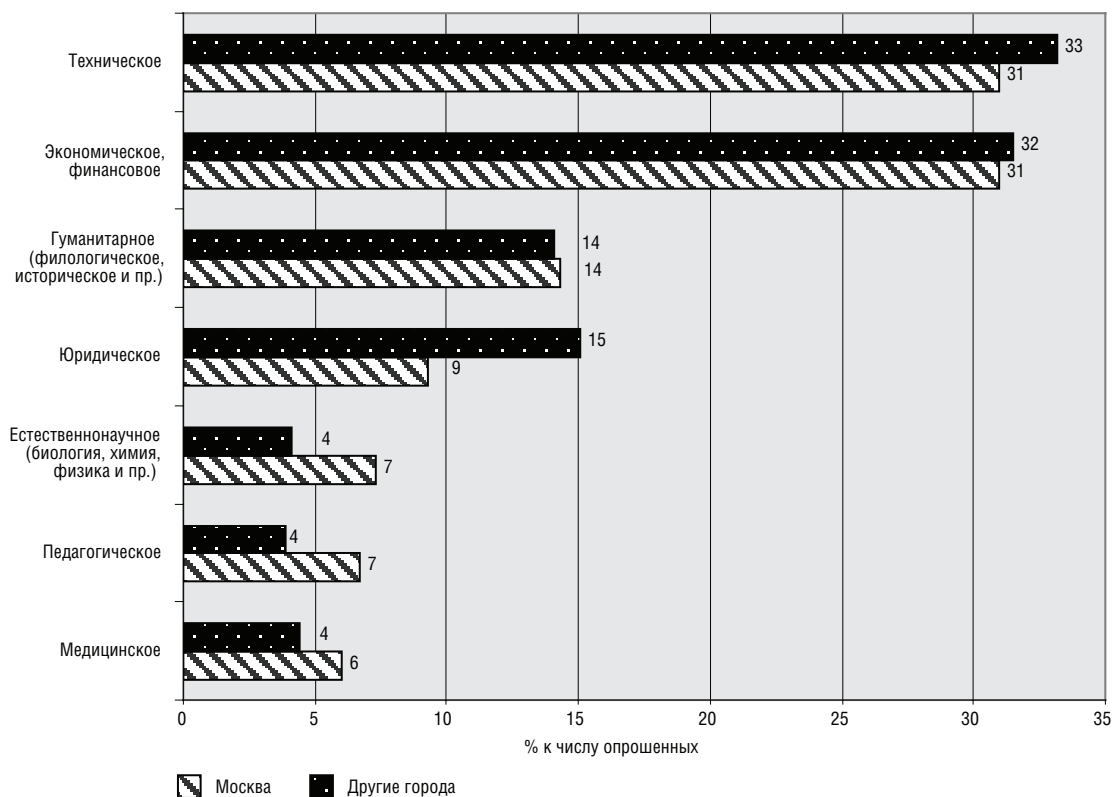
КАКОГО РОДА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЫ ПОЛУЧИЛИ/ПОЛУЧАЕТЕ?

Таблица 16

РОД ЗАНЯТИЙ, СЕКТОР ЗАНЯТОСТИ И ПОЛУЧЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (в % от числа опрошенных в группах по столбцу)

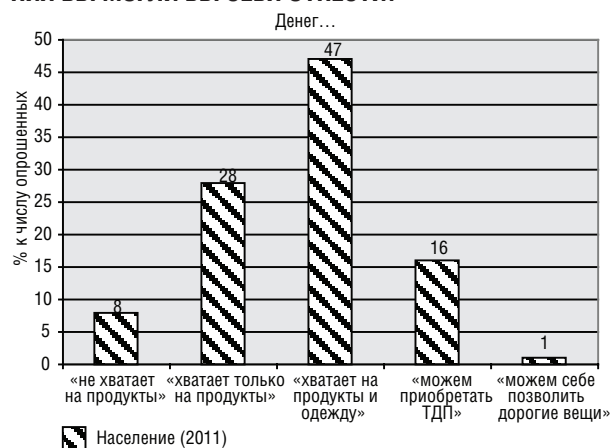
	Род занятий					Сектор занятости			
	Всего	Владелец компании, собственного бизнеса	Руководитель высшего звена	Руководитель среднего звена	Специалист с высшим образованием	В органах гос. власти	В гос. компании	В частной компании	Фрилансер, свободная профессия
Число опрошенных	1001	154	123	221	442	58	140	768	32
КАКОГО РОДА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЫ ПОЛУЧИЛИ (ИЛИ ПОЛУЧАЕТЕ)?									
Гуманитарное (филологическое, историческое и пр.)	14	12	11	11	17	16	14	14	19
Юридическое	13	12	20	12	14	38	11	12	9
Экономическое, финансовое	31	33	28	35	30	22	26	33	22
Техническое	33	37	44	34	30	24	33	34	19
Естественнонаучное (биология, химия, физика и пр.)	5	5	6	6	4	5	7	4	16
Медицинское	5	2	5	2	7	7	11	4	9
Педагогическое	5	8	3	2	3	2	5	5	13

Рисунок 5

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС «К КАКОЙ ГРУППЕ НАСЕЛЕНИЯ ВЫ МОГЛИ БЫ СЕБЯ ОТНЕСТИ?»

Если среди взрослого населения России почти половине опрошенных, по их оценкам, хватает денег только на продукты и одежду, то среди молодежи «среднего класса» подавляющее большинство (57%) могут себе позволить ТДП и автомобиль, а 7% вообще не чувствуют себя стесненными в потреблении. Иными словами, относительно бедных среди них по самооценкам все же больше, чем относительно состоятельных в финансовом отношении. Эти данные согласуются с опросом того же слоя в 2008 г. Тогда 60% опрошенных отнесли себя к «средней части» «среднего слоя», лишь 2% — к «высшему», 20% — к «верхнему среднему слою», а чаще, чем каждый десятый относил себя к нижнему среднему слою». Кроме того, подобное распределение очень близко к оценкам всего населения.

Рисунок 6

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС «К КАКОЙ ГРУППЕ НАСЕЛЕНИЯ ВЫ МОГЛИ БЫ СЕБЯ ОТНЕСТИ?»

N = 1600

Это указывает на большой разрыв между уровнем доходов, социальным положением тех групп, на которые ориентируется «средний класс», и тех, на кого ориентируется большинство населения. Но важно, что и в высокодоходной части общества сохраняется та же структура социально-статусных самооценок: насколько бы ни был богат относительно остальных российский «средний класс», он все равно чувствует себя довольно бедным. А это значит, что в обществе не работают многообразные и различные механизмы социального признания, с одной

стороны, а с другой – самые обеспеченные никак не соотносят свою, пусть относительную обеспеченность с бедностью остальных.

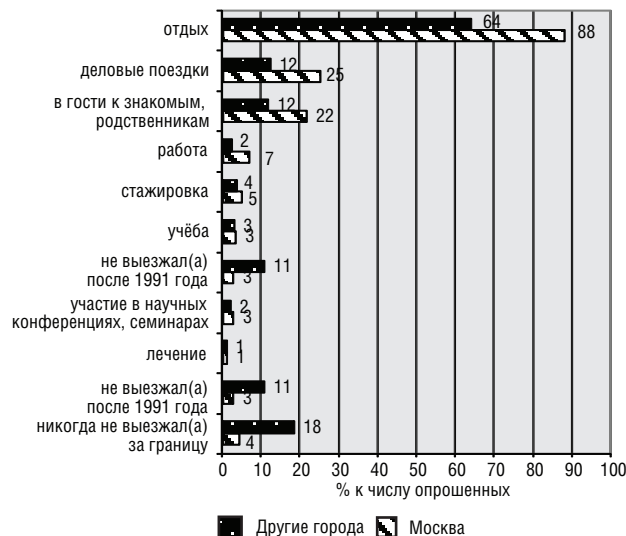
Это подтверждается тем, что в благополучной Москве респонденты оценивают свой потребительский статус ниже, чем в других городах: так, самых богатых здесь лишь 3%, тогда как в остальных городах – около 9% (впрочем, и относительно бедных, тех, кто не может себе позволить покупку автомобиля, здесь несколько больше). Конечно, Москва дороже других городов, но все же речь идет об ориентации москвичей на самые обеспеченные или более влиятельные группы, тогда как в провинции самооценки статуса скорее ориентированы на менее высокостатусные и влиятельные группы, на тех, кто «ближе».

Вместе с тем, изучаемый нами слой, несмотря на свою относительную молодость, весьма обеспечен. По данным опроса 2008 г., у 58% опрошенных был благоустроенный загородный дом со всеми удобствами, недавно купленный автомобиль иностранного производства. Большинство их проводило отпуск на зарубежных (включая и ближнее зарубежье) курортах, причем почти половина – 44% всех опрошенных тогда – делали это не реже раза в год, что, конечно, совершенно не доступно основной массе россиян.

По данным 2011 г., никогда не выезжали за границу (за пределы СНГ) лишь 14% опрошенных молодых и успешных горожан, еще 8% – не делали этого после 1991 г. По целям поездок на первом месте стоит отдых, туризм (в среднем 71%), затем, с большим отрывом – деловые поездки (16%), поездки в гости к знакомым, родственникам (15%). На учебу или стажировку выезжало лишь 3 и 4%, столько же – на работу (4%). Иными словами, хотя среди городской молодежи на протяжении многих лет относительное большинство заявляет о том, что хотели бы поехать за рубеж учиться или работать, реально даже в такой социально продвинутой среде это осуществляется лишь небольшим числом людей.

Среди москвичей в данном слое существенно меньше, чем среди опрошенных в других городах, доля тех, кто вообще не был за границей (7%, в других городах – 29%). Москвичи существенно чаще отдыхают за рубежом, ездят в гости и по делам (самый высокий показатель по выборке – 25%). Выше здесь и доля работавших за границей. Но в том, что касается учебы, стажировок, научных поездок, Москва практически не отличается от других городов.

Рисунок 7
ЦЕЛИ ВЫЕЗДА ЗАГРАНИЦУ ПОСЛЕ 1991 ГОДА (ЗА ПРЕДЕЛЫ СНГ)

У москвичей, больше повидавших мир, более широкие контакты за рубежом, они лучше знают иностранные языки. Наиболее сильны различия между москвичами и другими по доле вообще не владеющих иностранными языками, а также по доле тех, кто свободно может читать по-английски. Это косвенно указывает на более тесные контакты москвичей с западными странами и, возможно, на более качественный уровень их образования.

Рисунок 8
НА КАКИХ ЯЗЫКАХ ВЫ МОЖЕТЕ СВОБОДНО ГОВОРИТЬ?

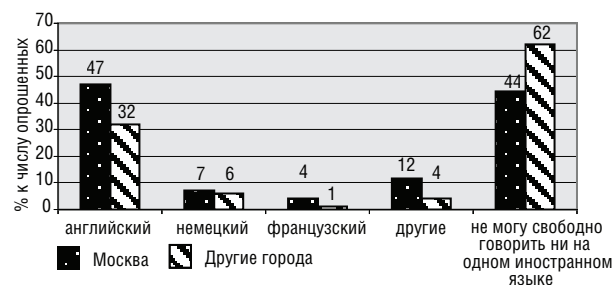

Рисунок 9
НА КАКИХ ЯЗЫКАХ ВЫ МОЖЕТЕ СВОБОДНО ЧИТАТЬ?

Что касается контактов с уехавшими за рубеж, то москвичи значительно опережают жителей остальных городов по связям с временно уехавшими на работу или учебу (что указывает на большую миграционную мобильность москвичей), а также — по регулярному общению с иностранцами.

Рисунок 10
С КЕМ ИЗ ВЫЕХАВШИХ ЗА ГРАНИЦУ ВЫ ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ПОСТОЯННЫЙ КОНТАКТ?

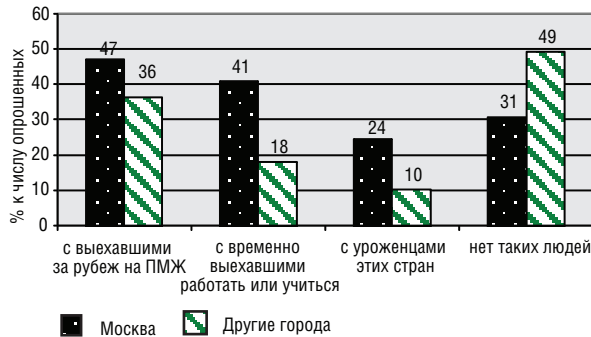
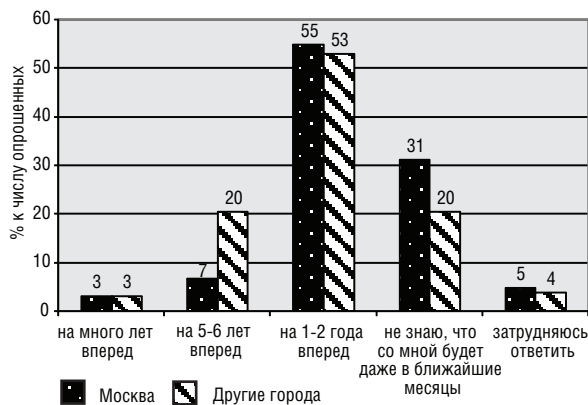

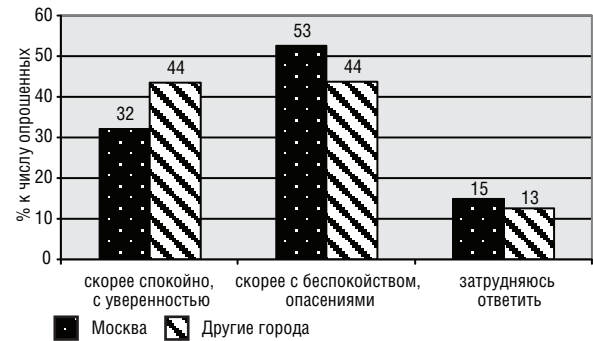
Рисунок 11
НА СКОЛЬКО ЛЕТ ВПЕРЕД ВЫ МОЖЕТЕ ПЛАНИРОВАТЬ СВОЕ БУДУЩЕЕ?

Таким образом, перед нами люди успешные, обеспеченные, предприимчивые, энергичные, мобильные и амбициозные. Даже в среднем потолок их запросов весьма высок: они ориентированы на стандарты жизни, соответствующие среднему доходу в 8-10 тысяч долларов в месяц, то есть весьма высокому и по меркам развитых западных стран. Большинство их считают себя вполне состоявшимися людьми, удачливыми в жизни, они вполне довольны собой. Их никак нельзя причислить к аутсайдерам. 52% опрошенных спокойно и с уверенностью смотрят на свое будущее (однако 40% — с тревогой). Почти каждый пятый (19%) может планировать его в стратегическом плане, на пять лет и более вперед — в населении России таких, по данным опроса в 2009 г., лишь 4%. Но перспек-

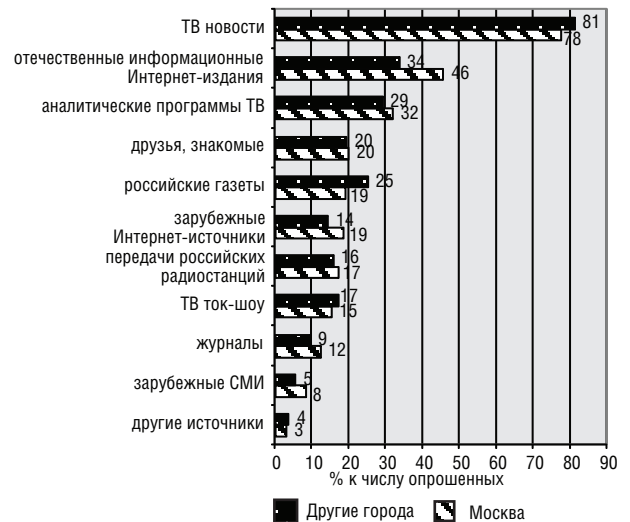
тивы и состояние страны вызывают у опрошенных, скорее, беспокойство: об опасениях в этой связи заявили 47% (40% выразили по этому поводу уверенность, остальные затруднились с ответом). Различия в этих оценках у москвичей и жителей условной «провинции» расходятся в некоторых аспектах весьма существенно.

Рисунок 12
С КАКИМИ ЧУВСТВАМИ ВЫ СМОТРИТЕ НА БУДУЩЕЕ РОССИИ?

Москвичи в оценках гораздо тревожнее и скептически, будущее России вызывает беспокойство у подавляющего большинства из них.

Рисунок 13
ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ О СОБЫТИЯХ В СТРАНЕ И ЗА РУБЕЖОМ*

*ранжировано по ответам москвичей

Добавим, что опрошенный контингент — люди достаточно осведомленные и вполне критичные. Они хорошо информированы, постоянно следят за текущими событиями. Большинство из них, наряду с популярным среди всех групп российского населения телевидением, используют разнообразные каналы информации. Для 37% второй после российского ТВ значимый

канал, — отечественный Интернет, 16% используют зарубежные Интернет-источники, а также зарубежные массмедиа (телевидение, радио, печать). Это группа, значимая по месту, которое она занимает в обществе, перспективная в смысле социального роста и, наконец, компетентная в своих мнениях и оценках.

Опять-таки более информированными, точнее — использующими разные источники информации, в особенности — Интернет, который доступен сегодня и в крупнейших городах России, оказываются москвичи.

Политические установки молодежи и ее оценки политической ситуации. Характер партийных предпочтений в описываемой группе или слое молодых и обеспеченных российских горожан близок к распределению политических взглядов и электоральных ориентаций в населении в целом (как и степень вовлеченности в политику). 37% опрошенных заявили, что политика их не интересует. Интерес других носит пассивный или, как говорил Ю.А.Левада, «зрительский»

характер, т.е. не предполагает — за пределами обсуждения с друзьями — какой-либо политической активности или ответственности. Приведем детализированные данные по трем основным и статистически надежным ответам на этот вопрос.

Общественная или гражданская активность населения России сегодня близка к нулю. Но и среди молодых обеспеченных горожан немногие проявляют такую активность, как участие в митингах и демонстрациях, в собраниях партий и общественных движений, подписании политических и общественно значимых писем, участие в акциях, организованных в Интернете, а также в интернет-дискуссиях на политические и социальные актуальные темы (около 3% в каждом случае).

Отличия данного слоя от населения в целом заметны прежде всего по оценке политической ситуации в стране: эти респонденты весьма и весьма скептически настроены по отношению к нынешнему режиму. Особенно этим отличаются москвичи, тогда как жители «провинции»

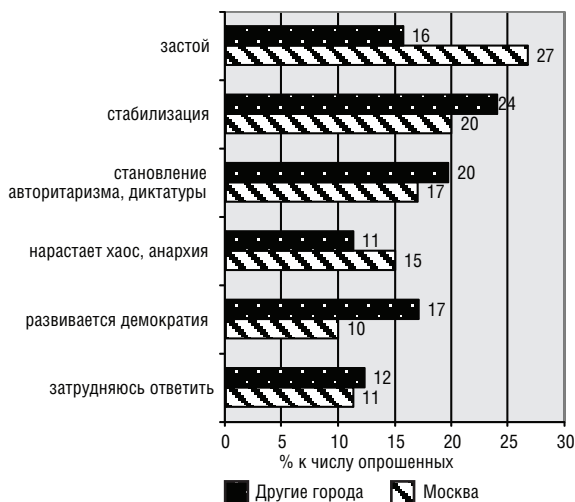
Таблица 17

ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ ЛИ ВЫ ПОЛИТИКОЙ, И ЕСЛИ ДА, ТО В ЧЕМ ВЫРАЖАЕТСЯ ЭТОТ ИНТЕРЕС?

	Не интересуюсь	Слежу за информацией о событиях	Обсуждаю события с друзьями
<i>В среднем по выборке</i>	37	39	35
ПОЛ			
Мужской	31	46	38
Женский	44	32	31
ВОЗРАСТ			
24–29	41	34	32
30–34	34	43	35
35–39	36	41	37
ОБРАЗОВАНИЕ			
Незаконченное высшее	43	32	26
Высшее	38	38	35
Послевузовское	28	59	36
РОД ЗАНЯТИЙ			
Владелец собственного бизнеса	36	38	37
Руководитель высшего звена	28	54	35
Руководитель среднего звена	37	44	35
Специалист с высшим образованием	39	36	35
Домохозяйка	53	21	21
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС			
Можем приобретать ТДП, но не авто	37	40	34
Можем купить и автомобиль	39	37	36
Ни в чем себе не отказываем	22	55	34
ГОРОД			
Москва	37	39	39
Другие города	36	40	33

ближе к общероссийским настроениям и оценкам.

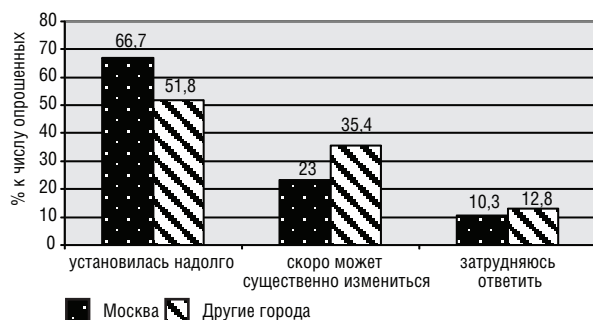
Рисунок 14
В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ РАЗВИВАЕТСЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ?*

* Ответы ранжированы по Москве

Доля негативных оценок политической жизни, как видим, очень значительна: в среднем соотношение положительных и отрицательных оценок составляет среди опрошенных 38 к 50, а среди москвичей — даже 30 к 59 (то есть, 1 к 2).

Рисунок 15
СЛОЖИВШАЯСЯ В РОССИИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА УСТАНОВИЛАСЬ НАДОЛГО ИЛИ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ МОЖЕТ СУЩЕСТВЕННО ИЗМЕНИТЬСЯ?

В приведенных оценках явно прочитываются характеристики сложившегося порядка как «застоя», отмечается нарастание авторитаризма и, вместе с тем, безвластия в стране — с точки зрения большей части наших респондентов, налицо кризис всей системы государственного управления. Определение политической ситуации, как «развития демократии», оказывается по рангу оценок на предпоследнем месте, причем особенно редко оно встречается среди москвичей.

При этом преобладающая часть опрошен-

ных (56%) считает, что сложившаяся к настоящему времени политическая система в России установилась надолго и в ближайшие годы едва ли может существенно меняться. Только около половины той части опрошенных, которые считают, что «путинизм — это надолго», позитивно расценивают нынешний политический порядок, полагая, что речь идет об устойчивом и последовательном развитии страны в сторону демократии (чаще это провинциальные горожане). Почти столько же называют это положение «застоем» (чаще других — респонденты с послевузовским образованием), «становлением диктатуры», «авторитаризмом» (чаще других — владельцы собственного бизнеса) или полагают, что оно таит в себе угрозу нарастающего хаоса и анархии (опять-таки, чаще других — опрошенные с послевузовским образованием).

Существенно чаще такую оценку дают москвичи, а также респонденты с более высокими ресурсами, наиболее критичные по отношению к нынешней политической жизни. Это заставляет говорить об усиливающейся с годами тревожности, чувстве бесперспективности или безнадежности как раз наиболее продвинутых, обеспеченных групп, которые и выражаются в росте «чемоданных» настроений. Представители «провинциальных» городов чаще считают, что нынешняя ситуация неустойчива и в ближайшие несколько лет может существенно измениться. Среди них намного чаще высказываются мнения о том, что причины предполагаемой нестабильности в ближайшем будущем связаны с падающей эффективностью централизованного управления, накоплением отрицательных последствий политики нынешних хозяев страны, их неспособностью решать социальные и экономические проблемы.

Такая двойственность была зафиксирована еще в опросе 2008 г., который был тогда в большей мере посвящен анализу отношения молодых обеспеченных горожан именно к стабильности режима на втором сроке путинского президентства. Несмотря на все тогдашние усилия официальной пропаганды, уверявшей население в том, что наступила эпоха стабильности и благополучия, молодые представители высокодоходных групп были в то время вовсе не единодушны в оценке результатов, достигнутых руководством страны. Согласны с властями были лишь около половины опрошенных (46%, среди них заметно больше было государственных чиновников и работников государственных компаний). Но даже среди согласных с определением наступившей в стране «стабильности»

доминировало мнение, что это период относительной стабильности, который очень скоро может кончиться. В целом доля тех, кто был твердо уверен в надежности наступившего стабильного состояния, составляла тогда всего 13%.

Особенность описываемого социального слоя заключается в том, что наши респонденты ориентированы на определенный образ жизни или способ ее ведения, распоряжения ею, который, как они считают, обеспечен, прежде всего, их собственными усилиями, интеллектом, эффективным трудом, а не благодеяниями правительства. От власти они, в отличие от основной массы российского населения, не ждут ни помощи, ни льгот, ни гарантий уровня жизни или рабочих мест, жилья и прочих распределяемых начальством, достаточно скудных благ. Собственное благополучие они в состоянии обеспечить себе сами, если только им не мешать. Но они очень сомневаются в том, что путинско-медведевское правление, узурпировавшее власть в стране, будет эффективно справляться с общими проблемами, которые оно обязалось решать в соответствии с конституцией. Данный класс людей ясно понимает связь между авторитарной политической системой и неэффективностью управления, между вытеснением политики как сферы открытой конкуренции за общественное признание и социальной недееспособностью бюрократии, бессилием нынешнего руководства страны добиться устойчивого развития страны и клановыми интересами

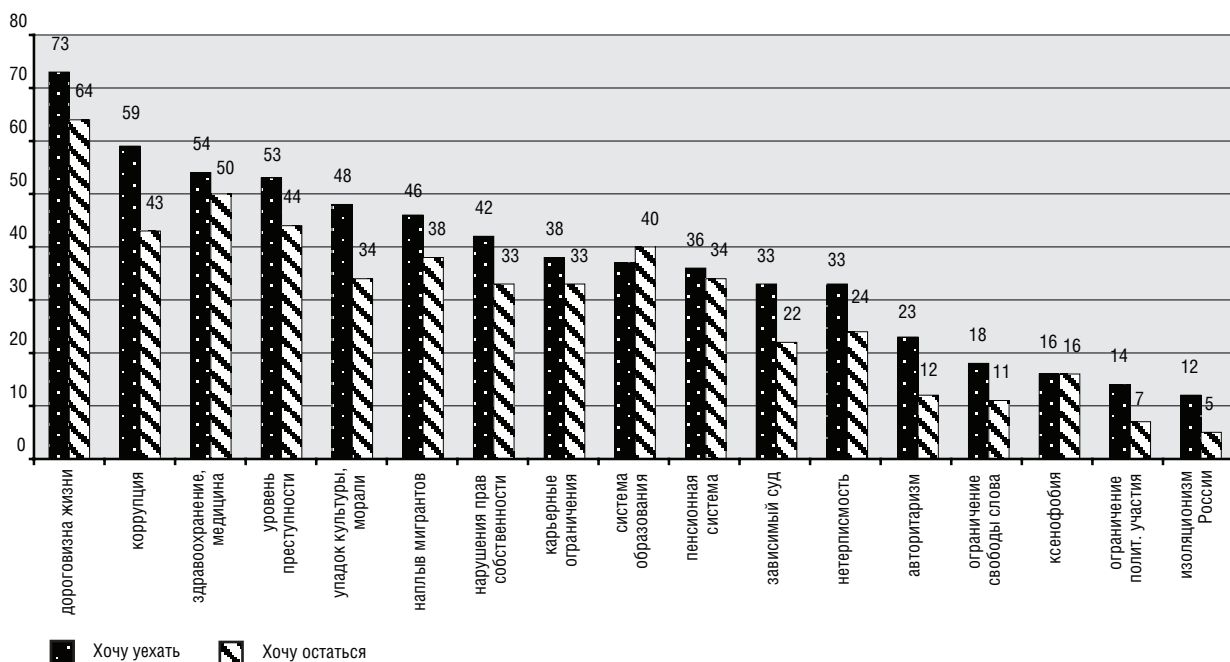
околовластных групп. В этом плане весьма показательное распределение данных о наиболее острых проблемах, тревожащих респондентов.

Поддержка партий. Уровень поддержки кремлевских партий в описываемой среде заметно ниже, чем в среднем у населения России. Сказывается слабость административного ресурса и ограниченность возможностей давления «сверху» на эту группу – вспомним, что преобладающая часть опрошенных занята в частном секторе. При том, что относительно более высокие симпатии вызывает «ЕР», ей симпатизируют лишь 31% опрошенных, что, как минимум, на одну пятую меньше общероссийских показателей; кроме того, массив этой категории опрошенных сдвинут от центра к периферии – в Москве показатель поддержки партии власти составляет менее 22%, тогда как в других городах – более трети от опрошенных в них. Оставшиеся респонденты делят свои симпатии между Жириновским (7%), СР (4%) и КПРФ (3% – минимум поддержки, естественный, учитывая возрастную, образовательный и доходный состав наших опрошенных).

Сторонники «демократических» или либеральных партий («Яблоко», «За Россию без произвола и коррупции», «зеленые» и др.), как и объединения противоположного крыла («Патриоты России», «ДПНИ»), набирают от 2% до 0.5-0.3%, что ниже допустимой точности измерения. Другими словами, эти партии не

Рисунок 16

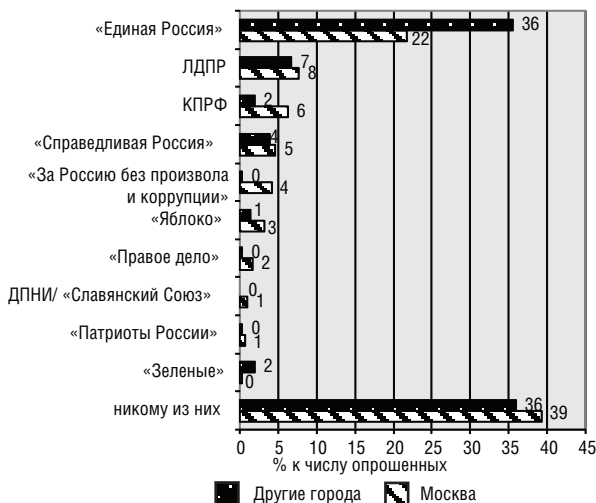
ОСТРОТА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ. «КАКИЕ ЯВЛЕНИЯ, СТОРОНЫ ЖИЗНИ В РОССИИ ВЫЗЫВАЮТ У ВАС БЕСПОКОЙСТВО?»

пользуются доверием и не рассматриваются нашими опрошенными как серьезные оппоненты власти, заслуживающие поддержки. Так что для представителей данного слоя нет серьезной альтернативы действующему режиму, что собственно, и окрашивает политические воззрения изученных нами молодых россиян в тона умеренного пессимизма.

Рисунок 17

КАКОЙ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ПАРТИЙ, ДВИЖЕНИЙ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО СИМПАТИЗИРУЕТЕ?

Членом какой-либо партии называют себя всего 1% опрошенных (в основном — это электорат ЕР, т.е. чиновники и сотрудники госпредприятий). В большинстве случаев политическая заинтересованность опрошенных носит пассивный характер и сводится к просмотру новостей (39%) и их обсуждению с друзьями и коллегами (35%). Политически ангажированная публика или респонденты, занятые общественной деятельностью, образующие преимущественно лагерь оппонентов нынешней власти, участвуют в дискуссиях на острые темы, в политических демонстрациях и митингах, собраниях, интернет-акциях, подписывают разного рода обращения или коллективные заявления, обсуждают новости в Интернете (в блогах, в комментариях и т.п.). Но удельный вес таких респондентов в выборке не превышает 3-5%.

Таблица 18

ХОТЕЛИ БЫ ВЫ ПОЕХАТЬ ЗА ГРАНИЦУ... (в % к числу опрошенных (100% по строке))

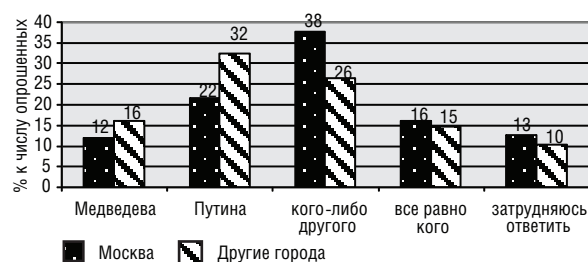
	Определенно, да + скорее да	Определенно, нет + скорее нет	Затруднились с ответом
На работу	46	51	3
На учебу	37	59	4
На постоянное место жительства	31	65	4

Май 2011, N=1001, .

В Москве, где поддержка партии власти ощутимо слабее, больше выражен и интерес к политике, хотя говорить о сколько-нибудь широкой солидарности и гражданской ответственности пока что затруднительно. Москвичи реже поддерживают правящий «тандем», особенно критичны по отношению к премьер-министру (лишь чуть более одной пятой хотели бы снова видеть президентом В. Путина, но при этом и фигура Д. Медведева не вызывает у них энтузиазма), а почти две пятых вообще не хотели бы выбирать «из двух зол».

Рисунок 18

КОГО БЫ ВЫ ПРЕДПОЧЛИ ВИДЕТЬ БУДУЩИМ ПРЕЗИДЕНТОМ РОССИИ?

Однако поскольку видов на иные, свободные и альтернативные выборы президента практически нет, то такая ситуация значительным образом подпитывает эмиграционные настроения наших опрошенных, причем особенно — именно наиболее благополучных (если сравнивать с остальной страной) москвичей.

Установки на эмиграцию или «чемоданные» настроения? От трети до почти половины опрошенных хотели бы уехать за границу на длительный срок, причем все эти вопросы не вызывают особых затруднений. Но при этом, как видим, доля желающих уехать на ПМЖ в среде, для которой такой поступок несопоставимо реальнее, чем для подавляющего большинства населения, лишь на 10% выше, чем среди населения в целом.

Рассмотрим полученные данные более детально. Расхождения этих установок среди москвичей и жителей других городов весьма значительны, в особенности — в желании уехать за рубеж на работу.

Рисунок 19
ХОТЕЛИ БЫ ВЫ ПОЕХАТЬ ЗА ГРАНИЦУ НА РАБОТУ?

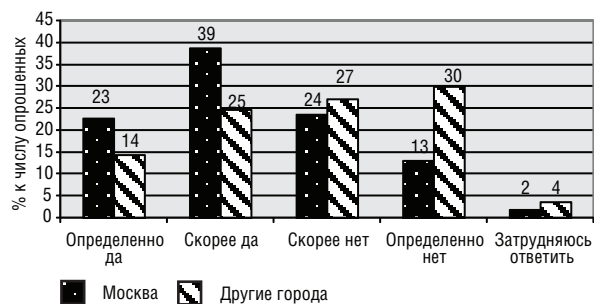

Рисунок 20
ХОТЕЛИ БЫ ВЫ ПОЕХАТЬ УЧИТЬСЯ ЗА ГРАНИЦУ?

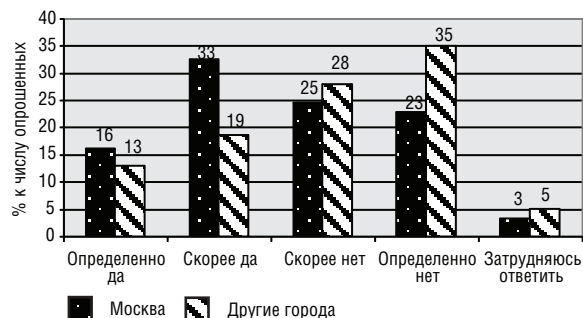
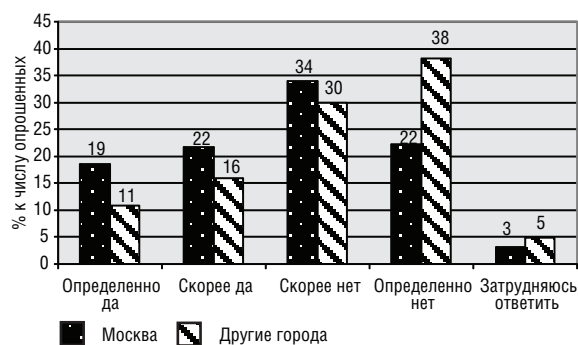

Рисунок 21
ХОТЕЛИ БЫ ВЫ УЕХАТЬ ЖИТЬ ЗА ГРАНИЦУ?

Примерно половина из тех, кто хотел бы поехать на работу (48%), готовы выехать лишь на определенных условиях: только для работы по имеющейся у них специальности и при достаточно высокой оплате труда. Чуть меньше (41%) отмечают в качестве условия лишь «высокий доход». И совсем небольшая часть (8%) готовы ехать за рубеж для продолжения своей работы, то есть только по специальности, вне зависимости от зарплаты (именно в этой подгруппе чаще присутствуют высокопрофессиональные специалисты).

Косвенно это указывает на сильнейшие процессы кризиса профессионализации и профессиональной этики. Хотя относительное большинство опрошенных представляют именно специалисты, а почти одна десятая из них

имеет послевузовское и второе образования, идентификация с профессией, специальностью — низкая, и это можно понять: главный источник высокой оплаты их труда — вовсе не профессиональная компетенция и достижения. Значительная доля опрошенных имеет техническое, инженерное образование, которое может пользоваться спросом на Западе при условии высокой и качественной специализации. Однако понятно, что этой части наших респондентов удалось достичь своих успехов и благополучия тоже не благодаря содержанию или качеству полученного образования.

Таблица 19
ХОТЕЛИ БЫ ВЫ ПОЕХАТЬ ЗА ГРАНИЦУ НА РАБОТУ? (без указания затруднившихся с ответом)

	Определенно + скорее да	Скорее + определенно нет
<i>В среднем по выборке</i>	46	51
ПОЛ		
Мужской	48	49
Женский	44	53
ВОЗРАСТ		
24—29 лет	51	46
30—34 года	47	51
35—39 лет	38	56
ОБРАЗОВАНИЕ		
Незаконченное высшее	43	54
Высшее	45	52
Послевузовское	55	41
РОД ЗАНЯТИЙ		
Владелец собственного бизнеса	39	58
Руководитель высшего звена	44	54
Руководитель среднего звена	48	48
Специалист с высшим образованием	48	48
Домохозяйка	40	60
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС		
Можем приобрести ТДП, но не авто	47	50
Можем купить авто	47	50
Ни в чем себе не отказываем	34	64

На учебу хотели бы уехать самые молодые из опрашиваемых нами россиян, то есть, здесь действует ограничение по возрасту, и это понятно. Вместе с тем, из опросов молодежи известно, что социологи в большинстве случаев имеют здесь дело с чисто декларативными заявлениями: учиться за рубежом едут практически «единицы», а подавляющее большинство молодых вполне довольны получаемыми и получен-

ными знаниями и навыками, не имеют особых претензий к их качеству, явно слабо соотносят качество образования с дальнейшей карьерой, редко ценят его как ресурс дальнейших достижений.

Поэтому особенно интересно, что с наибольшим желанием поехали бы учиться за границу те, у кого уже и так самый высокий уровень образования среди наших опрошенных. Иными словами, проблемы *качества образования* встают перед молодыми россиянами только на том уровне образованности, когда они шагнули дальше принятой общей нормы (ее составляет сегодня диплом вуза, а какого — не так уж важно). Это подтверждается проведенным в 2009 г. Левада-Центром исследованием о качестве образования, в котором наиболее критичными и ориентированными на содержательные и институциональные проблемы получения образования были респонденты, уже имевшие два высших образования. Именно эта группа оказывается наименее удовлетворенной своими положением и ситуацией в стране, так как «излишек» их образования и квалификации, их требовательность к себе и социуму, уровень запросов и притязаний оказываются в российских условиях не нужны. Всё, что сверх средней нормы, в нынешних российских условиях, которые наследуют здесь советским уравнительным стандартам, воспринимается как избыточное, неуместное, даже чужое¹.

Отметим также, что данная подгруппа молодых горожан с послевузовским или вторым образованием не очень велика, но она наиболее разборчива и требовательна, самостоятельна, пристальнее других следит за политической ситуацией и в наибольшей степени ощущает ограниченность своих возможностей в России, бесперспективность жизни в стране, ее провинциализм: именно среди них значительна доля тех, кому в России «жить неинтересно». Именно поэтому как раз такие, наиболее профессионально подготовленные и, вместе с тем, наиболее информированные и критичные респонденты чаще думают об отъезде на работу, учебу и на постоянное место жительства за рубеж.

¹ Подробнее о требованиях молодых россиян и их родителей к качеству обучения в школе и вузе, установке на второе высшее образование и т.п. см.: Дубин Б., Зоркая Н. Система российского образования в оценках населения // Вестник общественного мнения. 2009, № 3(101). С. 44–70

Таблица 20

ХОТЕЛИ БЫ ВЫ ПОЕХАТЬ ЗА ГРАНИЦУ НА УЧЁБУ? (без указания затруднившихся с ответом)

	Определенно + скорее да	Скорее + определенно нет
<i>В среднем по выборке</i>	37	59
ПОЛ		
Мужской	35	60
Женский	39	57
ВОЗРАСТ		
24–29 лет	45	50
30–34 года	35	63
35–39 лет	29	65
ОБРАЗОВАНИЕ		
Незаконченное высшее	33	65
Высшее	36	59
Послевузовское	52	43
РОД ЗАНЯТИЙ		
Владелец собственного бизнеса	30	66
Руководитель высшего звена	31	62
Руководитель среднего звена	40	55
Специалист с высшим образованием	39	56
Домохозяйка	40	58
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС		
Можем приобретать ТДП, но не авто	30	64
Можем купить авто	41	55
Ни в чем себе не отказываем	35	64

Желание эмигрировать. Наконец, около трети респондентов хотели бы уехать из России навсегда или, по крайней мере, на неопределенно долгое время. Среди последних несколько больше мужчин, самых молодых людей, не обремененных собственной семьей (35% в возрасте до тридцати лет против 26% среди тридцатипятилетних и старше), наиболее образованных респондентов (среди имеющих послевузовское образование — 36%) и особенно — москвичей: 41%; тогда как среди жителей других городов таких значительно меньше — всего 27%. Размах колебаний, как видим, довольно значителен только между «центром» и «периферией».

Направления возможной эмиграции хорошо известны из статистики предшествующих десятилетий: это исключительно демократические страны Запада — Германия (19%), США (15%), Великобритания (13%), Италия или Франция (по 8%), Канада (6%), Швейцария (5%), Испания

(5%) или Австралия (4%), Швеция, Финляндия и другие европейские страны. Для москвичей при этом наиболее привлекательны США (23%), Германия (20%), Великобритания (19%).

Таблица 21

ХОТЕЛИ БЫ ВЫ ПОЕХАТЬ ЗА ГРАНИЦУ НА ПОСТОЯННОЕ ЖИТЕЛЬСТВО... (без указания затруднившихся с ответом)

	Определенно + скорее да	Скорее + определенно нет
<i>В среднем по выборке</i>	31	65
ПОЛ		
Мужской	33	62
Женский	29	67
ВОЗРАСТ		
24-29 лет	35	60
30-34 года	31	66
35-39 лет	26	69
ОБРАЗОВАНИЕ		
Незаконченное высшее	30	68
Высшее	31	65
Послевузовское	36	58
РОД ЗАНЯТИЙ		
Владелец собственного бизнеса	32	66
Руководитель высшего звена	23	70
Руководитель среднего звена	33	62
Специалист с высшим образованием	30	65
Домохозяйка	40	58
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС		
Можем приобретать ТДП, но не авто	32	64
Можем купить авто	30	64
Ни в чем себе не отказываем	28	69

Мотивы выезда на время или навсегда существенно различаются у разных категорий опрошенных. Хотели бы поехать за границу «поработать» лишь каждый третий (30%) из молодых госчиновников, 43% – из сотрудников госкомпаний, 47% – работающих в частных компаниях и 59% среди «фрилансеров» и людей свободных профессий. Распределение ответов о готовности уехать на учебу за границу, соответственно, следующее: 25% чиновников, 30% – работающих в госорганизациях, 39% – сотрудников частных фирм и 41% самозанятых. «На ПМЖ» аналогичные цифры (кроме фрилансеров) будут еще ниже: 20, 25, 32 и 41%.

Рисунок 22

В КАКУЮ СТРАНУ ВЫ БЫ ХОТЕЛИ УЕХАТЬ? (в % от числа респондентов, намеренных выехать на ПМЖ. Ответы ранжированы по Москве)

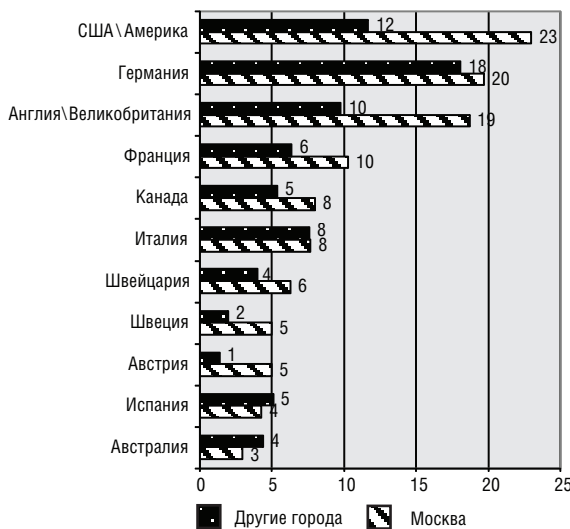
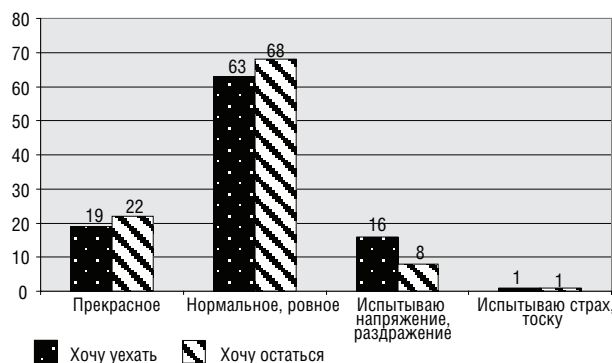

Рисунок 23

Что Вы могли бы сказать о своем настроении в последние дни (в % от числа в соответствующей группе)

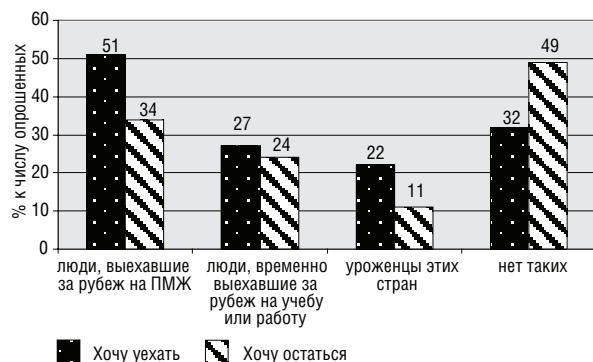
Желающие поехать за границу – на работу или ПМЖ – в массе своей (65-70%) уже много раз бывали за границей: в среднем за последние три года они выезжали не менее 4 раз. Несколько различается у них и опыт поездок за рубеж: те, кто не собирается никуда уезжать (пусть на время), реже выезжали за границу даже на отдых, не говоря уже о деловых поездках, научных конференциях, учебе, стажировке, работе. Чуть больше среди них и тех, кто вообще никогда никуда не выезжал.

Так что прослеживается вполне четкая зависимость: чем чаще опрошенные выезжали за границу, тем чаще они хотели бы работать за границей или уехать из России насовсем. Такой зависимости не прослеживается по отношению к тем, кто хотел бы продолжить свое образование в иностранных университетах или колледжах; причины понятны – это самые молодые из опрошенных, они еще не успели поездить

по миру. Более того, у 78% из потенциальных эмигрантов уже возникли связи и образовались знакомства как среди резидентов (22%), так и среди тех, кто давно уехал из России на ПМЖ (51%) и к настоящему времени вполне обосновался в новой среде.

Рисунок 24

ЕСТЬ ЛИ У ВАС ЗА ПРЕДЕЛАМИ СНГ РОДСТВЕННИКИ, ДРУЗЬЯ ИЛИ ПРОСТО ЗНАКОМЫЕ, С КОТОРЫМИ ВЫ ПОДДЕРЖИВАЕТЕ РЕГУЛЯРНЫЕ КОНТАКТЫ? (в % от числа в соответствующей группе)

Как видим, у абсолютного большинства тех, кто никогда не задумывался об отъезде, таких знакомств и ресурсов нет, что и не удивительно, поскольку основная масса из них живет в провинции, где возможности получения информации и общения серьезно ограничены. Иначе говоря, те люди, которые хотели бы эмигрировать, уехали бы не в пустоту, а на уже хоть как-то освоенное и обжитое место – среди этого контингента весьма высок процент выезжавших раньше в гости к друзьям, родственникам, знакомым, а не просто в «анонимную» турпоездку.

Уровень своей квалификации почти половина из желающих уехать за границу (особенно на ПМЖ) оценивают заметно выше, чем те, кто не хотят никуда уезжать: те, кто никуда не собираются ехать, чаще дают ответ: «такой же, как у других». Опять-таки, у заявивших о готовности уехать (все равно – на время или навсегда) свободное знание иностранных языков гораздо более распространено, особенно у тех, кто готов уехать на ПМЖ (52% свободно говорят на английском, 62% свободно читают; среди тех же, кто не хочет никуда ехать, эти показатели составляют соответственно, 30 и 37%). Еще 10% знают немецкий, 4% – французский. Сравнить их со средними показателями владения языками в массе российского населения даже не имеет смысла.

Другими словами, более или менее серьезные мысли об отъезде из России возникают только у тех, кто уже обладает необходимой ба-

зой информации, кругом связей, способностью к общению и взаимодействию с другими людьми, кто обеспечил себе необходимые ресурсы поддержки, у кого выше компетенции, накоплен большой символический капитал (образование) или кто более инициативен и амбициозен, кто считает, что он заслуживает большего либо ориентирован на работу, представляющую для него приоритетной или самоценной, кто занят «делом», а не «служением» начальству. Уезжают в этой среде или серьезно задумываются над этим те, кто не просто хочет, но и может уехать, кто обладает важнейшими способностями к социальному взаимодействию, качествами и ресурсом «социальности»: напомним, что большинство – до трех четвертей – российско-го населения считают, что другим людям доверять нельзя и при потребности в помощи могут, как признают они сами, полагаться лишь на ближайших кровных родственников.

Рисунок 25

ВЫ СОГЛАСНЫ С МНЕНИЕМ, ЧТО ЖИЗНЬ В РОССИИ СЕЙЧАС ГОРАЗДО ПЕРСПЕКТИВНЕЕ, ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ УСПЕХА, ЧЕМ НА ЗАПАДЕ? (в % от числа в соответствующей группе)

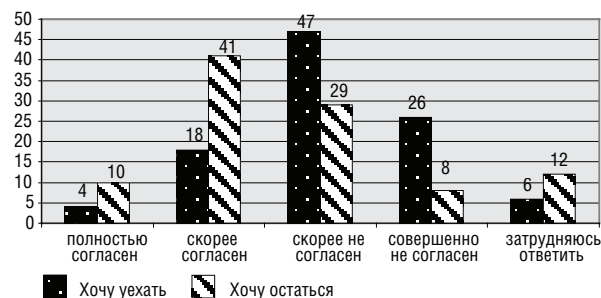
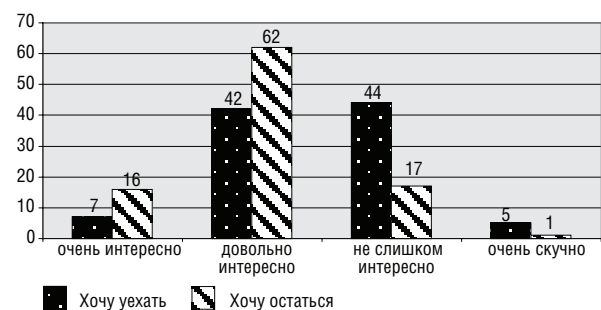

Рисунок 26

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ, ИНТЕРЕСНО ЛИ ВАМ ЖИТЬ В РОССИИ?

Потенциальные эмигранты весьма критично оценивают перспективы своей жизни в России по сравнению с Западом. Пусть это сравнение с идеальным Западом, но ясно, что за такими оценками стоит осознание высокой цены достижения здесь относительного благополучия (в том числе, возможно, и моральной –

отказ от профессии, приспособление к режиму, зависимость от «временщиков»), понимание, что в российском обществе нет должных гарантий защиты этого положения (в первую очередь, правовых), нет механизмов общественной gratификации личных успехов. В этих условиях чувство ущемленного достоинства и невозможность хоть сколько-нибудь рационально, последовательно, эффективно контролировать свою ситуацию в настоящем и в будущем угрожают стать хроническими.

Характерно, что подавляющее большинство желающих уехать с одинаковой тревогой смотрят и в свое будущее, и в будущее страны.

Рисунок 27
С КАКИМИ ЧУВСТВАМИ ВЫ СМОТРИТЕ В СВОЕ СОБСТВЕННОЕ БУДУЩЕЕ? (в % от числа в соответствующей группе)

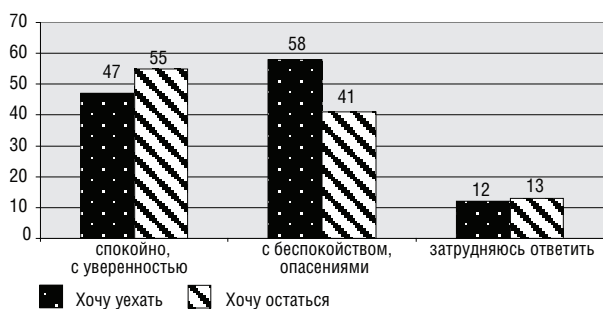

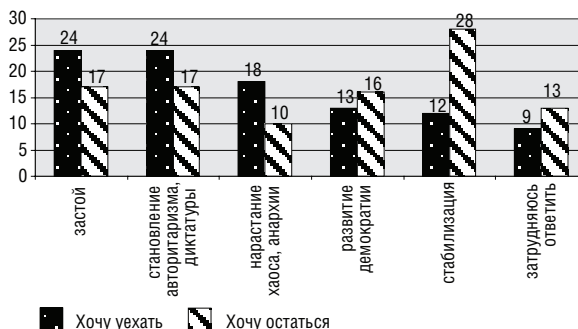
Рисунок 28
С КАКИМИ ЧУВСТВАМИ ВЫ СМОТРИТЕ НА БУДУЩЕЕ РОССИИ? (в % от числа в соответствующей группе)

В группе потенциальных эмигрантов наиболее сильны самые негативные оценки существующего политического порядка; напротив, позитивные определения среди них — на последнем месте. Отметим, что именно остающиеся все еще цепляются за официальную пропаганду образца 2008 г. о наступившей стабильности. Этот контингент «остающихся», как и большинство населения, не имеющего никаких возможностей уехать даже из своего города в другой, традиционно держатся за российский «принцип надежды», работающий на вытеснение реальных проблем и пассивную адаптацию,

закрепляющий бесправие и отсутствие возможностей влиять на происходящее не только в стране, но даже в ближайшем окружении — на работе, в месте, где живешь.

Рисунок 29
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ РАЗВИВАЕТСЯ СЕЙЧАС ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ? (в % от числа в соответствующей группе)

Среди потенциальных эмигрантов самая высокая доля тех, кто хотел бы видеть в качестве президента совершенно нового человека, тогда как остающиеся вполне приспособились к политической конструкции правящего «тандема». Вместе с тем, весьма высок среди тех, кто хотел бы уехать, и уровень политической апатии.

Рисунок 30
КОГО БЫ ВЫ ПРЕДПОЧЛИ ВИДЕТЬ БУДУЩИМ ПРЕЗИДЕНТОМ РОССИИ? (в % от числа в соответствующей группе)

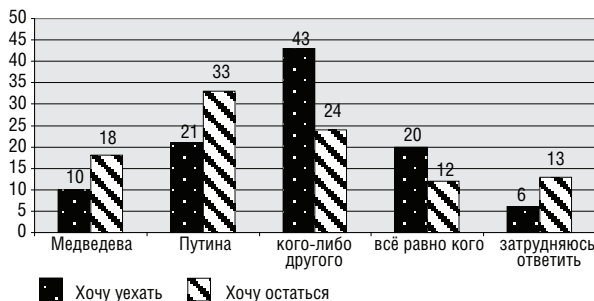

Таблица показывает, какими сторонами современной российской жизни опрошенные в наибольшей степени обеспокоены.

И все же неудовлетворенность положением дел в стране (и, соответственно, безальтернативной властью) вызвана у наших опрошенных не столько идеологическими или партийно-политическими разногласиями с нынешним тандемом, то есть не окрашена политически. Данная группа не претендует на политическое влияние, не являясь поэтому «средним классом» в классическом смысле слова. Это недовольство и тревоги, связанные с ясным пониманием тупика, в котором оказалась страна при сложившемся режиме. Именно отсюда и возник

кает острая неудовлетворенность, желание бросить всё и уехать, хотя понятно, что это означало бы для подавляющего большинства решение начать жизнь почти «с нуля».

Таблица 22

КАКИЕ ЯВЛЕНИЯ, СТОРОНЫ ЖИЗНИ В СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ ВЫЗЫВАЮТ У ВАС ЧУВСТВО НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ИЛИ БЕСПОКОЙСТВА? (в % к числу всех опрошенных)

Неоправданная дороговизна жизни	67
Низкое качество медицинских услуг	53
Повсеместная коррупция среди чиновников	49
Высокий уровень преступности	48
Наплыв мигрантов	41
Плачевное состояние системы образования	39
Моральное разложение общества	39
Слабая защищенность собственности	36
Ограниченные возможности для карьеры	35
Состояние пенсионной системы	35
Рост агрессивных настроений, нетерпимость в обществе	27
Отсутствие независимого суда	26
Рост русского национализма, ксенофобии	16
Сложившийся в России авторитарный режим	15
Ограничение свободы СМИ	14
Ограничение свободы выражения своих взглядов (отсутствие политической свободы)	9
Изоляционизм, закрытость России	7
Затруднились ответить, другое	1 и 2

Приведенный список тревожащих обеспеченную молодежь проблем во многом отличается от того, что беспокоит население в целом. Для населения самым важным являются рост цен, стагнация в экономике и основных отраслях промышленности (не связанных с нефтью или газом), рост безработицы, резкое расслоение общества, недоступность многих видов медицинского обслуживания. Для респондентов, условно относимых нами к «среднему классу», более тревожными знаками нестабильности оказываются уровень неуправляемого насилия в обществе, агрессии, слабость суда или неразвитость всей институциональной системы, потенциально должной защищать граждан от произвола как преступников, так и самой власти или ее узурпаторов на местном или федеральном уровне, деградация или неудовлетворительное состояние медицины и пенсионной системы, социальной сферы в целом. Подчеркнем, что большинство перечисленных острых проблем российского общества острее всего затрагивает именно самых квалифицированных респондентов

(с послевузовским образованием) и наиболее высокостатусных, самостоятельных людей (владельцев собственного бизнеса, руководителей высшего звена), на которых мы указывали выше как на подгруппу, наиболее ориентированную на отъезд из страны.

При анализе миграционных намерений и мотивов эмиграции важно выделять как факторы притяжения (привлекательность условий или моделей жизни там, куда хотят переехать), так и факторы выталкивания (угрозы существования, страхов, лишений абсолютных или относительных, сравниваемых с другими возможностями). В нашем случае силы притяжения гораздо более значимы, чем силы выталкивания.

Рисунок 31
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИЗ-ЗА КОТОРЫХ ВОЗНИКАЕТ ЖЕЛАНИЕ УЕХАТЬ ЗА ГРАНИЦУ

Как и в 2008 г., собственно политические соображения занимают последние позиции в списке наиболее значимых факторов отъезда из России. Они важны, но лишь в качестве сопутствующих или дополнительных обстоятельств объяснения, почему для респондентов становится затруднительным в будущем или невозможным обеспечить себе гораздо более важные блага «нормальной жизни». На первое место эти молодые люди ставят две вещи: а) высокое качество жизни, ради которого следует много и упорно, изобретательно работать, и б) условия ее обеспечения — уверенность в будущем, сознание, что никто не сможет по собственному произволу лишить достигнутого. В это пред-

ставление об уровне жизни в качестве составных компонентов входят и правовая защищенность, без которой невозможно поддержание чувства собственного достоинства и уважения к себе, и недопустимость произвола, и честные, открытые правила ведения бизнеса, и соображения о доступности качественного медицинского обслуживания, безопасная экология, обеспечение в старости, честная полиция, защищающая их от преступников, а не власть от общества и т.п. Это не отдельные претензии к власти, а целостное представление или воображаемый проект «удавшейся жизни».

Важно отметить, что ведущими факторами возможного отъезда являются прежде всего те, которые связаны с *перспективами* – проблемами полноценной собственной реализации, возможностями уверенно развить свое дело, будущим детей. Характерно, что значимость именно трех данных факторов за последние годы, как показывает сравнение на рисунке 32, особенно выросла. Причем в наибольшей степени эти факторы значимы, опять-таки, для наиболее ресурсообеспеченных и высокостатусных групп – владельцев собственного бизнеса, руководителей высшего звена.

Самый сильный фактор отъезда – специфика нынешней институциональной системы, необеспеченность собственности («угроза потери сбережений»), затем – «давление властей на бизнес», и лишь потом – угроза «ужесточения политического режима». Причем заметнее всего озабочены подобными негативными перспективами, опять-таки, наиболее образованные (с послевузовским образованием), высокостатусные и самостоятельные респонденты (владельцы собственного бизнеса, руководители высшего звена).

Соображения о тех или иных негативных факторах, влияющих на мотивации отъезда, важны как при формировании мотивации временного отъезда за границу (на работу), так и при обдумывании вариантов «ПМЖ». Наиме-

нее значимыми для эмиграции в данном социальном слое оказываются – в особенности, для наиболее высокостатусных и ресурсообеспеченных подгрупп – страх перед безработицей. Точно так же опасность усиления политических репрессий или давления власти на общество не влияют на стремление учиться за границей: здесь характер мотивации обусловлен лишь внутренними планами самых молодых респондентов на будущее и особенностями личностного самоопределения (то есть, работают только факторы притяжения).

Главный источник угрозы благополучию опрошенных – само нынешнее российское государство, не ориентированное на формирование современных институтов и условий защиты «нормальной» жизни частного человека, свободного и независимого от тех, у кого сегодня власть. В наибольшей степени наши респонденты опасаются потери денежных сбережений (см. таб. 9). При этом острее других недостаточную защищенность своего достояния, накопленных ресурсов испытывают, конечно, владельцы собственного бизнеса и руководители высшего звена – до половины их, по собственному признанию, испытывают по этому поводу постоянный и сильный страх.

Подчеркнем, речь не идет о людях, неспособных за себя постоять или слабых, «безруких», оправдывающих свою уязвимость и незащищенность интеллигентскими соображениями, типа «это не хорошо» или «я это не умею». Абсолютное большинство наших респондентов (65%), вне зависимости от их намерений уезжать или оставаться в России, готовы защищать себя или своих близких, свои интересы от репрессивного государства или рейдерства, чиновничьего произвола или каких-то других форм несправедливости любыми средствами, включая, отметим, нелегальные или морально сомнительные. В трудной ситуации, которая затрагивала бы здоровье близких и благополучие их детей или даже интересы бизнеса,

Таблица 23

БОИТЕСЬ ЛИ ВЫ... (в % по строке)

	Мало или совсем не боятся	Опасаются, но весьма умеренно	Боятся постоянно и очень сильно	Средний балл*
Потери сбережений	30	27	42	3.17
Усиления давления на бизнес, угрозы отъема бизнеса государством	37	27	34	2.91
Потери работы	39	27	33	2.88
Ужесточения политического режима	40	29	27	2.76

* Респондентам предлагалось оценить по шкале от 1 до 4 значимость каждого из перечисленных факторов в качестве причины эмиграции. Ранжировано по среднему баллу.

от половины до двух третей из них легко пошла бы на незаконные сделки, подкуп или использование неформального ресурса, дабы добиться своего. Это не означает, что они насквозь коррумпированы или проникнуты криминальным духом, как раз наоборот: гораздо больше, чем прочие группы населения, они уверены в своих возможностях добиться того, что им нужно легальными средствами, защитить свои права в суде, наняв хорошего адвоката и проч., причем доля убежденных в таких своих возможностях выросла с 32% в 2008 г. до 45% в 2011-м¹. То, что такая уверенность в себе не всегда оправдана, мы знаем из опыта Ходорковского, Магнитского или Чичваркина, но не в этом сейчас суть. Опрошенные нами молодые горожане сильны, энергичны, полны веры в себя. Иными словами, эти люди умеют жить в нынешней России и могут решать свои проблемы, но то, как им это приходится делать, им не нравится. Они предпочли бы цивилизованные формы, принятые в европейских, то есть — демократических, странах. Им не нравится среда, воздух, дух или моральное состояние общества, примиряющегося с этой властью.

Другими словами, сама по себе модель ориентации на *успех* как благополучие и независимость, прежде всего от власти и государства в этой среде уже осознается как тупиковая, ведь это не успех, предполагающий, ориентирующий на современное, правовое, гражданское общество. Чрезвычайно важно, что данный слой начинает осознавать важнейший дефицит социальности — институционального признания их усилий, их представлений о порядке, включая защиту достигнутого или сохранение накопленных благ (частной собственности, возможности передачи детям того, что они сами заработали и т.п.). Не просто деньги, не отдельные блага и ценности, которые у них уже есть, а все это в комплексе, вместе с представлениями об определенном, целостном образе жизни, только и может служить интегральной мотивацией смены места жительства, отказа от жизни в России. А это и есть, пусть пока слабый и неартикулированный в политическом смысле росток групповых интересов. Они не могут (или

не стремятся) найти политическое оформление, поскольку связаны со всем комплексом социальных и политических проблем общества в целом, но их осознание происходит при полном отсутствии солидарности, прежде всего — с социально «слабыми» группами, и при доминировании установки «каждый сам за себя», которая представляет собой перевернутую конструкцию того же патернализма.

Вероятность реализации планов и желаний уехать за рубеж. Заявленное в ходе опроса желание покинуть Россию, уехав в другие страны на работу, учебу или даже ПМЖ, совсем не означает, что оно будет когда-либо осуществлено. 60% заявивших о подобном желании респондентов ничего не делали в этом плане, ограничиваясь мечтательными переживаниями. Лишь каждый десятый предпринял какие-либо практические шаги по организации отъезда за рубеж (в том числе: 6% подали документы на визу, ведут переговоры о заключении договора о будущей работе или оформляют бумаги для учебы и проч., 7% — рассылают свои CV разным фирмам или запросы в университеты и другие учебные заведения; 5–6% — учат язык той страны, куда они хотят поехать). Большинство же из изъявивших желание уехать занято важными, но совсем не обязательно ведущими к отъезду делами — собирают сведения о стране или месте, куда они хотели бы уехать. Причем реже других совсем ничего не делают для своего возможного отъезда наиболее ресурсообеспеченные группы — более образованные и высокостатусные респонденты.

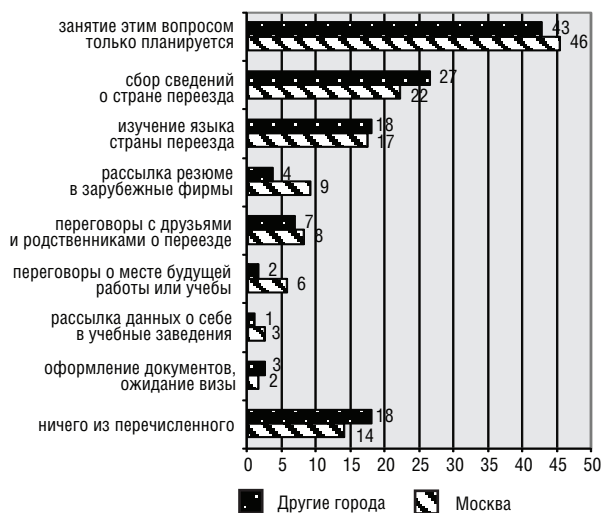
Исходя из опыта изучения миграции, можно говорить с большей или меньшей определенностью, что преобладающая масса из числа опрошенных, скорее всего, никогда не уедет из России, если только не случится какая-нибудь социальная катастрофа. У подобных желаний другая функция: они важны для самоопределения человека и его места в *российской* жизни, дистанцированного отношения к происходящему *здесь*. Иными словами, это не столько мотивы реального действия, сколько символическая конструкция групповой или личностной идентичности. Важно отметить и понять, что эта идентификация выражается в данном случае через отстранение от сложившегося порядка, принимая у части (но никак не большинства!) молодых, урбанизированных, образованных и обеспеченных респондентов форму размышлений о возможном отъезде из страны.

¹ Справедливости ради, отметим все же, что среди тех, кто не собирается никуда эмигрировать, склонных к коррупционным сделкам насчитывается чуть меньше, пусть всего на несколько процентных пунктов: сказывается наличие в выборке чиновников, то ли верящих в силу закона и способность властей отстаивать интересы невинных и слабых, то ли знающих, что они могут опираться на ведомственный ресурс, то ли считающих нужным демонстрировать патриотизм.

Рисунок 32

ДЕЙСТВИЯ, КОТОРЫЕ ПРЕДПРИНИМАЛИСЬ/ПРЕДПРИНИМАЮТСЯ, ЧТОБЫ УЕХАТЬ ЖИТЬ В ДРУГУЮ СТРАНУ

(в % к числу респондентов, намеренных выехать на ПМЖ. Ответы ранжированы по Москве)

Из тех, кто хотел бы уехать на учебу за границу, многие намерены вернуться и по принципиальным соображениям (они считают себя «патриотами» и полагают, что жить надо в своей стране), либо из-за чувства неуверенности в себе («едва ли я смогу там жить») или «найти достойное применение» своей профессии и способностям), по личным или семейным соображениям, из-за страха не вписаться в чужую жизнь и т.п. Важно, что это происходит не из-за отсутствия средств для отъезда — на такие причины ссылались всего 3%.

Заключение и выводы. Таким образом, расхожая схема для объяснения нынешней миграции — «утечка мозгов» (бедность ученых, нищенское положение ИТР, отсутствие оборудования, бюрократизация науки, отсутствие условий для творчества и т.п.) — в данном случае не работает.

Мы имеем дело с фазой непрерывного процесса миграции, точнее сказать — даже нескольких различных типов миграции (трудовой, образовательной и др.). Эти процессы в своем большинстве нормальны для современного мира. Стабильная, довольно высокая доля людей, так или иначе думающих об эмиграции, сохраняется в России на протяжении ряда лет. За последний год такие настроения усиливаются, и в мае 2011 г. заявили о желании уехать из страны 22% опрошенных взрослых россиян. При этом доля принявших, по их словам, «твердое решение», «собирающих документы» и «готовящихся к отъезду» составляет менее 3%

опрошенных, т.е. около 1/10 от числа тех, кто заявил о желании уехать. Среди наиболее квалифицированной и обеспеченной молодежи столицы и крупнейших городов доля желающих уехать на постоянное место жительства составляет 31%, но те, кто решил твердо и уже готовится к отъезду, тоже составляют около 1/10 данного слоя. Доля людей, которые утверждают, что приняли твердое решение, за последнее время выросла, а число тех, кто никогда об этом не думал, довольно заметно упало.

За подобными настроениями стоит неудовлетворенность положением дел в России, безальтернативной властью и неопределенностью перспектив, стоящих перед страной, незащищенностью и бесправием граждан, желанием обеспечить нормальную жизнь не только себе, но и детям. Среди продвинутых, успешных, наиболее образованных и обеспеченных групп россиян нарастает стремление к отъезду, но решающую роль при этом играют не столько политические разногласия с нынешним властным tandemом, сколько тревоги, связанные с ясным пониманием тупика, в котором оказалась страна при сложившемся режиме. Не случайно наибольшее недовольство ситуацией в стране, ощущение бесперспективности и чувство скуки преследует сегодня именно самых образованных, удачливых и, казалось бы, благополучных молодых россиян.

Дело, повторим, не в деньгах или не в возможности их заработать — опрошенные нами люди могут и умеют это делать. Дело в сознании хронической незащищенности, униженности, зависимости, несвободы, постоянной опасности, исходящей от окружающей агрессивной среды. По сути, мы имеем дело здесь с системным отторжением более сложных и новых форм организации социальной жизни и поведения личности со стороны всего комплекса условий существования и представлений о человеке, который сложился в советское время, но воспроизводится до нынешнего дня привычным укладом повседневности и соответствующим ему человеческим материалом. Идет отслоение или даже отторжение современных, европейских норм и правил поведения, структур сознания и поведения от привычного для нас обихода с его насилием, хамством, терпением и холуйством. Эта проблема — гораздо более общего толка, нежели разногласия с действующей властью. Она заключается в цивилизационной несовместимости уже почти европейского (по крайней мере, в данном слое, в отдельных его фракциях) человека и все еще крепостного российского социума.

Максим РУДНЕВ
Владимир МАГУН

Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран¹

ВВЕДЕНИЕ

Тема ценностного консенсуса и ценностной дифференциации населения России является одной из центральных, как в дискуссиях политологов о целях и идеях, вокруг которых могли бы объединиться россияне, так и среди социологов, которые в своих объяснениях часто апеллируют к атомизации и разобщенности российского общества. В этих обсуждениях обычно отсутствует фактическая информация и приводятся лишь косвенные аргументы. Так, в качестве фактора ценностной дифференциации часто ссылаются на очень большую территорию страны, а в качестве аргумента в пользу консенсуса — на сравнительно низкие значения показателей этнической, языковой и религиозной разнородности российского населения².

История вопроса. Большинство сторонников структурного функционализма рассматривали консенсус относительно базовых ценностей и норм как безусловное благо для существования общества. Толкотт Парсонс поставил ценности и нормы в центр дискуссии о консенсусе и утверждал, что именно ценностно-нормативный консенсус в обществе обеспечивает социальный порядок³. По его мнению, максимальное распространение не находящихся в конфликтных отношениях, потенциально примиряемых базовых ценностей и норм, а в идеале — их институционализация, может обеспечить согласие в обществе, его стабильное и четкое функционирование. Акценту Парсонса на стабильность его критики противопоставля-

ли идею динамики и развития — с их точки зрения для развития общества необходимо именно столкновение различных ценностей и интересов. Сам Парсонс тоже рассматривал дифференциацию ценностей и норм как основную тенденцию социально-эволюционного процесса, но обязательно при условии поддержания основ социального порядка, строящегося на консенсусе базовых ценностей.

Термином *ценностный консенсус* обозначаются различные феномены. Один из них выражается в согласии индивидов внутри сообщества *с неким утверждением* (Парсонс, Шилз и другие структурные функционалисты), и в этом случае речь идет о степени сходства в данном сообществе мнений или оценок без учета того, осознают ли сами индивиды сходство или несовпадение своих мнений и оценок. Данная трактовка термина отличается от интеракционистской традиции (Дьюи, Мид), в рамках которой консенсус определяется в более рефлексивном ключе, предполагающем осознание людьми или группами своего согласия или разногласий, а часто и процесс их взаимодействия между собой, в ходе которого данное согласие формируется. В этом случае подчеркивается согласие индивидов *между собой*⁴. Этот второй, рефлексивно-коммуникативный аспект консенсуса, мы в данной статье не рассматриваем (он активно разрабатывается в исследованиях социальной идентичности) и ограничиваемся трактовкой консенсуса как степени сходства разделяемых людьми ценностей. Антонимом такого понимания консенсуса является *ценностная дифференциация*, или *разнородность*.

В большинстве эмпирических исследований ценностный консенсус измеряется величиной *различий* между ценностями индивидов или социальных групп, входящих в то или иное сообщество. Высокие значения этой величины указывают на меньший, а низкие — на больший *ценностный консенсус*.

⁴ Scheff T.J. Toward a Sociological Model of Consensus // American Sociological Review. Vol. 32, № 1, Feb. 1967. P. 32–46.

¹ Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2009 году. Авторы признательны Ш. Шварцу (S. H. Schwartz) и Д.Г. Подвойскому за ценные замечания и предложения по содержанию статьи.

² Показатели фракционализации основаны на соотношении численности различных этнических, религиозных или лингвистических групп внутри страны. См.: Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S. and Wacziarg R. Fractionalization // Journal of Economic Growth. 2003. Volume 8, № 2. P. 155–194.

³ Parsons T. The Social System. Glencoe: Free Press, 1951. P. 12, 36–37.

В случае, когда оценивают различие/сходство ценностей *между социальными группами*, исследователи вычисляют разброс *групповых средних* внутри какого-то большого сообщества. Такой подход к оценке дифференциации/консенсуса базируется на допущениях о том, что общество структурировано определенным образом и что внутри выбранных для анализа групп индивиды не различаются по ценностям. Ценностный консенсус в этом случае тем выше, чем меньше разница («ценностная дистанция») между средними значениями ценностей в рассматриваемых группах, а максимален он тогда, когда различия между этими средними вообще отсутствуют.

В рамках данного подхода На и Дукитт по оригинальной методике сравнивали четыре группы южнокорейских респондентов, выделенных по полу и возрасту. Консенсус (то есть отсутствие различий) между различными возрастными и гендерными группами был обнаружен только по ценностям Конформности и Благожелательности. Авторы также продемонстрировали, что гендерные различия по ценностям Открытости изменениям, Исключительности и Самостоятельности исчезают в более старших возрастных группах¹. Горяинов разработал метод классификации ценностей на основе их значимости². Воспользовавшись этим методом, Лапкин и Пантин сравнили значимость различных ценностей в профессиональных и социально-демографических группах (они использовали данные ФОМа, собранные в 1993-1996 гг.). Авторы пришли к выводу, что российское общество «является далеко не столь расколотым, как это иногда представляется» и что «основная линия размежевания... проходит между «элитообразующими» и «массовыми» группами», в заключение авторы даже предполагают, что именно в этом «кроется фундаментальная особенность России в сравнении с Западом»³. Урнов с соавторами, основываясь на данных Международной программы социальных опросов (ISSP 1996 и 2006 гг.), операционально определили ценностный консенсус как ценностную дистанцию между «белыми воротничками» и «рабочим классом», и с помощью

¹ Na E.-Y., Duckitt J. Value consensus and diversity between generations and genders // *Social Indicators Research*. 2003. Vol. 62, April. P. 411–435.

² Горяинов В.П. Групповая солидарность и ценностные ориентации // *Социологические исследования*. 1997. № 3. С. 60-67.

³ Лапкин В.В., Пантин В.И. Ценности постсоветского человека. // *Человек в переходном обществе. Социологические и социально-психологические исследования*. М.: ИМЭМО РАН, 1998. С. 3-33.

этого показателя обнаружили, что межклассовый консенсус в России существенно выше, чем в США, Германии и Латвии. Авторы также нашли частичное подтверждение гипотез о влиянии внутристрановой ценностной дифференциации на последующие ценностные изменения в стране⁴.

Другой подход к измерению консенсуса состоит в оценке различий/сходств ценностей *между индивидами*, принадлежащими к тому или иному сообществу, для чего используется показатель стандартного отклонения или другие показатели межиндивидуальной вариации.

Так, Ларсон и Саткер изучали ценности среди различных социально-профессиональных групп американцев и показали, что респонденты более низкого социально-профессионального уровня более однородны в своих ценностях, чем респонденты более высокого статуса. Авторы объясняют обнаруженные факты тем, что более образованные американцы чаще состоят в различных ассоциациях, больше читают и имеют больше разных друзей, и поэтому их ценности оказываются более диверсифицированы⁵.

Шварц и Саги на небольших выборках учителей из 42 стран показали, что ценностный консенсус, измеряемый с помощью стандартного отклонения, позитивно связан с уровнем экономического развития страны, но отрицательно – с уровнем демократизации. Речь идет о том, что экономическое развитие усиливает консенсус вокруг ценностей Открытости изменениям (Самостоятельности, Риска-Новизны и Гедонизма), Благожелательности и Власти-Богатства на всем множестве рассматриваемых стран, и только в группе экономически развитых стран экономическое развитие приводит к росту консенсуса по ценностям Сохранения (Безопасности, Конформности и Традиции). Что же касается уровня демократизации, то он уменьшает консенсус по всем ценностям, кроме тех, что относятся к категории Открытости изменениям⁶.

Ау и Чеунг для обозначения межиндивидуальной дифференциации трудовой автономии

⁴ Урнов М.Ю., Касамара В.А., Соболев А.С., Соболева И.В., Сорокина А.А. Ценностная неоднородность общества как фактор социальной динамики — построение эмпирической модели: препринт WP14/2011/01 [Текст] / Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. http://www.hse.ru/data/2011/04/28/1210637198/WP14_2011_01.pdf

⁵ Larson R.F., Suter S.S. Value Differences and Value Consensus by Socioeconomic Levels // *Social Forces*, Vol. 44, № 4 (Jun., 1966). P. 563–569.

⁶ Schwartz S.H., Sagie G. Value Consensus and Importance: A Cross-National Study // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2000. 31. P. 465.

использовали термин «внутрикультурная вариация» (антоним консенсуса) и, рассмотрев значения этого показателя в нескольких десятках стран мира, заключили, что вариация трудовой автономии негативно связана со среднестрановым уровнем удовлетворенности работой и жизнью в целом. Авторы подчеркивают качественное отличие между средней для страны значимостью трудовой автономии и степенью ее внутристрановой разнородности¹.

Джейкоб совместил в своей работе оба упомянутых подхода к измерению консенсуса. Он изучал ценности политических элит, фиксируя как межиндивидуальный, так и межгрупповой разброс ценностей внутри политических элит четырех стран мира². Автор приходит к выводу, что в целом, «силы дифференциации оказываются сильнее, чем социальная конформность», и что в различных странах консенсус среди политических лидеров возникает на основе разных ценностей.

Новый импульс изучению консенсусной проблематики придала недавняя работа Фишера и Шварца³. Используя три обширных базы международных исследований ценностей и несколько мер ценностной неоднородности, авторы провели систематическое сравнение внутристрановой и межстрановой ценностной дифференциации. Основным результатом состоит в том, что *межиндивидуальная* ценностная дифференциация *внутри* стран значительно выше *межстранового* разброса между средними значениями ценностей, что лишним раз подчеркивает важность изучения внутристранового ценностного консенсуса.

Задачи и гипотезы. Российский ценностный консенсус изучался, в основном, путем сопоставления ценностей разных социальных групп. Межиндивидуальный консенсус изучался только в упоминавшейся выше работе Шварца и Саги в рамках предпринятого ими исследования учителей из 42 стран мира. Этих авторов интересовали связи консенсуса с уровнями экономического развития и демократизации страны, и в их задачи не входило сравнение России и других стран друг с другом. Примечательно,

что в объяснениях, предложенных Шварцем и Саги, «направление причинных связей, которое предполагается в качестве основного, идет от социальной структуры к значимости той или иной ценности..., и далее — от значимости к консенсусу»⁴. Заметим, что этот тип рассуждений отличается от наиболее распространенного взгляда на консенсус как *независимую* переменную, влияющую на социальные процессы и структуры.

Настоящая работа посвящена решению двух задач. *Описательная задача* состоит в том, чтобы оценить степень межиндивидуального и межгруппового ценностного консенсуса в России и сравнить его с аналогичными показателями других европейских стран. *Объяснительная задача* заключается в том, чтобы проследить зависимость межиндивидуального консенсуса от макросоциальных обстоятельств, которые выражаются в консенсусе/дифференциации ценностей *между социальными группами*, образованными по классовому и возрастному признаку. (Заметим, что в большинстве предшествующих исследований межиндивидуальный и межгрупповой консенсус чаще всего изучались независимо друг от друга, мы же планируем эти два подхода объединить).

При выдвижении гипотез мы исходим из предположения о том, что основная причина различий по ценностному консенсусу между европейскими странами — это масштаб пережитых ими в последние десятилетия социальных изменений. В странах, подвергшихся масштабным социальным изменениям, появились категории людей, чьи базовые ценности отвечают новым социальным условиям, но сохранились также и те социальные группы, чьи ценности сформировались в прежних социальных условиях. Речь, прежде всего, идет о крушении социалистического устройства общества в странах бывшего соцлагеря — именно в этих странах можно ожидать наименьшего консенсуса и наибольшей ценностной дифференциации.

На основе этого предположения можно сформулировать первую гипотезу: *ценностный консенсус населения постсоциалистических стран (и России, в частности) ниже, чем в других европейских странах.*

Среди факторов внутристрановой ценностной дифференциации исследователи чаще всего указывают на социально-стратификационные (классовые) и возрастные различия. На важ-

¹ Au K., Cheung M. Intra-cultural Variation and Job Autonomy in 42 Countries // Organization Studies. 2004. 25(8). P. 1339–1362.

² Jacob P. E. The Limits of Value Consensus: Implications for Integration in Four Countries // International Studies Quarterly, 1971. Vol. 15, № 2 (June). P. 203–220.

³ Fischer R., Schwartz S. Whence Differences in Value Priorities? Individual, Cultural, or Artifactual Sources // Journal of Cross-Cultural Psychology. October 2011. Vol. 42, № 7. P. 1127–1144.

⁴ Schwartz S.H., Sagie G. Value Consensus and Importance... P. 491.

ность социально-стратификационного фактора в ценностной дифференциации населения указывают политологи, в частности, Ларсон и Саткер, Лапкин и Пантин, Урнов и др. По их мнению, именно классовое размежевание наиболее существенно для дифференциации ценностей. В то же время, по данным Шварца, возрастные ценностные различия базовых ценностей являются одними из наиболее ярких в сравнении с другими характеристиками¹.

Мы предполагаем, что *ценностный консенсус между индивидами внутри страны в большей степени объясняется возрастными, нежели классовыми (социально-стратификационными) размежеваниями по ценностям* — это наша вторая гипотеза.

Формулируя эту гипотезу, мы исходим из того, что социальные изменения сказываются, в первую очередь, на межпоколенных различиях в ценностях. Базовые ценности, усвоенные индивидом на ранних этапах социализации, устойчивы к дальнейшим социальным изменениям, и поэтому ценности разных поколений оказываются своеобразным слепком с социальных эпох, в которые происходила основная социализация их носителей².

Третья гипотеза основана на полученных ранее выводах о том, что возрастные различия связаны, прежде всего, с различиями в значимости ценностей *Открытости изменениям — Сохранения*³. Это дает основания предполагать,

¹ Schwartz S. H. Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations / In Roger Jowell, Caroline Roberts, Rory Fitzgerald & Gillian Eva, Eds. // *Measuring attitudes cross-nationally: Lessons from the European Social Survey*. London: Sage. 2007. P. 169–203.

² Inglehart R. 1) *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles*. Princeton: Princeton University Press, 1977; *Modernization and postmodernization. Cultural, economic and political change in 43 societies*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1997; Alwin D. Cohort replacement and changes in parental socialization values // *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 52 (May 1990). P. 347–360; Alwin D.F., Krosnick J.A. Aging, cohorts and the stability of sociopolitical orientations over the life span // *Amer. J. of Sociology*. 1991. V. 97. № 1 (July). P. 169–95; Alwin D., Scott J. Attitude change: its measurement and interpretation using longitudinal surveys // В. Taylor, K.Thomson (eds.) *Understanding change in social attitudes*. Dartmouth: Aldershot et al., 1996; Giuliano P., Spilimbergo A. Growing up in a recession: Beliefs and the macroeconomy. Working paper 15321. National Bureau of Economic Research. Cambridge, MA., 2009; Дубин Б.В. О поколенческом механизме социальных сдвигов // *Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития*. II / Под общей ред. Т.И.Заславской. М., 1995. С. 237–247; Гордон Л.А. Времена и сроки демократических перемен: тяжкая медлительность исторического движения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1999. № 5. С.17–23.

³ Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // *Вестник общественного мнения*. 2008. № 1. С. 33–58.

что в тех странах, где социальные трансформации были велики, а значит, велики и межпоколенные различия, ценностная дифференциация населения будет проходить преимущественно по оси *Открытости — Сохранения*. Применительно к России, которая была ядром социалистической системы, различия между «новым» и «старым» порядком являются максимальными, и, соответственно, можно ожидать, что и дифференциация населения по ценностям *Открытости — Сохранения* окажется в России наибольшей, а ценностный консенсус — наименьшим. Итак, можно сформулировать гипотезу, состоящую в том, что *внутристрановая ценностная дифференциация в России и других постсоциалистических странах проходит преимущественно по ценностям Открытости изменениям — Сохранения*.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА И ПОКАЗАТЕЛИ

Для изучения ценностной дифференциации были использованы массивы ЕСИ — Европейского социального исследования (European Social Survey)⁴ и ВЦО — Всемирного ценностного опроса (World Values Survey)⁵, в которые входят ценностные блоки, разработанные на основе теории Ш. Шварца⁶. Выборка ЕСИ включает 33 страны, в 28 из них данные были собраны в 2008 г., в Австрии и Ирландии — в 2006 г., в Исландии, Италии и Люксембурге — в 2004 г. Общий объем выборки составляет 61359 респондентов, в том числе в России 2505 респондентов. Данные ВЦО были собраны в 2005–2007 гг. в 51 стране, общая выборка составляет 70915, в том числе в России 1919 респондентов⁷.

В ЕСИ была включена более обширная, чем в ВЦО, методика, надежнее измеряющая ценности, поэтому этот массив данных стал основным для нашего исследования. В ЕСИ используется версия Портретного опросника Шварца, состоящая из 21 ценностного портрета. Каждый

⁴ ЕСИ в России проводилось Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), национальный координатор — канд. полит. н. А.В. Андреевкова. См. сайт ЕСИ: <http://EuropeanSocialSurvey.org>, российский сайт ЕСИ — <http://ess-ru.ru>.

⁵ ВЦО-2006 в России проводилось компанией «ГФК-Русь», <http://WorldValuesSurvey.org>

⁶ Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology* / Ed. by M. Zanna. — New York: Academic Press, 1992. — Vol. 25. P. 1–65.

⁷ Далее для простоты мы будем называть эти опросы ЕСИ-2008 и ВЦО-2006, поскольку большая часть данных была собрана, соответственно, в 2008 и 2006 гг.

из портретов респонденту предлагается оценить по степени сходства с собой¹.

На основе Портретного опросника в массиве ЕСИ можно вычислить 10 ценностных индексов, заложенных туда Шварцем. Однако недавнее методологическое исследование показало, что наиболее надежно данная методика диагностирует лишь 7 ценностных индексов, полученных частичным укрупнением изначальных десяти². Вот эти ценности: Безопасность, Конформность-Традиция, Самостоятельность, Риск-Новизна, Гедонизм, Забота о людях и природе, Самоутверждение³.

Кроме того, Шварцем были предложены две ценностные оси, которые строятся на основе 7 (или в исходном варианте 10) ценностных индексов⁴. Первая ось называется *Открытость изменениям – Сохранение*, она противопоставляет ценности Самостоятельности, Риска-Новизны и Гедонизма ценностям Безопасности и Конформности-Традиции; вторая ось называется *Забота о людях и природе – Самоутверждение* и противопоставляет одноименные индексы. Мы используем несколько измененный вариант этих осей, поскольку получаем их не простым сложением ценностных индексов, а с помощью факторного анализа 21 исходной оценки, который дает три устойчивых фактора.

¹ Респондентам предлагалось 21 описание людей, характеризующихся теми или иными ценностями, и каждый из этих портретов респондент должен был оценить по шестибальной шкале: «очень похож на меня» (6 баллов), «похож на меня» (5 баллов), «довольно похож на меня» (4 балла), «немного похож на меня» (3 балла), «не похож на меня» (2 балла), «совсем не похож на меня» (1 балл). В статье большая значимость ценности обозначается и более высоким баллом (в анкете ЕСИ и в исходном массиве данных ЕСИ нумерация пунктов этой шкалы иная). Например, ценностный индекс «Безопасность» строился на основе оценок респондентом двух ценностных портретов: «Для него важно жить в безопасном окружении. Он избегает всего, что может угрожать его безопасности» и «Для него важно, чтобы государство обеспечивало его безопасность во всех отношениях. Он хочет, чтобы государство было сильным и могло защитить своих граждан». Полный список предложенных респондентам ценностных портретов и построенных на их основе ценностных показателей см. в: *Магун В., Руднев М.* 1) Жизненные ценности российского населения; 2) Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года) // Вопросы экономики, 2010. №12.

² *Davidov E., Schmidt P., Schwartz S. H.* Bringing Values Back In: The adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries // *Public Opinion Quarterly*. 2008. Vol. 72, № 3. P. 420–445.

³ Семь ценностных индексов перед использованием подвергались рекомендованной Шварцем процедуре центрирования. См. ее описание в: *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности российского населения.

⁴ *Schwartz S. H.* Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. // *Advances in experimental social psychology*. / Ed. by M. Zanna. — New York: Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65.

Первый из них отражает общий стиль ответов респондента и для аналитических целей не используется, а второй и третий — воспроизводят две ценностные оси, выделенные Шварцем⁵.

Для дополнительного содержательного анализа мы также будем использовать и исходные ответы респондентов на анкетные вопросы, на основе которых формировались описанные выше ценностные индексы.

Таким образом, мы будем оперировать, в основном, двумя наборами ценностных показателей различного уровня обобщения, измеренными в ЕСИ: 7 ценностными индексами и индивидуальными значениями по двум интегральным факторным осям.

В дополнение к ЕСИ, используются также данные Всемирного ценностного опроса, в анкету которого в 2005–2007 гг. была включена сокращенная версия Портретного опросника Шварца. Поскольку в анкете ВЦО было всего 10 вопросов вместо 21, то для анализа этих данных мы будем использовать только наиболее обобщенные показатели — две ценностные оси, полученные с помощью факторного анализа. Из-за отличий в наборе исходных показателей структура факторов ВЦО не полностью совпадает с той, что получена по результатам ЕСИ, однако общий смысл факторов остается тем же⁶.

Мера ценностной дифференциации/консенсуса. В качестве меры ценностной дифференциации/консенсуса среди жителей данной страны мы, вслед за авторами ряда предшествующих исследований (Шварц, Саги, Ау, Джейкоб и др.), будем использовать стандартное отклонение от средней по стране: чем больше стандартное отклонение — тем выше внутристрановая ценностная дифференциация и,

⁵ Факторная структура ценностных осей сложнее, чем структура арифметических осей, она включает также некоторые дополнительные, менее значимые нагрузки, подробнее см.: *Магун В., Руднев М.* Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами: Препринт WP6/2010/03; Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2010. С. 44. http://www.hse.ru/data/2010/11/09/1223233543/WP6_2010_03-fff.pdf Преимущество факторных осей перед арифметическими в том, что они ортогональны, т. е. не связаны между собой, а значит, отражают принципиально различающиеся ценностные области. Поскольку ценностные оси не являются простой суммой (или разностью) тех компонентов, по именам которых они названы, то и «ведут» они себя иногда не так, как эти компоненты.

⁶ Алгоритмы построения факторных индексов в ВЦО и матрицу нагрузок можно получить по запросу у авторов (из-за меньшей надежности, связанной с меньшим количеством анкетных вопросов, мы используем их лишь для проверки результатов ЕСИ).

соответственно, ниже консенсус¹. При описании результатов мы будем также чаще использовать термин «дифференциация», напрямую соответствующий величине стандартного отклонения.

Для определения различий в степени дифференциации существует ряд статистических критериев, таких как F-тест на различия стандартных отклонений, или тесты Бартлетта и Ливиня на равенство дисперсий. Мы остановились на критерии Ливиня, проверяющем равенство дисперсий, поскольку он, в отличие от F-теста и теста Бартлетта, более устойчив при сравнении выборок, в которых распределения рассматриваемого признака отличаются от нормального². Тест Ливиня может быть применен и к проверке равенства стандартных отклонений, поскольку эти две меры вариации (дисперсия и стандартное отклонение) тесно связаны между собой.

Ценностная дифференциация и значимость (иногда говорят «субъективная значимость», или «субъективная важность») ценностей являются содержательно различными понятиями. На рисунке 1 представлены распределения индивидуальных значений респондентов по ценностной оси *Открытость изменениям – Сохранение* в России и Турции. Средние показатели субъективной значимости этих ценностей не дают статистически значимых различий, но степень дифференциации по этим ценностям в России (стандартное отклонение 1,15), как видно из рисунка, существенно выше, чем в Турции (стандартное отклонение 0,69), и это различие статистически значимо по критерию Ливиня. Содержательные различия между значимостью и дифференциацией допускают наличие взаимосвязи: этот факт специально подчеркнули Шварц и Саги³, отметив, что в международном массиве учителей корреляция между уровнем значимости и степенью дифференциации варьируется по разным ценностям от $-0,30$ до $+0,58$. Ниже мы остановимся на этих связях подробнее.

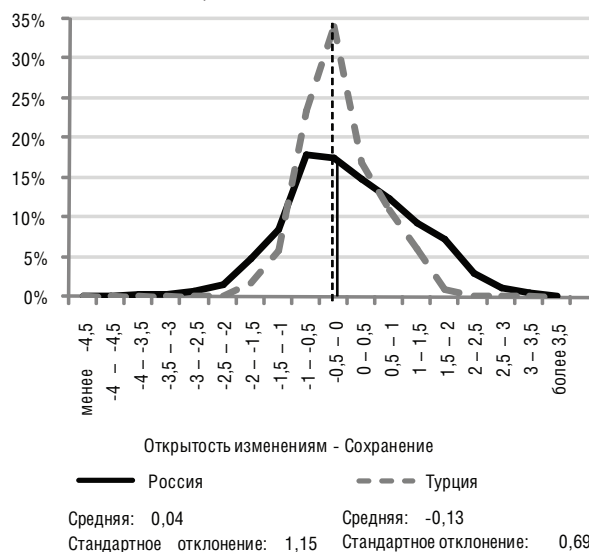
Чтобы определить факторы, отвечающие за ценностную дифференциацию населения по определенным группам внутри страны, будем использовать F-статистику. Она демонстриру-

¹ Одна из причин выбора стандартного отклонения для описания ценностной дифференциации состоит в том, что оно выражается в единицах исходной шкалы, а не в квадратах значений исходной шкалы, как дисперсия. Важно также, что стандартное отклонение не зависит от числа людей в выборке.

² Brown M.B., Forsythe A.B. Robust tests for the equality of variances // Journal of the American Statistical Association. 1974. No. 69. P. 364–367.

³ Schwartz S.H., Sagie G. Value Consensus and Importance... P.483.

Рисунок 1
РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
РЕСПОНДЕНТОВ ПО ЦЕННОСТНОЙ ОСИ «ОТКРЫТОСТЬ
ИЗМЕНЕНИЯМ – СОХРАНЕНИЕ» В РОССИИ И ТУРЦИИ (по
данным ЕСИ-2008).

ет отношение межгрупповой дисперсии к внутригрупповой, то есть показывает во сколько раз различия между группами больше различий между индивидами в соответствующих группах. Так, F-статистика для возраста как фактора дифференциации будет показывать, во сколько раз ценностные различия между возрастными группами превышают различия между людьми примерно одного возраста, то есть людьми, находящимися внутри возрастных групп. Соответственно, F-статистика для классовых групп будет означать отношение ценностной вариации, объясняемой межклассовыми различиями, к вариации ценностей внутри классовых групп.

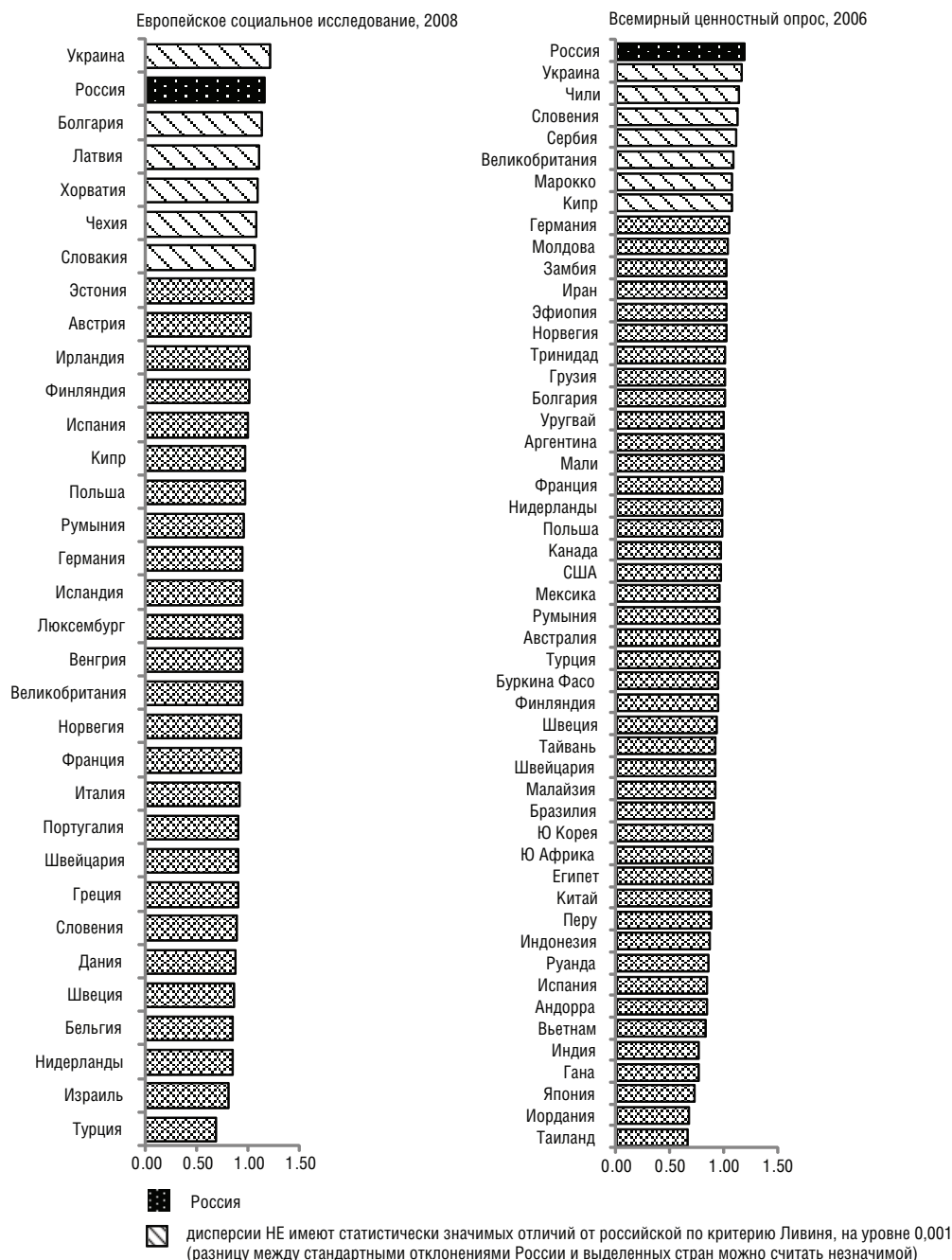
РЕЗУЛЬТАТЫ

Ценностная дифференциация в России в сравнении с другими странами. Рассмотрим показатели ценностной дифференциации в России и других странах, основываясь сначала на наиболее интегральных показателях – ценностных осях *Открытость изменениям – Сохранение* и *Забота о людях и природе – Самоутверждение*, а затем на 7 ценностных индексах.

На рисунке 2 представлены стандартные отклонения индивидуальных значений по ценностной оси *Открытость изменениям – Сохранение* от средних по странам, полученные на массиве данных ЕСИ и ВЦО. По данным ЕСИ Россия не имеет статистически значимых отличий от шести постсоциалистических стран – Украины, Болгарии, Латвии, Хорватии, Чехии и Словакии и значимо опережает население

Рисунок 2

СТАНДАРТНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПО ЦЕННОСТНОЙ ОСИ «ОТКРЫТОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯМ – СОХРАНЕНИЕ» В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ (по данным ЕСИ-2008 и ВЦО-2006)

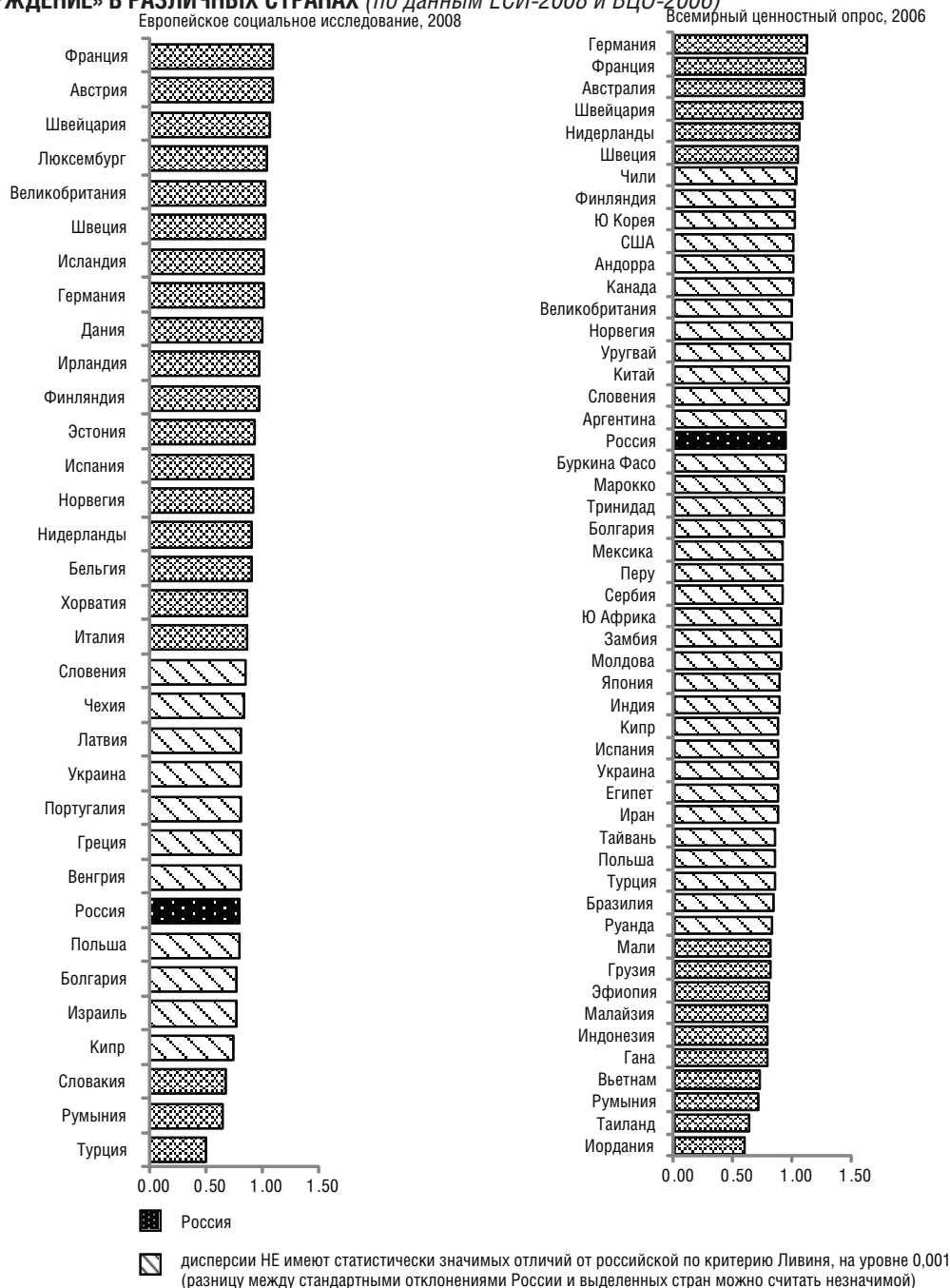
25 европейских стран¹. По данным ВЦО Россия не отличается по ценностной разнородности от Украины, Чили, Словении, Сербии, Велико-

британии, Марокко и Кипра и статистически значимо опережает население 43 стран, участвовавших в исследовании. Таким образом, как по результатам Европейского социального исследования, так и по результатам Всемирного ценностного опроса, Россия занимает одно из первых мест по степени дифференциации населения по ценностям *Открытости изменениям – Сохранения* и близка по этому показателю к нескольким другим странам (большинство из которых – постсоциалистические).

¹ Стоит отметить, что по данным предыдущего, 3-го раунда ЕСИ, проведенного в 2006 г., Россия тоже занимала ведущее место по дифференциации населения по индивидуальным значениям ценностной оси Открытость изменениям – Сохранение (Руднев М., Магун В. Ценностный консенсус населения России в сравнении с населением других европейских стран / Доклад на XI Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. URL: http://www.hse.ru/data/2010/04/02/1218246894/Rudnev_Magun_res_na_site.doc (ссылка верна на 28.02.2011)).

Рисунок 3

СТАНДАРТНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПО ЦЕННОСТНОЙ ОСИ «ЗАБОТА О ЛЮДЯХ И ПРИРОДЕ - САМОУТВЕРЖДЕНИЕ» В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ (по данным ЕСИ-2008 и ВЦО-2006)

По величине внутристрановой дифференциации индивидуальных значений по ценностной оси *Забота о людях и природе – Самоутверждение* россияне схожи с большим числом стран, чем в случае *Открытости изменениям – Сохранения* (рис. 3). В контексте стран, включенных в ЕСИ, Россия сдвинута в сторону относительно низкой дифференциации по ценностям *Заботы о людях и природе – Самоутверждения* – в массиве ЕСИ существует лишь 3 страны, население которых менее дифференцировано. Россияне

же по этим ценностям менее дифференцированы, чем население 17 других европейских стран (преимущественно Западной и Северной Европы) и не отличаются по степени дифференциации от ряда постсоциалистических (Словения, Чехия, Латвия, Украина, Венгрия, Польша, Болгария) и средиземноморских (Португалия, Греция, Израиль, Кипр) стран¹. Среди стран-участниц Всемирного ценностного опроса Рос-

¹ По данным третьего раунда ЕСИ, Россия занимала практически то же самое место. См. там же.

сию опережают по степени дифференциации 6 стран, а сама она опережает 10 стран. Таким образом, по результатам ВЦО, Россия находится примерно в середине диапазона, не имея статистически значимых отличий по степени ценностной дифференциации от 34 из 50 стран. Это различие между результатами, полученными на двух массивах данных, объясняется тем, что в ВЦО диапазон стран значительно шире, и если сузить круг стран ВЦО до европейских, то Россия снова окажется среди стран с более низкой дифференциацией по данной ценностной оси.

Если сравнить между собой показатели ценностной дифференциации *одних и тех же* стран по обеим ценностным осям, то можно заметить, что *все* постсоциалистические и средиземноморские страны Европы (среди включенных в ЕСИ) характеризуются большей дифференциацией по ценностям *Открытости изменениям – Сохранения*, чем по ценностям *Заботы – Самоутверждения*, а почти все страны Западной и Северной Европы, за исключением Норвегии, Финляндии и Ирландии характеризуются большей дифференциацией по ценностям *Заботы – Самоутверждения*, чем по ценностям *Открытости изменениям – Сохранения* (рис. 4).

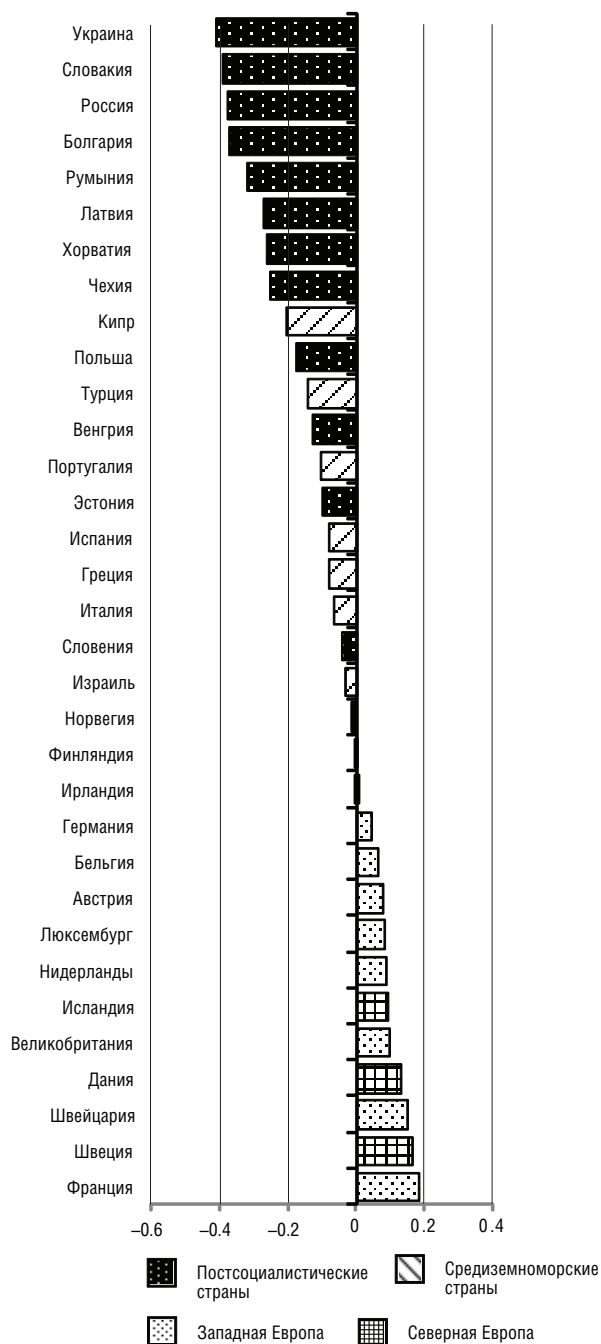
В таблице 1 приведены значения стандартных отклонений по семи ценностным индексам и двум ценностным осям по европейским странам в целом и отдельно по России, а также результаты сравнения российских показателей с показателями ценностной дифференциации в других европейских странах.

В первой колонке представлены средние показатели внутристрановой ценностной дифференциации по 33 европейским странам. Как видим, наибольшая дифференциация фиксируется по ценностям Риска-Новизны и Гедонизма, наименьшая – по ценностям Заботы о людях и природе.

В последующих колонках представлены данные о дифференциации ценностей в России и их сравнение с аналогичными показателями по другим европейским странам. Из таблицы видно, что по степени дифференциации всех ценностей, являющихся компонентами *Открытости изменениям – Сохранения*, российское население опережает население других европейских стран. Сильнее всего *относительно других европейских стран* население России дифференцировано по значимости ценностей Риска-Новизны (на 2 месте в ряду европейских стран, не отличается от 7 и опережает 25 стран), Гедонизма (на 3 месте в Европе, не отличается от 3 и опережает 29 стран) и Конформности-

Традиции (на 5 месте, не отличается от 20, опережает 12 стран). По Безопасности и Самостоятельности Россия также занимает верхние места в европейском диапазоне – ее стандартное отклонение в большинстве случаев *превосходит* аналогичный показатель других европей-

Рисунок 4
РАЗНИЦА МЕЖДУ ВНУТРИСТРАНОВЫМИ СТАНДАРТНЫМИ ОТКЛОНЕНИЯМИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПО ЦЕННОСТНЫМ ОСЯМ «ОТКРЫТОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯМ – СОХРАНЕНИЕ» И «ЗАБОТА О ЛЮДЯХ И ПРИРОДЕ – САМОУТВЕРЖДЕНИЕ В РОССИИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ» (по данным Европейского социального исследования – 2008)

ских стран¹. Таким образом, при рассмотрении отдельных ценностных индексов мы приходим к тому же выводу о России как о лидере внутристрановой дифференциации по ценностям Открытости изменениям и Сохранения, к которому мы пришли ранее при анализе разброса индивидуальных значений по соответствующей ценностной *оси* (см. рис. 2).

Сложнее обстоит дело с дифференциацией российского населения по ценностям Заботы о людях и природе и Самоутверждения. Хотя эти два ценностных индекса являются полярными компонентами одной и той же ценностной оси, степень дифференциации российского населения по ним резко различается. По внутристрановой дифференциации значений Заботы о людях и природе, как и по большинству других ценностных индексов, Россия тяготеет к более высокому уровню дифференциации (по величине стандартного отклонения она отстает лишь от 1 и опережает 12 стран)². В отношении же ценностей Самоутверждения россияне демонстрируют наименьшую относительно других стран дифференциацию (или наибольший консенсус) – это единственный индекс, по которому Россия находится в нижней части европейского диапазона (не отличаясь по степени дифференциации от 15 стран, опережая лишь 4 страны и отставая от 13 стран)³. Поскольку по индивидуальным значениям респондентов на оси *Забота – Самоутверждение* Россия харак-

теризуется сравнительно *низкой дифференциацией* (см. левую часть рис. 3 и нижнюю строчку в табл. 1), то это значит, что тенденция к низкой дифференциации по Самоутверждению оказывается более выраженной, нежели тенденция к более высокой дифференциации по Заботе о людях и природе⁴.

Возраст и социальный класс как факторы внутристрановой ценностной дифференциации. Для проверки гипотезы, касающейся дифференцирующей силы возрастной и классовой принадлежности респондентов, выделим в населении каждой страны возрастные и классовые группы и оценим межгрупповую ценностную дифференциацию с помощью F-статистики. По возрасту все респонденты были разбиты на 6 групп: 15-23 года, 24-29 лет, 30-39 лет, 40-49 лет, 50-61 год и 62 года и старше⁵. Классовые группы были выделены на основе широко признанной международной классификации, разработанной Р.Эриксоном, Д. Голдторпом и Л. Портокаро – EGP, которая разделяет население на 11 социально-профессиональных групп от топ-менеджеров до сельхозрабочих⁶. В таблице 2 представлены F-статистики для России, характеризующие влияние социально-классовой принадлежности и возрастных различий на семь ценностных индексов и две ценностные оси. Здесь же указаны сводные результаты по F-статистикам, рассчитанным для 33 европейских стран, а также ранги российских F-статистик среди аналогичных показателей для всех европейских стран.

Как видно из таблицы, в России F-статистики, оценивающие влияние принадлежности к возрастным группам, статистически значимы и многократно превышают F-статистики для социально-классовых групп по всем ценностным индексам, за исключением ценностной оси

¹ Стоит отметить, что те же самые ценности являются и общеевропейскими лидерами по дифференциации, однако тут мы фиксируем относительную позицию России, никак не связанную с абсолютными общеевропейскими показателями.

² Особенно высок внутрироссийский разброс значений таких исходных показателей, составляющих этот индекс, как ценность «понимания людей с иной точкой зрения», «помощи окружающим» и «верной дружбы».

³ Если обратиться к исходным показателям, образующим ценностный индекс *Самоутверждение*, то обнаружим, что в России высока степень согласия между людьми относительно большой важности успеха, уважения со стороны окружающих и выполнения ими воли респондента. Но, что примечательно, подобного консенсуса не наблюдается в отношении ценности «богатства». Последнее, в сочетании с тем фактом, что по значимости «богатства» Россия опережает практически все европейские страны, оказывается возможным, поскольку в стране существует, как значительное количество людей крайне высоко ценящих богатство, так и достаточно заметная доля людей, не придающих богатству столь высокой значимости. В распределении россиян по значимости «богатства», в отличие от большинства европейских стран, существует длинный «хвост» низко ценящих «богатство» респондентов. Так, например, на участке шкалы, соответствующем относительно низкой значимости «богатства» (нижняя треть российского диапазона значений) находится всего 7% выборки, а на участке с наиболее высокой значимостью – 32%, в то время как, например, в Германии и на нижнюю, и на верхнюю трети германского диапазона приходится по 17% респондентов.

⁴ Результаты сравнения дифференциации по ценностным индексам не всегда совпадают с результатами сравнения по ценностям осям, поскольку, напомним, ценностные оси не являются простым продуктом сложения отдельных индексов, а имеют более сложную структуру, полученную с помощью факторного анализа.

⁵ Такое разделение на возрастные группы наиболее эффективно отражает возрастные различия и является результатом специально принятого кластерного анализа, в котором единицами были средние по каждому году ценностные индексы.

⁶ Теоретическое и эмпирическое обоснование и более подробное описание ранней версии этой классовой схемы см.: Erikson R., Goldthorpe J., Portocarero L. Intergenerational Class Mobility in Three Western European Societies: England, France and Sweden // The British Journal of Sociology. Vol. 30, № 4. 1979. P. 415–441. О классификации по этой схеме респондентов в Европейском социальном исследовании см.: Leifeld H., Bison I., Jensberg H. Social Class in Europe. European Social Survey 2002/2003. NTNU Social Research Ltd., 2002. http://ess.nsd.uib.no/ess/doc/ess1_social_class.pdf

Таблица 1

СТАНДАРТНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ 7 ЦЕННОСТНЫХ ИНДЕКСОВ И 2 ЦЕННОСТНЫХ ОСЕЙ В РОССИИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ (по данным Европейского социального исследования, 2008г.)*

Ценностные показатели	Средняя величина стандартного отклонения по 33 европейским странам	Величина стандартного отклонения в России	Ранг величины стандартного отклонения в России среди 33 стран	Число европейских стран, в которых стандартное отклонение...		
				ниже, чем в России**	не отличается от российского	выше чем в России
Безопасность	0,81	0,84	11	14	14	4
Конформность-Традиция	0,74	0,81	5	12	20	0
Самостоятельность	0,76	0,79	8	11	17	4
Риск-Новизна	1,00	1,10	2	25	7	0
Гедонизм	0,95	1,13	3	29	3	0
Забота о людях и природе	0,51	0,54	9	12	19	1
Самоутверждение	0,68	0,67	20,5	4	15	13
Ось Открытость изменениям – Сохранение	0,96	1,16	2	26	6	0
Ось Забота о людях и природе – Самоутверждение	0,88	0,78	26,5	3	11	18

* Исходные шкалы ценностных индексов и ценностных осей неодинаковы, поэтому величины стандартных отклонений можно сравнивать только внутри каждой из этих двух групп переменных.

** Статистическая значимость различий между стандартным отклонением в России и в других странах проверялась с помощью критерия Ливиня, $p < 0,001$.

Забота – Самоутверждение. F-статистики же, оценивающие влияние социально-классовой принадлежности, невелики, а для ценностей Риска-Новизны, Гедонизма и Заботы – вообще статистически незначимы.

Межвозрастные ценностные различия в России сильнее, чем в большинстве других европейских стран: ранг соответствующих российских F-статистик в ряду европейских стран не превышает 6 (за исключением значения F-статистики для оси *Забота – Самоутверждение*). Межклассовые же различия в России относительно сильно (в сравнении с другими европейскими странами) влияют на дифференциацию лишь по ценностям Самоутверждения и Самостоятельности. По остальным ценностям F-статистики классовой дифференциации российского населения находятся в середине или в нижней части европейского диапазона. Таким образом, величина возрастных (и стоящих за ними межпоколенных) ценностных различий значительно сильнее выделяет Россию среди других стран, чем величина межклассовых ценностных различий¹.

¹ Недавно опубликованная работа, рассматривающая политические ценности, также демонстрирует значительно более низкий уровень их классовой дифференциации в России по сравнению с тремя другими странами, см.: Хавенсон Т.Е., Миголь Е.В. Социально-профессиональный статус и политические ценности. Сравнительный

F-статистики для ценностной оси *Забота о людях и природе – Самоутверждение* в России занимают одно из последних мест и являются незначимыми как при использовании классовой схемы, так и при использовании возрастных групп. Другими словами, дифференциация значений по этой оси в России не связана ни с межвозрастными, ни с классовыми различиями, и, возможно, определяется другими факторами.

Похожая картина наблюдается и по другим европейским странам, являющимся объектом нашего анализа. Как видно из той же таблицы, средние F-статистики, оценивающие влияние возрастных различий, по всем ценностным показателям выше (а по большинству из них – многократно выше), чем соответствующие F-статистики, оценивающие влияние классовых различий. Кроме того, «возрастные» F-статистики для подавляющего большинства ценностных показателей статистически значимы во всех рассматриваемых странах, а «классовые» – в гораздо меньшем числе стран.

Анализ F-статистик позволил оценить влияние двух факторов – возраста и социально-классовой принадлежности – на ценностную дифференциацию. Однако оба эти фактора

анализ: Россия, Германия и США: препринт WP14/2011/02; Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

Таблица 2

ЦЕННОСТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МЕЖДУ КЛАССОВЫМИ И ВОЗРАСТНЫМИ ГРУППАМИ В РОССИИ И 33 ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ, ОЦЕНЕННАЯ С ПОМОЩЬЮ F-СТАТИСТИК

Ценностные показатели	Значения F-статистик в России, когда фактором дифференциации выступают:		Ранги российских F-статистик относительно других европейских стран, когда фактором дифференциации выступают:		Средние значения F-статистик в 33 европейских странах (включая Россию), когда фактором дифференциации выступают:		Число стран, в которых F-статистики статистически значимы (при $p < 0.05$), когда фактором дифференциации выступают:	
	Социально-классовые группы, EGP	Возрастные группы	Социально-классовые группы, EGP	Возрастные группы	Социально-классовые группы, EGP	Возрастные группы	Социально-классовые группы, EGP	Возрастные группы
Безопасность	4,8*	47,4*	15	3	4.9	26.9	22	33
Конформность-Традиция	9,1*	126,3*	9	2	8.1	75.0	30	33
Самостоятельность	8,9*	18,4*	6	5	6.6	9.6	25	24
Риск-Новизна	2,9	78,1*	20	6	3.5	57.6	10	33
Гедонизм	1,9	91,3*	23	3	3.3	47.4	6	33
Забота о людях и природе	3,0	68,5*	17	1	3.3	23.2	9	33
Самоутверждение	7,0*	69,7*	4	1	3.9	27.0	16	32
Ось «Открытость изменениям – Сохранение»	5,7*	163,1*	14	3	5.9	92.2	24	33
Ось «Забота о людях и природе – Самоутверждение»	1,6	1,5	29	29	3,9	5,5	17	16

* F-статистика значимо отличается от нуля на уровне $p < 0,05$.

могут оказаться взаимозависимыми, поскольку классовая структура может быть связана с возрастной. Чтобы определить изолированное («чистое») влияние каждого из факторов, мы предприняли множественный регрессионный анализ, куда в качестве независимых переменных включили обе вычисленные для каждой страны F-статистики.

Регрессионный анализ осуществлялся на страновом уровне, всего в нем участвовало 33 европейских страны. Зависимыми переменными, отражающими величину внутри-страновой индивидуальной ценностной дифференциации, были стандартные отклонения от страновой средней. В качестве независимых переменных выступали оценки социально-классовой и возрастной ценностной дифференциации, выраженные в описанных выше F-статистиках. В качестве контрольной переменной была включена средняя по стране величина субъективной значимости соответствующей ценности. С помощью этой регрессии можно определить степень влияния двух видов межгрупповой ценностной дифференциации на межиндивидуальную ценностную вариацию вну-

три страны. До сих пор эти два типа вариации изучались отдельно, мы же исходим из того, что межиндивидуальная дифференциация является результирующей различных групповых влияний¹. Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 3, каждая строка этой таблицы представляет отдельное регрессионное уравнение.

Как видим, «очищенные» влияния возрастных различий на индивидуальную ценностную дифференциацию значимы для 4 из 7 ценностных индексов и для ценностной оси *Открытость изменениям – Сохранение*; все значимые коэффициенты имеют положительный знак. Это говорит о том, что межвозрастные различия по ценностям Конформности-Традиции, Гедонизма, Заботы, и Самоутверждения, а также по ценностной оси *Открытость изменениям – Сохранение* вносят значимый вклад в индивидуальную дифференциацию населения по этим

¹ Включение F-статистики и стандартного отклонения в одно уравнение вполне корректно, поскольку стандартное отклонение – это величина, пропорциональная дисперсии, а F-статистика – это соотношение дисперсий. И поэтому сами по себе алгоритмы вычисления этих двух показателей не задают какого-то определенного знака связи между ними.

Таблица 3

СТАНДАРТИЗИРОВАННЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ ЛИНЕЙНОЙ РЕГРЕССИИ ДЛЯ ДЕВЯТИ РЕГРЕССИОННЫХ УРАВНЕНИЙ. РЕГРЕССИИ ВЫПОЛНЕНА НА СТРАНОВОМ УРОВНЕ (N=33 страны). ЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ – СТРАНОВЫЕ СТАНДАРТНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ ПО СЕМИ ЦЕННОСТНЫМ ИНДЕКСАМ И ДВУМ ЦЕННОСТНЫМ ОСЯМ

Зависимые переменные: внутристрановая межиндивидуальная дифференциация (стандартные отклонения) по ценностям:	Независимые переменные:			
	Показатель различий в значимости данной ценности между социально-классовыми группами EGP (F-статистика)	Показатель различий в значимости данной ценности между возрастными группами (F-статистика)	Средний уровень значимости данной ценности	Качество модели (R ²)
Безопасность	0,16	0,18	-0,53*	0,29
Конформность-Традиция	-0,14	0,60*	-0,38*	0,33
Забота о людях и природе	0,05	0,43*	0,55*	0,34
Самостоятельность	0,29	-0,35	0,04	0,15
Риск-Новизна	-0,08	0,19	-0,29	0,16
Гедонизм	-0,25*	0,59*	-0,57*	0,83
Самоутверждение	0,03	0,42*	-0,56*	0,59
Ось «Открытость изменениям – Сохранение»	-0,001	0,60*	0,22	0,50
Ось «Забота о людях и природе – Самоутверждение»	0,11	-0,02	-0,83*	0,76

* Коэффициент значим на уровне $p \leq 0,05$.

ценностям. На величину дифференциации по ценностям Безопасности, Самостоятельности и Риска-Новизны возрастные различия значимого влияния не оказывают¹.

Влияние межклассовых ценностных различий на индивидуальную ценностную дифференциацию в европейских странах по большинству ценностей статистически не значимо. Значим (и отрицателен) лишь коэффициент по ценности Гедонизма, но, по сравнению с влиянием возрастного фактора, он невелик.

Таким образом, влияние возрастных различий на внутристрановую дифференциацию ценностей, действительно, оказывается явно более существенным, чем влияние социально-классовых различий, причем речь идет об «очищенных» влияниях, когда контролируются оба рассматриваемых вида групповых различий, а также среднестрановая субъективная значимость ценностей.

Регрессионный коэффициент, характеризующий связь средней по стране субъективной важности ценностей с индивидуальной дифференциацией оказался тоже статистически значим для большинства ценностей. Показатели индивидуальной дифференциации по ценностям Безопасности, Конформности-Традиции, Гедонизма и Самоутверждения оказались свя-

¹ В моделях, в которых зависимыми переменными являются дифференциации по ценностям Риска-Новизны и Самостоятельности, ни один из коэффициентов не является значимым и поэтому качество моделей низкое (R² равен, соответственно, 0,15 и 0,16).

заны со среднестрановой значимостью этих ценностей отрицательно, т.е. более высокая среднестрановая значимость этих ценностей соответствует более низкой дифференциации². Противоположная по направлению связь имеет место для ценности Заботы о людях и природе: ее значимость связана с дифференциацией положительно, и это означает, что в странах с более высокой приверженностью Заботе дифференциация по ней оказывается выше, а в странах, где приверженность Заботе низка, низки и величины дифференциации³.

Значимость ценностей по оси *Забота о людях и природе – Самоутверждение* связана с внутристрановой дифференциацией этих ценностей отрицательно, причем эта связь очень сильна. Иными словами, чем выше значимость ценностей Самоутверждения (в ущерб Заботе), тем

² Вывод о преобладании положительных связей между значимостью ценности для населения страны и внутристрановым консенсусом подтверждается и на уровне простых корреляционных сопоставлений. При этом наибольшие корреляции между дифференциацией по ценности и ее значимостью в стране прослеживаются по ценностной оси *Забота о людях и природе – Самоутверждение* (-0,87) и отдельным ценностным индексам: Безопасности (-0,52), Риска-Новизны (-0,39), Гедонизма (-0,74), Самоутверждения (-0,63) и Заботы о людях и природе (0,43).

³ Рассмотрение среднестрановой значимости ценностей в качестве независимой переменной, влияющей на ее внутристрановое разнообразие, является лишь одним из вариантов соотношения между двумя этими переменными. Вполне допустимо рассмотрение и обратной связи, в которой степень дифференциации выступала бы причиной значимости ценности, или рассмотрение обоих этих показателей как параллельных следствий какой-то третьей переменной.

ниже дифференциация вокруг этих ценностей, а чем более значимы для населения страны ценности Заботы (в ущерб Самоутверждению), тем более дифференцировано население этой страны. Такая сильная взаимосвязь — это результат наложения двух тенденций: положительной связи между дифференциацией и значимостью Заботы о людях и природе и отрицательной связи — по ценностям Самоутверждения. (Отметим, что влияния на зависимую переменную со стороны возрастных и классовых различий в данной модели статистически незначимы).

Описанные связи между значимостью и страновыми стандартными отклонениями указывают на то, что существует взаимосвязь между средней по стране значимостью ценности и формой ее внутристранового распределения.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты, в целом, согласуются с выдвинутыми нами гипотезами.

Мы предполагали (гипотезы №№ 1 и 3), что постсоциалистические страны будут отличаться более низким, чем другие европейские страны, ценностным консенсусом, и что эта закономерность, прежде всего, проявится в отношении консенсуса по ценностям *Открытости изменениям — Сохранения*. Приведенные на рисунке 2 и 3 рейтинги европейских стран по величине ценностного консенсуса свидетельствуют о том, что по ценностной оси *Открытость — Сохранение* наименьший консенсус, действительно, имеет место в постсоциалистических странах Европы, которые сравнительно недавно прошли через радикальные социальные трансформации. В то же время в отношении консенсуса, касающегося ценностной оси *Забота о людях и природе — Самоутверждение*, подобной закономерности не наблюдается.

Мы также предполагали (гипотеза № 2), что внутристрановые различия по базовым ценностям между возрастными группами являются очень существенным фактором, влияющим на межиндивидуальный ценностный консенсус внутри страны, и фактором гораздо более сильным, чем межклассовые различия. Эта гипотеза подтвердилась — и при сравнении влияний каждого из упомянутых факторов в отдельности, и при регрессионном анализе, в котором влияние каждого из этих факторов рассматривалось при контроле за действием другого.

Возрастные различия в данном случае рассматриваются нами как индикаторы межпоколенных сдвигов в базовых ценностях населения — сдвигов, которые являются и

следствиями, и движущими силами социальных, экономических, политических и культурных изменений. Иными словами, высокая внутристрановая дифференциация ценностей населения постсоциалистических стран вызвана, в первую очередь, различиями между ценностями молодых и старших поколений. Неудивительно, что наименьший консенсус и наибольшая дифференциация ценностей наблюдается в России. Именно Россия была центаделью социализма, поэтому наблюдающиеся здесь межпоколенные ценностные сдвиги, происшедшие под влиянием революционной трансформации конца 1980-х-начала 1990-х гг. вполне могли оказаться наибольшими в сравнении с другими бывшими социалистическими странами¹. Понятно, что если социальные трансформации имеют более давний срок — такой, как например, революция 1968 года в неосоциалистических странах Европы, то их влияние на ценностный консенсус к началу 2000-х годов оказывается стертым: большинство населения этих стран прошло социализацию и прожило большую часть жизни уже в постреволюционных условиях².

Мы не выдвигали предположений о связи между значимостью ценностей и консенсусом. В нашем исследовании мы включили показатель среднестрановой значимости ценности в качестве контрольной переменной в регрессию, где зависимой переменной выступало стандартное отклонение как показатель межиндивидуального консенсуса в стране. По результатам анализа, четыре из семи ценностных индексов (Безопасность, Конформность-Традиция, Гедонизм и Самоутверждение) демонстрируют статистически значимые отрицательные связи значимости с дифференциацией (большая среднестрановая значимость ценности соответствует большему консенсусу населения по

¹ В одном из предшествующих исследований мы продемонстрировали наличие существенных межпоколенных ценностных различий среди российского населения (См.: Магун В., Руднев М. Международные сравнения базовых ценностей российского населения и динамика процессов социализации // Образовательная политика, 2010. №9–10. С. 65–72).

² При сопоставлении нормативных взглядов на семью у россиян и французов выяснилось, что в России статистически значимые различия между молодежью и старшими поколениями проявляются уже в группе 40–49-летних, а затем сохраняются и в более старших возрастах; во Франции же, пережившей глубокие социокультурные трансформации на 20 лет раньше, значимые различия появляются только у 60-летних. См.: Магун В.С. Нормативные взгляды на семью у россиян и французов: традиционное и современное // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 2 / Под ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. Москва: НИСП. С. 139–162.

этой ценности), и только в отношении ценностей *Заботы о людях и природе* наблюдается позитивная связь, при которой *большая* среднестрановая значимость соответствует, наоборот, меньшему консенсусу. Те же по смыслу соотношения проявились и в простых парных корреляциях между среднестрановой значимостью ценности и консенсусом вокруг нее среди населения страны.

Мы полагаем, что *Забота о людях и природе* принадлежит к числу ценностей, формирование которых требует наибольших образовательных и воспитательных усилий со стороны общества и самого человека. Не все общества могут мобилизовать ресурсы для подобных усилий, и даже тем обществам, которые могут себе это позволить¹, не удается охватить этими усилиями всех своих членов — отсюда неравномерность достигаемых при этом воспитательных результатов. Это похоже на неравномерность образовательного уровня, и, по аналогии, нетрудно представить, что в неграмотной стране (т.е. в нашем случае — стране с низким уровнем ценностей *Заботы*) внутристрановая дифференциация образовательного уровня будет ниже, а консенсус — выше, в сравнении со страной, где население широко вовлечено в образовательные процессы (или в нашем случае, где средняя приверженность ценностям *Заботы* более высока).

Если продолжить эту линию рассуждений, то можно заметить, что в отношении ценностей *Безопасности*, *Конформности-Традиции*, *Гедонизма* и *Самоутверждения*, значимость которых связана с консенсусом положительно, действует противоположная закономерность. Их формирование происходит под влиянием таких социальных факторов, которые императивно и *примерно одинаково* действуют на значимость этих ценностей у *всех членов общества*. Например, наличие угроз, возникающих вследствие определенной институциональной среды, порождает универсальную значимость *Безопасности*; бедность страны ведет к универсальной значимости у ее населения ценности *Самоутверждения*, наличие в стране дисциплинирующего давления общества и государства, или культура традиции, воспитывает у всего ее населения ценности *Конформности* и *Традиции*. В этих случаях, специальные усилия со стороны общества или самого человека приходится,

¹ Как мы показали ранее, это, прежде всего, страны с более высоким уровнем валового национального дохода на душу населения, который является индикатором общего высокого уровня экономического и социального развития (См.: *Магун В.С., Руднев М.Г.* Жизненные ценности российского населения).

наоборот, прилагать для того, чтобы снизить приверженность указанным ценностям. И поскольку имеющиеся для этого ресурсы всегда ограничены и ими не удастся охватить всех членов общества, то это и порождает большую неравномерность в приверженности людей этим ценностям в странах, где их средние значения оказались невысоки.

Обратим внимание, что в нашей трактовке ценности *Безопасности*, *Самоутверждения* и *Конформности-Традиции* формируются в обществах как результат тех или иных социальных *ограничений*, а ценность *Заботы* — как следствие возникающих в обществе *возможностей*. Консенсус по базовым ценностям обычно рассматривается как предпосылка сотрудничества и кооперации в обществе, а диссенсус — наоборот, как предпосылка конфликтов и культурных войн². Однако, наши результаты показывают, что дело обстоит сложнее. Например, в России есть лишь одна ценность в отношении которой имеется высокий внутристрановой консенсус, и это — *Самоутверждение*. Но ведь это как раз та ценность, консенсус вокруг которой по своему ее смыслу едва ли способствует развитию успешной кооперации: понимание того, что окружающие люди готовы пренебречь чужим благополучием для достижения собственного, порождает скорее недоверие и нежелание сотрудничать. Похожие по смыслу выводы можно сделать и применительно ко всему множеству европейских стран: высокий консенсус вокруг ценности *Заботы* связан в этих странах с ее *низкими* страновыми значениями, а высокий консенсус по ценностям *Безопасности*, *Самоутверждения* и *Гедонизма* — наоборот, с *высокими* страновыми значениями этих ценностей. Таким образом, применительно к тем базовым ценностям, которые были предметом рассмотрения в данной статье, тезис о консенсусе как предпосылке сотрудничества и кооперации в обществе, применим лишь частично.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внутристрановой консенсус по базовым ценностям, выделенным Ш. Шварцем, измерялся в 33 европейских странах, включая Россию, величиной стандартного отклонения индивидуальных ценностных индексов от странных средних.

В статье показано, что Россия принадлежит к числу европейских стран с низким межиндивидуальным ценностным консенсусом по боль-

² О культурных войнах см.: *Hunter J.D.* Culture Wars: The Struggle to Define America. New York: Basic Books. 1991.

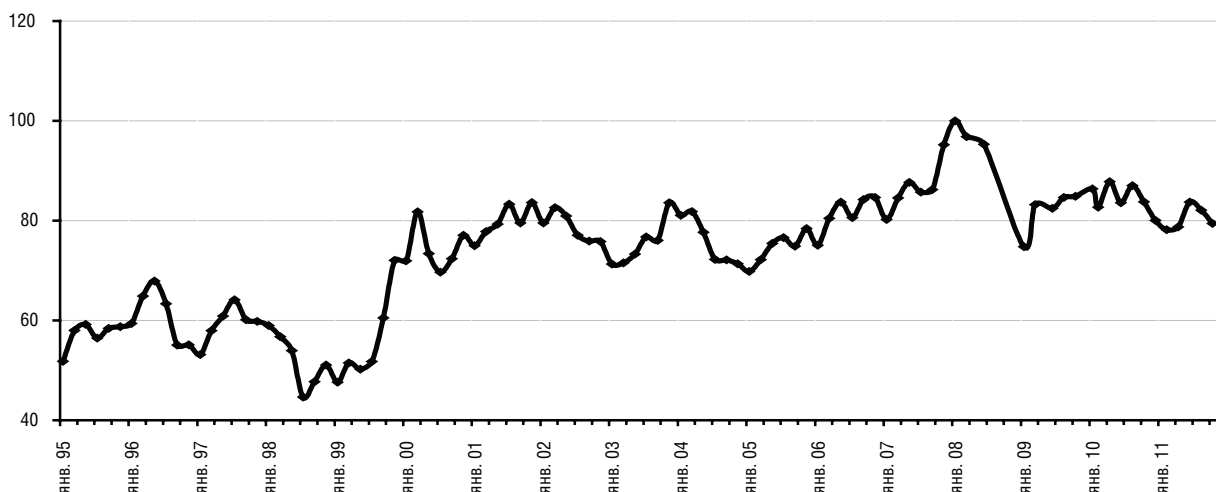
шинству базовых ценностей, а по ценностной оси *Открытость изменениям* – *Сохранение* и таким ее компонентам, как Конформность-Традиция, Риск-Новизна и Гедонизм, – к числу стран с наименьшим консенсусом. Большинство других европейских постсоциалистических стран тоже характеризуются низким консенсусом по ценностной оси *Открытость изменениям* – *Сохранение*, но, как правило, не такой низкий как в России.

Установлено, что сильной детерминантой внутристрановых различий людей по базовым ценностям являются межпоколенные различия, влияние которых оказывается гораздо более существенным, чем влияние социально-стратификационных (классовых) различий. Именно это обстоятельство и объясняет высокую ценностную дифференциацию (низкий консенсус) в России и других постсоциалистических странах, где налицо наиболее заметные ценностные разрывы между поколениями, возникшие под влиянием революционных трансформаций конца 1980-х-начала 1990-х гг., и, в свою очередь, способствовавшие дальнейшим социальным изменениям.

Несмотря на то, что средняя значимость ценности в стране и ее внутристрановая дифференциация – это разные показатели, в статье показано, что они связаны. С ростом средней по стране приверженности таким ценностям, как Безопасность, Конформность-Традиция, Самоутверждение и Гедонизм, внутристрановой консенсус по этим ценностям повышается, а с ростом приверженности страны ценностям Заботы о людях и природе консенсус, наоборот, снижается. Предложены объяснения этих взаимосвязей, основанные на разделении «естественного» состояния общества по отношению к той или иной ценности и тех состояний, для достижения которых от общества требуется мобилизация дополнительных ресурсов и усилий, которые, в силу своей ограниченности, распределяются неравномерно.

Поскольку внутристрановой консенсус часто связан с самой степенью выраженности у населения страны соответствующих ценностей, то тезис о консенсусе по базовым ценностям как предпосылке сотрудничества и кооперации в обществе оказывается не всегда справедливым.

7. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН), март 2008 г. = 100%

Индекс социальных настроений (ИСН) в октябре 2011 составил 111 пунктов, и это ниже уровня августа, когда индекс достиг 114 пунктов. Наиболее важные изменения последних месяцев связаны с одной стороны, с постепенным улучшением оценок положения семей респондентов, с другой стороны – ухудшением восприятия (снижением уровня одобрения) верховной власти в стране (президента и правительства). Впервые за историю наблюдений оценки текущего положения семей в среднем оказались выше, чем оценки действий властей страны. Ранее такая структура оценок периодически наблюдалась только в высокодоходных группах.

Вера ЗВЕРЕВА

Дискуссии о советском прошлом в сообществах сети «В Контакте»¹

Переосмысление событий истории в соответствии с приоритетами настоящего времени — распространенная социокультурная и политическая практика. В двухтысячные годы во многих странах прежнего «социалистического лагеря» и бывших советских республиках ставятся задачи конструирования национальной идентичности и самоопределения по отношению к советскому наследию. Выработка групповой солидарности даже в рамках одного государства дается непросто. Истории постсоветских и, шире, европейских стран настолько переплетены, что изменение интерпретаций прошлого, выделение и ресемантизация того или иного события одной стороной неизбежно вызывают ответные реакции в других государствах. Выбор дат и имен для коммеморации, трактовки событий в публичном пространстве становятся предметом переговоров, дискуссий и конфликтов. Состояние неопределенности в оценке недавнего прошлого или смена ориентиров на государственном уровне не только заставляют переписывать ученые труды и учебники истории, но и побуждают людей переосмысливать собственные и семейные воспоминания, отстаивать свои версии коллективной памяти.

В России и Украине ключевые факты истории СССР постоянно актуализируются в политической сфере: они используются для обоснования того или иного видения советского наследия, получают новые значения (например, интерпретация Голодомора или статуса Украинской повстанческой армии в 2000-х гг.), или за ними сохраняются старые трактовки (например, смысл Дня Победы в России)². Процесс национального позиционирования по отношению к прошлому включает введение новых памятных дат, пересмотр пантеонов национальных героев, возведение и снос памятников.

Особенно интенсивно процесс конструирования и артикуляции памяти идет в медиа: в газетах и журналах, на радио, в телепрограммах, в фильмах, литературных произведениях, в блогах и пользовательских видео создаются и тиражируются образы прошлого, адресованные различным группам зрителей и читателей. В старых и новых медиа ведутся сражения за право интерпретации коллективных и частных воспоминаний. В условиях плотности и высокой скорости обращения информации человек постоянно сталкивается с вызовами к самоопределению: стоит ли принимать или отвергать новые интерпретации исторических событий?

В 2000-е гг. для российских и украинских пользователей медиа Интернет стал актуальным пространством социальных взаимодействий и привилегированным местом для гражданских дискуссий. Исследователи пишут о том, что Интернет компенсирует слабость публичной сферы, в то же время, не являясь ее полным аналогом³. (Так, в этой среде нет иерархии важного и тривиального, нет особого статуса у рационального и аргументированного обсуждения, но есть яростные бои «всех со всеми», эмоции уравниваются с логикой, а политически и социально значимое — с фотографиями домашних любимцев и спамом). Социальные сети и блоги (например, «В Контакте», «Живой журнал», «ХайБлоггер») предоставляют пользователям удобные пространства, где они могут выразить свои мысли, поделиться чувствами и найти себе единомышленников.

Рассмотрим более подробно, каким образом в Интернете веб-пользователи устанавливают отношение к противоречивым событиям советской истории. Основным источником для изучения будут тематические группы, посвященные воспоминаниям о событиях российского и украинского советского прошлого, из социальной сети «В Контакте». Эта крупнейшая сеть, объединяющая миллионы пользова-

¹ Работа подготовлена в рамках проектной группы «Web Wars: Digital Diasporas and the Language of Memory in Russia and Ukraine» — части международного исследовательского проекта «Memory at War: Cultural Dynamics in Poland, Russia, and Ukraine» (Кембридж). <http://www.memoryatwar.org>

² См., например: *Портнов А.* Украинские образы Второй мировой войны // Вестник общественного мнения, 2011, №2. С. 86–92.

³ *Schmidt H., Teubener K.* «Our RuNet»? Cultural Identity and Media Usage // Control + Shift: Public and Private Uses of the Russian Internet / Ed. by H. Schmidt, K. Teubener, and N. Konradova. Norderstedt: Books on Demand, 2006.

телей постсоветских стран¹, стала тем местом, где представители больших цифровых диаспор, российской и украинской, обсуждают современные и исторические события и реинтерпретируют советское прошлое.

Зададимся вопросом, что цифровые медиа меняют в разговорах о прошлом? Какие новые черты коллективные и индивидуальные воспоминания приобретают в Сети? Что в групповую память привносит интерактивность?

В Интернет-сообществах память и воспоминания имеют процессуальный характер. Они производятся ситуативно, в соответствии с запросом и коллективными установками группы, и корректируются в ходе обсуждения размещенных постов и комментариев. Цифровые технологии требуют адаптации всех материалов к логике Интернета и его сервисов. Этот фактор влияет на риторику памяти и вызывает к жизни новые формы текстов, связанных с коммеморацией. В онлайн-общении производятся новые ритуалы поддержания солидарности в сообществах — совместного припоминания и оплакивания, высмеивания чужих версий истории и памяти.

Воспоминания в сети «В Контакте» представлены в виде вербальных и аудиовизуальных текстов, часто в повествовательной форме. Их изучение предполагает анализ языка памяти в широком значении: язык — речевое/текстовое поведение — нарративы памяти — коммеморативный дискурс.

Версии коллективной памяти, которые производятся и тиражируются в сообществах Интернета, не стабильны. На них влияют повестка дня и словарь СМИ; они должны отвечать приоритетам групп пользователей и утверждать определенное видение прошлого. Несмотря на прагматический характер и тесную связь с политической конъюнктурой, опосредованные медиа воспоминания становятся частью личного опыта членов сообществ.

Историческое событие. Изучение онлайн-сражений участников социальных сетей за «правильную» память о советском периоде заставляет обратить внимание на вопрос о том, как именно Интернет-пользователи понимают специфичность прошлого. Категория «истори-

¹ «В Контакте» — крупнейшая в Рунете социальная сеть, третий по популярности сайт в Украине и Казахстане, четвертый — в Беларуси. . . <...> В феврале 2011 года ежедневная аудитория социальной сети превышала 23 миллиона человек». — Википедия, http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5

ческое событие» играет ключевую роль для академического знания о прошлом. Проследим, как обращаются с ней пользователи, связывающие свой жизненный опыт с цифровыми медиа и высказывающиеся публично об истории, но не являющиеся профессиональными историками. Что происходит с событием прошлого, когда оно представлено и обсуждается в таких группах?

Применительно к советской истории можно говорить о привилегированных или избранных травмах, — определенных событиях прошлого, само упоминание о которых неминуемо вызывает полемику². В центре внимания российских и украинских юзеров «В Контакте» находятся события сталинского времени. Для украинских пользователей это Голодомор и борьба Украинской повстанческой армии в 1940-х годах³. Так, количество упоминаний Степана Бандеры во «В Контакте» несопоставимо с упоминаниями Симона Петлюры. Провозглашение украинских националистов, боровшихся за независимость во время Второй мировой войны, героями Украины в середине 2000-х гг. вызвало к жизни множество противоречивых реакций Интернет-пользователей. Для российских юзеров это темы об исторической роли Сталина, а также набор идеологем и высказываний, который объединяется ключевыми словами «Великая Отечественная война» и составляет основу постсоветской идентификации⁴. Именно эти знаки из истории СССР являются самыми тиражируемыми, а события — наиболее обсуждаемыми в тематических группах «В Контакте».

В Рунете и Укрнете есть много официальных ресурсов, созданных для сохранения памяти о знаковых событиях советского прошлого и для их обеспечения той интерпретацией, которая в настоящий момент востребована государством.

Например, <http://www.golodomor.kharkov.ua/> — Архив документов и свидетельств о Великом голоде в Украине 1932–1933 годов, подкрепляющий позицию, согласно которой Голодомор был актом геноцида по отношению к украинскому народу.

www.41-45.ru — Антиревизионистский российский сайт, представляющий рассказы и вос-

² *Volkov V.D.* Transgenerational Transmissions and Chosen Traumas: An Aspect of Large-Group Identity // *Group Analysis*. March, 2001. Vol. 34, № 1. P. 79–97.

³ См. подробнее: *Портнов А.* Родина-мать vs Степан Бандера. Экскурсия по избранным памятникам Второй мировой войны в современной Украине // *Отечественные записки*. 2008, № 5. С. 33–46.

⁴ *Дубин Б.В.* «Кровавая» война и «великая» победа. О конструировании и передаче коллективных представлений в России 1970–2000-х годов // *Отечественные записки*. 2004, № 5.

поминания ветеранов Великой Отечественной войны.

Такие ресурсы, позволяющие пользователям знакомиться с документами и воспоминаниями, дают больше возможностей для чтения и просмотра, чем для дискуссий. Но в мире Web2.0 подобные страницы содержат ссылки на группы в социальных сетях, предназначенные для неформального общения. Например: сайт «Я помню. Воспоминания ветеранов ВОВ» <http://www.iremember.ru/> отправляет читателей в одноименное сообщество «В Контакте» <http://vkontakte.ru/club23420673>.

Непрофессиональная история. В обыденном сознании распространена точка зрения, что историческое событие где-то существует как объективированная данность; к нему всегда применим инструмент оценки «это правда» или «это ложь», «это хорошо» или «это плохо». Что история зафиксирована в документах, лежит в архивах, и задача историка — добросовестно собрать факты. Считается также, что события прагматично используются политиками, которые скрывают исторические факты и манипулируют ими.

Взгляд на прошлое историков-профессионалов занимает сравнительно небольшое место среди иных форм отношения к прошлому. Популярная история, дающая возможность сделать прошлое полезным для настоящего времени, имеет в обществе гораздо более широкое распространение. Академическое знание о прошлом предполагает конвенциональное понимание того, что такое исторический факт, источник, историческая память. Но при трансляции за пределы профессионального сообщества такое знание теряет исходную «чистоту» во множестве компромиссов. Как и для академического историка, для интересующегося историей непрофессионала его версия того, что такое прошлое, является рабочей, операциональной: она решает необходимые задачи — иные, чем для профессионального историка, — и эффективно функционирует. Все это можно проследить на примере изучаемых сообществ «В Контакте».

1. Выбор исторического события. В группах «В Контакте» набор событий, дат и персонажей из советской истории, которые активно обсуждаются пользователями, очень ограничен. Участников сообществ мало интересуют факты ради них самих. В первую очередь, важны те, которые находятся в медиа ротации и значимы

для современной политики. Текущие дискуссии в этой социальной сети прямо связаны с информационной повесткой дня; сообщества медленно отзываются на статьи в прессе ссылками, материалами в постах и обсуждениями.

Так, в 2011 году, как и в предыдущие годы, множество онлайн-групп отреагировало на приближение даты 9 мая. Самые ранние упоминания этой даты спровоцировали обращение к семейной памяти (например, в ответах на вопрос «Где воевали ваши деды?»), размещение ссылок на встречи с ветеранами, на статьи СМИ об официальных визитах политиков и т.д.

Неравномерность репрезентации и различная значимость событий и травм прошлого прямо связана с их актуальной политической ценностью. Обсуждения в онлайн-группах, как правило, прагматичны: в них обращение к конкретному факту происходит в тех случаях, когда его можно привести в полемике с оппонентом. Документы публикуются тогда, когда они позволяют победить в споре. Воспоминания востребованы для подтверждения своей правоты. Иными словами, в изучаемых группах в историческом событии имплицитно присутствует его противоположная трактовка, в воспоминаниях — фигура противопоставления, в высказывании подразумеваются оппоненты.

Выбор событий, актуальных для пользователей, прямо связан с медиа, причем не только с официальными СМИ, но с повесткой дня в блогосфере. Пост, сделанный топ-блоггером, ньюсмейкером блогосферы, вызывает волну онлайн-обсуждений таких событий или документов, которые никогда не были бы в фокусе массового внимания без этого первого импульса.

Так, например, накануне Дня Победы в 2011 г. топ-блоггер, журналист Наталья Радулова опубликовала в своем блоге текст «Мой дорогой господин, я очень маленькая, я напугана, я не хочу умирать»: Резник Лейба, 1930 года рождения, рассказывает о ликвидации еврейского гетто в городе Янов-Полесский¹ со ссылкой на сайт «Я помню». Там этот документ вместе со многими другими находился в открытом доступе, не привлекая, тем не менее, особого внимания веб-пользователей. В блоге Радуловой сам факт публикации этого текста вызвал бурю эмоциональных реакций ЖЖ-юзеров. Пост собрал 1987 откликов, в которых комментаторы, в основном, яростно спорили друг с другом о необходимости или неуместности такой публикации, правдивости самого свидетельства,

¹ <http://radulova.livejournal.com/2225257.html>

трактовках еврейских расстрелов в годы войны, современной политике и т.п.

Для историка-профессионала историческое событие является результатом конструирования, итогом длительной работы, которая включает в себя отбор, кадрирование, именование и интерпретацию. В исследуемых группах можно найти наборы событий, которые были произведены в различные периоды, и в их именах обнаруживаются следы разных дискурсов.

Например, один набор слов-событий, вынесенный в описание группы ее участниками, «Великая Победа», «индустриализация», «полет Гагарина», — указывает как на продукцию советского исторического производства, так и на определенные идеологические предпочтения членов сообщества. Другой набор, связка «Русь — Российская империя — СССР — Россия» и ключевые слова «Наши герои — полководцы Победы»¹, отсылает к 2000-м годам, когда была актуализирована идея непрерывной «1000-летней российской истории», а коллективная идентичность стала еще сильнее опираться на идею «побед» государства.

Веб-пользователь, участник одной из таких групп, редко выбирает какое-то одно событие, но подписывается на набор знаков, связанных дискурсивно. Так, если в самоописании сообщества оказывается «белое движение», то, скорее всего, там будут присутствовать и ключевые слова «Российская империя», «красный террор», — темы, введенные в виде повествований в медиакультуре 1990-х и закрепленные в 2000-х годах. Вместе с упоминаниями событий («расстрел царской семьи») встречаются словосочетания, относящие читателя к медиа-ряду (например, «Романовы. Венценосная семья» — по названию одноименного фильма)². Выбор именно таких знаков в группе с самого начала задает определенную интерпретацию и указывает на отношение членов сообщества к событиям прошлого.

2. Функции события. Историческое событие в онлайн-группах работает как средство идентификации юзеров и установления их принадлежности к какой-либо общности.

Само по себе оно редко становится объектом обсуждения, но повышенный интерес пользователей вызывает вопрос «кто я?» в настоящем и по отношению к прошлому. Поскольку такая позиция часто определяется при

¹ <http://vkontakte.ru/id132540938#/club10391286>

² «Романовы. Венценосная семья» — художественный фильм режиссера Глеба Панфилова, 2000 г.

помощи тех маркеров, которые присутствуют в медийном обращении, выбор слов для самоописания скрепляет то или иное событие прошлого и актуальное отношение к нему.

Исторические события используются для самоидентификации пользователей: участники сообществ выражают свою солидарность и объединяются в борьбе против оппонентов. Обсуждение события становится отправной точкой для установления связей «свой — чужие». Часто целью дискуссии является не обнаружение новых фактов или доказательств, но производство солидарности с единомышленниками.

Например, группа «Слава ОУН-УПА та усім борцям за волю України!» — «Ми — за визнання ОУН та УПА борцями за Волю України на законодавчому рівні. У нас обговорюється: Україна, українська мова, Українська Повстанська Армія / Украинская Повстанческая Армия (УПА), Організація Українських Націоналістів / Организация Украинских Националистов (ОУН), Роман Шухевич, Степан Бандера, Євген Коновалець, Українські Січові Стрільці (УСС), Українська Народна Республіка (УНР), Західноукраїнська Народна Республіка (ЗУНР), Карпатська Україна та Карпатська Січ, Українська галицька Армія (УГА), Українська Національна Армія (УНА), Українське Визвольне Військо (УВВ), Дивізія СС Галичина / Дивизия СС Галичина, та багато іншого дискусійного матеріалу. Ти — українець чи просто патріот України? Тоді приєднуйся»³.

Распространенная особенность таких групп — их конфронтационный характер.

«Против бандеровцев, ОУН-УПА и прочих пособников фашизма». — «Группа посвящена изучению деятельности ОУН-УПА и её исторической оценке в контексте европейского коллаборационизма и национализма как такового. Мы осуждаем не только фашизм и национализм, но и правительства, которые поддерживают эти движения, а также пытаются оправдать преступления коллаборационистов в годы Второй Мировой. Группа НЕ ЯВЛЯЕТСЯ антиукраинской. Мы выступаем против тех, кого считаем палачами и предателями украинского народа — против вождей и командиров ОУН-УПА»⁴.

Разделение между членами оппозиционных коммьюнити является более сложным, чем противопоставление по национальному принципу. Чаще всего это не борьба виртуальных «украинцев» и «россиян». Пользователи делают

³ <http://vkontakte.ru/club1426357>

⁴ <http://vkontakte.ru/club1001828>

ся на группы на основе политических симпатий, граница проходит внутри одной гражданской нации. В приведенных выше примерах большинство членов обеих групп украинцы; в первой группе — не возражающие против политического союза с США, во второй — поддерживающие ориентацию государства на Россию. Идентификация с определенной политической стратегией страны в нынешнем времени непосредственно связана с тем, как участники сообществ оценивают роль Украинской повстанческой армии. Отстаивание своей правоты по вопросу, «кем были украинские националисты» времен Второй мировой войны, ведет к публикации нужных документов, воспоминаний, ссылок и к четкому определению позиции «с кем я — против кого».

3. Интерпретация фактов. Для историка-профессионала история линейна, в равной степени наполнена событиями. Их трактовки гораздо более сложны и разнообразны, чем черно-белое прочтение. Для ученого работа с событиями предполагает ряд рациональных процедур, она требует доказательств и аргументов, и так далее.

В Интернет-сообществах представлена популярная история, усиленная семейной и коллективной памятью. История мыслится как не обязательно линейная; значимые события, происшедшие давно, могут повторяться не один раз. Единичные факты извлекаются из контекста; они существуют «здесь и сейчас», давая аргументы для споров. Два или три ярких эпизода могут оттеснить на задний план длинный ряд противоречащих им свидетельств. Отношение к историческим фактам редко бывает нейтральным: часто публикация документов и воспоминаний вызывает эмоциональные бури и страстные обсуждения.

4. Негативная идентичность. Несмотря на идейное противостояние, многие участники онлайн-баталей разделяют постсоветский комплекс установок, которые описываются как «негативная идентификация»¹. Эта особенность делает аргументы противников и их коммуникативное поведение очень похожими.

Под негативной идентификацией подразумевается механизм предпочтения смысловой простоты — сложности, акцентирования своей уникальности и неподчиненности — общим законам и правилам («умом Россию не понять,

аршином общим не измерить», «особый путь» и т.п.), объединения не вокруг коллективно разделяемых ценностей и установок, но солидарности против чего-то или кого-либо. Декларируемая ненависть к «врагам» работает в качестве средства самоидентификации и консолидации группы.

Например, группа «Львів — Необрана Столиця Світової Свободи».

Описание: «Кожен, хто вважає, що Західно-Український світогляд, моральні цінності, свободолюбивість, галицький дух, — потрібно берегти; Кожен, хто гордиться тим, що він — Галичанин» <...>

Тема обсуждения: «За що ми ненавидимо москалів?»².

Такие сообщества предоставляют своим членам наборы врагов текущего дня. Здесь можно найти НАТО, Америку, СССР, фашистов, либералов, «москалей», «хохлов», сторонников оранжевой революции, евреев. Образы этих противников, так или иначе, проецируются на прошлое. Например, многие русские и украинские националисты единодушны в антисемитизме. Но для тех, кто одобрительно отзывается о союзничестве членов ОУН с немцами в годы Второй мировой войны, эта позиция часто оправдывается аргументом о «евреях-коммунистах», стоявших у власти в СССР. В свою очередь, у горячих сторонников Сталина, указывающих на его роль в победе над фашизмом, популярна мысль о том, что приверженцы союза Украины с НАТО стремятся «продать» Украину «мировому сионизму».

В комментариях к упоминавшейся публикации в блоге Радуловой много возмущенных реакций вызвало то, что у русского блоггера был помещен исторический документ (воспоминание о расстрелах евреев в начале войны немцами и украинскими полицейскими), составленный евреем и выражающим «еврейскую» (а не «русскую» или «украинскую») точку зрения. По логике комментаторов, это обстоятельство отменяло значимость документа: в публикации было ущемлено достоинство русских (поскольку русскому следует писать о страданиях на войне именно своего народа) и украинцев (потому что привлечение внимания к тому, что среди карателей были украинцы, бросает тень на весь народ).

Голоса русских и украинских националистов в боях за свою версию прошлого звучат очень отчетливо, выделяясь на фоне самых нейтральных проектов сохранения исторической памяти.

¹ Гудков Л.Д. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002. М.: НЛО, 2004.

² <http://vkontakte.ru/club8539079>

5. Объяснение. Из чтения материалов сообществ «В Контакте» складывается впечатление, что люди вступают в ту или иную группу с уже сформированными позициями по спорным вопросам (как трактовать роль Сталина в советской истории; как оценить участие украинцев в дивизиях «Галичина» и «Нахтигаль»; что думать о «красном терроре» или этнических чистках на территории Украины в годы войны, и т.п.). Тематические посты, тесты и обсуждения способствуют тому, чтобы утвердить человека в его мнении, и используются, чтобы попытаться переубедить сомневающихся. За значимыми событиями и личностями закрепляется набор описывающих их слов и фраз – готовых формул, которые заменяют развернутое истолкование смысла этих событий или действий исторических лиц.

Например, в опросе в группе «ОУН – УПА (Архив документов)» пользователям предлагается проголосовать, «С. Бандера, Р. Шухевич, Я. Стецько, Н. Лебедь – Кто они?». Выбор ограничен формулами: это «Герои и Патриоты украинского народа!» или «Позор и Предатели Украинского народа!»¹.

Такая разметка событий удобна для поиска материалов, а также для ясного обозначения своей позиции по отношению к прошлому. Использование в своих постах и комментариях таких маркеров означает отнесение себя к одной группе – «сторонников», и противопоставление другой – «противникам». Тем не менее, эта стратегия отменяет необходимость аналитического объяснения событий. Часто в обсуждениях исторических событий собеседники перебрасываются отшлифованными в медиа высказываниями; перед читателем – не интерпретация, но изменение значений одних и тех же знаков.

Прошлое в сообществах пользователей «В Контакте» не бывает нейтральным. Участники исторических событий предстают как герои или злодеи, смельчаки или предатели, палачи или жертвы. По словам одного из юзеров, объективная оценка фактов невозможна без определения собственного отношения к ним:

«Добро и зло находятся по разные стороны забора. На заборе сидеть можно, но... недолго – попе больно»².

Не удивительно, что участники онлайн-дискуссий предпочитают книги по истории, написанные не академическими учеными, но журналистами, которые привносят больше дра-

матизации в изображение прошлого. Разговоры о прошлом подчеркнута эмоциональны: живое чувство по отношению к «правде прошлого», как и в старых медиа – в фильме или в телепрограмме, реабилитировано по отношению к рациональной аргументации. Иногда историческое событие только служит отправной точкой для того, чтобы канализировать свое аффективное состояние. В качестве примера можно привести распространенную практику проведения творческих конкурсов в виртуальных сообществах, где участникам предлагается написать свои стихи, – о Голодоморе или Чернобыле. Такие конкурсы приносят много наивной поэзии.

В Рунете и Укрнете можно встретить не только рядовых медиа-баталей, использующих обезличенный формульный язык, но представителей тяжелой артиллерии³. Такие пользователи серьезно работают на полупрофессиональном публицистическом уровне, занимаясь разоблачением «исторических фальсификаций» с привлечением документов, свидетельств, архивных материалов. Несмотря на аккуратность источниковой базы и подробную аргументацию, в таких текстах нередко предстает страстная история, направленная против чьей-то версии, обращенная к медийной аудитории, сопровождаемая соответствующей языковой артификацией (язвительными выпадами в адрес оппонентов, иронией и сарказмом, речевой агрессией). Конечно, для такого рода работы требуется формат не социальных сетей, но как минимум блога, где возможны длинные посты и мультимедийная презентация.

С другой стороны, в изучаемых группах встречаются примеры того, когда одно только визуальное тиражирование знака идеологической позиции отменяет необходимость обоснования своей точки зрения. Для сети «В Контакте», где приветствуется краткость выражения мысли, такая стратегия утверждения своей правоты вполне подходит.

Сетевая логика. 1. Организация разговоров о прошлом. При изучении тематических сообществ «В Контакте», посвященных памяти о советском прошлом, можно было предположить, что в этой сети обнаружатся площадки общих дебатов о событиях российской и украинской истории. Однако поиск показал отсутствие единого специализированного комьюнити, где люди с противоположными точками зрения могли бы выдвигать аргументы и объяснять свою

¹ http://vkontakte.ru/topic-7186633_20636612

² http://vkontakte.ru/topic-1426357_3281945

³ Например, в «Живом журнале»: <http://novoross-73.livejournal.com/?skip=40>

позицию. Существует множество групп, больших, включающих тысячи и даже десятки тысяч человек, средних по численности и маленьких, с несколькими десятками участников, члены которых собирают материалы о разных исторических периодах. Одновременно есть большое количество сообществ, не специализирующихся на истории и памяти, где присутствуют элементы дебатов о прошлом и памяти, например, в группе, посвященной статусу русского языка в Украине или советскому детству. Среди этих групп нет центра и однозначной иерархии. Это сетевая структура. К ней неприменимы ожидания, идущие из книжной культуры, – найти «главное» место обсуждений, в котором все аргументы будут приведены в систему.

Логика сети предполагает, что обсуждения исторических событий разбросаны. Здесь можно встретить много заходов и внезапных окончаний разговоров о, например, роли Степана Бандеры для украинской независимости. Дискуссия начинается вне контекста, из ничего, и уходит в никуда. Разговоры в смежных группах движутся по кругу, одни и те же соображения приводятся без продвижения в споре. Онлайн-группы, в этом смысле, неудобны для изучения: их содержание не оправдывает ожиданий академического исследователя. Вместо содержательного разговора об исторической памяти обнаруживаются отрывочные ссылки, невнятные быстрые ответы на профильные для группы вопросы и контекстная реклама.

В то же время, по поведению участников видно, что такая ситуация их вполне устраивает. Это значит, что сетевая версия исторического прошлого успешно решает поставленные перед ней задачи и что они иные по отношению к целям и приоритетам профессионального историка. Большинство пользователей, общающихся в этих группах, не глубоко заинтересованы в самой истории. У обсуждений есть более значимая коммуникативная ценность. Кроме того, для веб-пользователей, спорящих о событиях прошлого, важна современная политика своих государств и собственная идентичность. Общение по поводу памяти о прошлом и исторических фактов позволяет подтверждать ее при помощи оговоренных в комьюнити маркеров, формул принадлежности к группе людей, разделяющих определенную идеологическую позицию.

Следует отметить также, что сама архитектура сообществ в социальных сетях определяет режимы обращения с историческим фактом. Остановимся на этом вопросе подробнее.

2. Кольца ресурсов и пакеты выборов. Многие онлайн-группы соединены с себе подобными сообществами: на этом низовом уровне поддерживаются взаимные ссылки между независимыми комьюнити. Сторонники той или иной точки зрения, желающие ее максимально распространить, выстраивают так называемое кольцо ресурсов – систему связанных перекрестными линками сайтов. Паутина ссылок компенсирует отсутствие одного главного сайта. При формальной независимости веб-страниц ссылки подсказывают юзеру траекторию дальнейшего движения по сети, направляя его к родственным сообществам. Множественность ресурсов, включенных в кольцо, работает на легитимацию определенных взглядов, в данном случае – на подкрепление «правильной» трактовки прошлого. В этих условиях, исторические события, как и их помещение в новые контексты, подчинены логике сетевой организации.

Например, группа, исследующая деятельность ОУН-УПА и определяющая свою позицию как нейтральную (сбор документальных свидетельств) и объективную – «ОУН – УПА (Архив документов)». В группе собрана информация по темам – «ОУН, УПА, СС Галичина, Нахтигаль, Роланд, Бандера, Шухевич». Обязательно наличие источника к каждому документу¹ размещает ссылку на следующее сообщество: «Группа славянофилов и тех кто стоит на позиции БРАТСТВА трех государств: Россия, Украина и Беларусь. Молодое объединение людей не безразличных к истории своей великой РОДИНЫ!!! Не допускающих искривление исторических фактов грязными националистами! И борющихся с проявлениями таких негативных явлений в обществе как нацизм, фашизм, экстремизм и т.д. всеми доступными и имеющимися способами»². Такая связка задает контекст прочтения документов первой группы. Далее ссылка на «славянофильской» странице ведет к группе, предельно далеко отстоящей от идеологической нейтральности: «NATO must DIE! Группа входит в Коалицию Антиамериканских групп КАГ»³.

В этом примере посетитель первого комьюнити может начать читать «Архив» документов, предполагая всестороннее рассмотрение интересующего вопроса. В то же время, система линков на сайте трактует события истории ОУН в контексте «нацизма», что парадоксальным, на первый взгляд, образом приводит

¹ <http://vkontakte.ru/club7186633>

² <http://vkontakte.ru/club7186633#/club8151654>

³ <http://vkontakte.ru/club7186633#/club6243>

к антиамериканским и шире — антизападным сообществам.

Памятные события, и в особенности события спорные, в этой структуре часто организованы в наборы, заранее снабженные интерпретацией. Так, человек, желающий определить свою точку зрения на ОУН, с самого начала навигации в сети «В Контакте» находит два пакета интерпретаций. Конечные пункты, к которым подводят эти наборы, — это не столько ответы на вопрос об ОУН, сколько ярко окрашенные идеологические послания. Утверждение, что члены ОУН виновны в коллаборационизме, нередко соединяется с имперскими посланиями, призывами восстановить СССР, восхвалением Сталина и сильным антиамериканизмом. В то же время, утверждение, что ОУНовцы являются национальными героями Украины столь же часто «упаковывается» вместе с антироссийскими настроениями, призывами к насильственной украинизации Восточной Украины, а также с антисемитизмом. В каждом случае связи между этими положениями производятся с помощью ссылок на другие группы, репостов и пользовательских рекомендаций интересных материалов.

Организацию выбора пользователей в такие пакеты можно связать не только с логикой распространения идеологием в социальных сетях, но и с культурой потребления в новых медиа. Она предполагает рекомендательный сервис, услугу, поставляемую вне зависимости от желания пользователя. Маршруты дальнейшего движения в Интернете формируются в зависимости от запросов предыдущих юзеров: предпочтение информационного продукта «А» перенаправляет пользователя к продукту «Б», поскольку именно так свой выбор сделали предыдущие клиенты. Эта функция — неотъемлемая часть структуры Web2.0. Она служит для упрощения навигации и выбора информации о продукте. В социальных сетях исторические события превращаются в такие информационные продукты, которые требуют консультаций и услуг для облегчения потребления.

Дискурс памяти. Коллективная память онлайн. Многие изучаемые сообщества используют для самоописания слово «память». Что имеется в виду под этим словом? Насколько применим концепт памяти по отношению к реалиям коммуникации в социальной сети?

Определенная сложность связана с тем, что в условиях разнообразия групп «память» не собирается воедино как концепт. В сообществах

постоянно обнаруживается не вполне память, память с оговорками.

Поиск по интересам сообществ «В Контакте» дает следующие результаты. Много групп созданы «в память» о каком-то ушедшем человеке, — знаменитости шоу-бизнеса или другие. Второй и третий по численности результаты поиска — группы, увековечивающие «память о Великой Победе» и посвященные воспоминаниям (обычно ностальгического характера) об СССР. За этими вариантами — своеобразный провал: иные варианты использования этого слова встречаются или в малочисленных группах, или количество обращающихся к ним сообществ сравнительно небольшое. Складывается впечатление, что другие темы из прошлого сами по себе не достаточно важны для того, чтобы вокруг них сложился ряд сообществ, в которых люди обменивались бы воспоминаниями.

По отношению к интересующему нас советскому периоду в сети «В Контакте» преобладает значение слова «память» в широком смысле. Это коллективная память, определенная версия каких-либо событий прошлого, разделяемая группой людей. Она объединяет непротиворечивый набор фактов, в который могут быть включены новые эпизоды из частных воспоминаний (и их интерпретаций), документы, свидетельства, подкрепляющие эту версию.

Коллективная память здесь имеет ясный идеологический подтекст. Выстроенные на ее основе истории подкрепляют или опровергают ту или иную картину прошлого, связанную с текущей политикой. Как отмечалось выше, коллективная память в онлайн-сообществах зависима от актуальных тем и языка медиа. Она функционирует для (вос)производства идентификаций членов группы с какими-то целями, установками, образами «я» и группы в настоящем.

Это значение не полностью совпадает с обыденным пониманием слова «память» с его семантическим шлейфом личного опыта, воспоминания и припоминания («я помню, что...», «мой воспоминания», «мне трудно вспомнить...» и т.п.). Тем не менее, сами участники групп, например, памяти о Великой Отечественной войне, относят к сфере воспоминаний коммеморацию — свои действия по публикации документов о войне, постов с памятными датами и именами героев, рассказов о собственном участии в официальных празднованиях и церемониях и т.п.

Тем не менее, важная составляющая этой коллективной памяти — фрагменты семейных воспоминаний, которые периодически появля-

ются на страницах сообществ. Коммеморативная работа важна для Интернет-пользователей. Участники коммьюнити охотно вступают в коммуникацию, которая часто инициируется другими медиа, демонстрируют высокую готовность связывать повестку дня в СМИ с частными семейными историями. Например, накануне Дня Победы как в целом в блогосфере Рунета и Укрнета, так и в изучаемых группах люди вновь и вновь возвращаются к публикации отрывочных рассказов или упоминаний о воевавших родственниках.

Такой разговор может идти и независимо от официальных поводов, — хотя это происходит гораздо реже. В опросе «Где служили и воевали ваши деды?» в сообществе «Звезда и крест», основанном украинскими юзерами, на первый взгляд, обнаруживаются привычные записи (имя родственника — чаще всего деда, место службы во время войны, сокращенная до нескольких слов история). Но эта группа объединяет людей, занимающихся поисковыми работами, реконструкцией, изучением событий и «Великой Отечественной» и «Второй Мировой». Поэтому с ожидаемыми рассказами о «наших» ветеранах здесь соседствуют еще пока непривычные другие истории: «По отцовской линии дед был негоден к строевой службе по зрению, но попал в ополчение и немного поучаствовал в Сталинградском побоище (до начала октября). Потом стал железнодорожником и гонял дрезины, часто попадал под бомбёжки. Выжил. Его родной брат воевал в рядах УПА, погиб на западе Украины в 1950-м. Брат моей бабушки со стороны отца вначале воевал в советской армии, потом попал в плен, позже изъявил желание воевать против советов, в итоге попал в дивизию СС «Галичина», в 1945м году, был пленён, попал в лагеря, вышел в 53-м, но долго не прожил, здоровье было подорвано.

Со стороны мамы дед не воевал, т.к. у него были травма, ещё до войны трактор ногу переехал. А вот его братья и братья его жены — отдельная история. Казаки, кто за советы, кто — в Вермахте».

«Hermann Gering: по маменой дед немец, полковник СС»¹.

В данном сообществе, изначально объединяющих людей с разными взглядами и общим интересом к военной эстетике, такие записи вызывают удивление и интерес. Можно представить негодующую реакцию на высказывание о деде — ветеране «Галичины» или Вермахта в сообществе, увековечивающем память о «Вели-

кой Отечественной войне», — но этого не происходит потому, что воспоминания, как правило, помещаются только в сообществах единомышленников. Они служат для подтверждения тех установок, которые уже разделяются в группе, и стимулируют узаконенные в этой среде эмоциональные реакции на определенные сообщения («гордость» — «возмущение» — «печаль» и т.п.).

Таким образом, под «памятью» в тематических сообществах «В Контакте» понимается констелляция письменных, визуальных, мультимедийных документов, свидетельств, воспоминаний и высказываний, подтверждающих какую-либо версию прошлого, работающую на определение идентичности участников группы в настоящем. Также к ней относятся ритуалы, формулы и практики коммеморации, включающие определенное коммуникативное поведение по отношению к предмету памяти, к участникам группы и оппонентам. Интернет-среда дает возможность участникам сообществ сделать память коллективным проектом, построенным на интерактивности. Это подразумевает совместное участие юзеров в производстве и потреблении приемлемых для группы интерпретаций событий прошлого, позволяет включать личные документы в общие архивы. В то же время, интенсивность общения и взаимодействия в группах увеличивает количество используемых штампов для обозначения своей точки зрения и речевых формул, которые ускоряют и упрощают коммуникацию в режиме реального времени.

Мультимедийность социальной сети предполагает использование разных технических средств репрезентации в зависимости от цели высказывания. Члены сообществ дополняют вербальные тексты визуальным рядом. Особым местом хранения и обсуждения свидетельств прошлого становятся онлайн-альбомы с фотографиями, плакатами и иллюстрациями. Среди циркулирующих в группах материалов — разнообразные аудио и видеофайлы, телепередачи, фрагменты кинофильмов. Отчасти такие материалы, например, героические или торжественные песни, трагические сцены из известных фильмов, помогают воспроизводить нужное настроение для нового переживания исторического события. Отчасти они компенсируют отсутствие собственной аргументации в отношении того или иного события. Так, популярная стратегия доказательства позиции — вставка видеоролика с интервью какого-либо историка или свидетеля прошлого, или размещение ссылки на текст, подтверждающий мысль участника группы.

¹ http://vkontakte.ru/topic-11363910_21481495#offset=40

Рассмотрим несколько примеров того, как строится дискурс памяти в изучаемых сообществах.

Case-studies. 1. «Памяти Великой Победы». Приватные воспоминания участников комьюнити — собственные впечатления от общения с дедами-ветеранами и истории о войне, рассказываемые в семье, — часто используются как аргумент в полемике с оппонентами, а также для того, чтобы выстроить отношение к официальной репрезентации прошлого. В группах, посвященных «сохранению памяти» о Великой Отечественной войне, личный язык разговора о прошлом или совпадает с официальным языком, или элементы последнего обрамляют и наделяют значимостью частные истории и свидетельства.

Так, сообщество «Памяти нашей Победы» включает свыше ста пятидесяти тысяч человек¹. Его описание: «Группа объединяет всех, кому дорога память своей семьи в эпоху Великой Отечественной войны. Мы хотим, чтобы люди вспомнили и сохранили историю своих родных и близких — это главное». В рубрике «обсуждения» участники собирают истории о людях, воевавших на той войне; в «альбомах» публикуют фотографии родственников и копии документов; размещают фрагменты фильмов и передач, музыку военных лет, и т.п. Ссылки на главной странице ведут к сводному банку данных «Мемориал» о погибших во время войны и базе данных «Подвиг народа» о награждениях во время войны.

Большое внимание в группе уделяется не столько воспоминаниям, сколько коммеморации. Ее негласные ритуалы включают ведение хроники войны (короткие записи о том, что происходило в этот день, например, «70 лет назад завершилась оборона Одессы»), публикацию фотографий героев войны, упоминания о торжественных церемониях и празднованиях, комментирование материалов с использованием торжественных формул («вечная память героям!» «слава!» и т.п.). Элементы разных дискурсов, имеющих отношение к коммеморации, смешиваются друг с другом.

Например, для ведения хроники используются выдержки из книг о войне, написанных формализованным языком «объективных фактов» (таких как «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945» в 6 томах, 1960 г.).

«16 октября 1941 г. советские войска заканчивают эвакуацию и оставляют Одессу. В 5 часов 10 минут утра из Одесского порта выходит последний транспорт с войсками. Вслед за ним Одессу покидают боевые корабли, принявшие на борт бойцов и командиров, которые прикрывали отход войск. <...>»².

Этот же текст обнаруживается и в Википедии (статья «Хроника Великой Отечественной войны»), и на разнообразных сайтах, ведущих «календари» и «хроники» войны.

С ним соседствуют личные истории — упоминания или воспоминания о дедах, написанные на живом разговорном языке с характерными для Интернет-общения чертами (неисправленными опечатками, ошибками, обыденной лексикой, паралингвистическими знаками).

«Мойдедушка, Архипов Семен Ильич, много рассказывал мне о войне. Он был тогда совсем молодым. Как-то он относил партизанам в кастрюле кашу (в рюкзаке). Его заметили немцы и стали обстреливать. Он еле убежал. Я до сих пор поражаюсь тому, что он был огорчен из-за того, что кашу не донес (нули попали в кастрюлю и она вся вылилась), а на самом деле ему нужно было радоваться, что остался жив... Я оч горжусь своим дедом, у него много медалей, орденов. Только жаль, что его сейчас с нами нет... Я считаю, что мы должны помнить своих предков. уважать их и помогать им...»³

Такие тексты, подчеркивающие оппозицию к формализованному языку отстраненного повествования, в то же время усиливают его звучание и подкрепляют его монументальность неправильностями и разнообразием частных деталей. В комментариях к попавшим в сообщество новостям из официальных медиа (таких как информационные программы центральных телеканалов) члены группы используют обыденный язык, иногда сопровождая его «высокими» формулами. Таким образом, разные дискурсивные пласты связываются в целое.

Заголовок новости: «В Москве открылся памятник фронтовым водителям Великой Отечественной войны» сопровождается видеороликом из новостей эфирного телеканала ТВЦ (11 ноября 2011).

Комментарии:

«Мой дед Заонегин Николай Иванович на такой машине возил хлеб в блокадный Ленинград, трижды он оставался чудом жив, машины уходили под лед».

¹ <http://vkontakte.ru/club2880392#/club68489>

² http://vkontakte.ru/wall-68489_37610

³ http://vkontakte.ru/topic-68489_44027?post=2375

«И памяти моего деда тоже, он водил полуторку по Ладог»¹.

В текстах сообщества соединяются устное и письменное: их гибридизация в новых медиа происходит не только применительно к письму как таковому, но и к различным ситуациям, в данном случае — к репрезентации прошлого. Семейные воспоминания участников группы хранятся, передаются и воспроизводятся онлайн в виде коротких рассказов. В таких рассказах делается очевидной параллель с устной историей, дополняющей книжную письменную.

«Мой дедушка из Барнаула, с Алтайского края... Воевал в том числе и в Тихвине... его за всю войну три раза ранило <...> Мне очень запомнилась одна история: Когда дедулю ранило, его положили на повозку с ранеными, их было много, лежали кучей просто, не до аккуратности, довести бы до госпиталя... Была бомбежка, лошадь бежала быстро, дорогу особо никто не разбирал, на кочке сильно подкинуло телегу... дедушка упал на землю... он рассказывал, что здесь он попрощался с жизнью, кто будет поднимать? Кто вернется? один он или все те, кто на возу? конечно все! Только он упал и телега отъехала, в нее попал снаряд... от телеги ничего не осталось... Дедушка потерял сознание... Очнулся он в госпитале... То, что, он думал, убьет его — его спасло...

У него очень много медалей, есть ордена. Он прожил 91 год. Моего дедушку звали Кокшенев Владимир Сергеевич»².

Границы события здесь совпадают с границами рассказа; у него есть сюжет и герои, он связан с определенными жанрами и их конвенциями. Как и в устной истории, в Интернет-сообщении сверхценно свидетельство, а не только доказательство. Факт человеческого переживания, подкрепленный свидетельством («так рассказали мои родные и друзья») претендует на моральную правоту, которая мыслится как более высокая, чем достоверность и документированность исторического эпизода.

Режим онлайн в обращении с памятью усиливает эффект живой истории: прошлое постоянно переживают заново, на воспоминания откликаются эмоционально. Приспособленный к цикличности медиа принцип ведения хроники — соединения каждого сегодняшнего дня с каким-либо событием войны, — тоже работает на «оживление» прошлого.

В материалах сообщества важны общие конвенции о том, что такое «воспоминание о войне». Большинство записей, включая семейные истории, опирается на повествовательные и речевые формулы. Группа вырабатывает неписанные правила, в каких формах могут быть произведены те или иные высказывания. В дискурсе коммеморации, таким образом, регламентированы комбинации сюжетов и языков описания, которые могут быть применены в определенных ситуациях.

Здесь рассказываются истории о героизме, страданиях, происшествиях на войне, или приводятся безличные напоминания о событиях, или прошлое «говорит» само за себя языком документов. Распространенные (а значит, конвенционные) реакции юзеров — упоминания о гордости за победителей, благоговении, благодарности, скорби, гневе, боли за сегодняшний день. Как уже отмечалось, большую роль в разговорах о прошлом играют маркеры — наборы ключевых слов и фраз, которые позволяют сделать разметку значимых событий и исторических личностей для быстрого выражения своей позиции.

В альбоме сообщества публикуется фотография, на которой запечатлена надпись на стене, сделанная в 1945 году: «Слава тебе, Советская Отчизна! Твои сыны до Берлина дошли!» Подпись к снимку лаконична и состоит из одной формулы из языка репрезентации, ставшего официальным: «Дошли до Берлина!».

В комментариях к этой фотографии участники группы в основном приводят типические высказывания. Это ставшая ритуальной горечь от утраты СССР: «конечно одна страна. И Казахстан и Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, Грузия и все советские республики. СССР — ЭТО НАША СТРАНА! все, что сделали с нами с развалом государства — наша трагедия».

Торопливое проговаривание личной формулы: «у меня дед полковник красной армии был ранен под берлином».

Каноническое в этом контексте чувство гордости, которое не требует объяснений: «дед моего любимого дошел до Берлина, а мой погиб в Польше, но я так им горжусь!!!»³.

Особое место в текстах пользователей принадлежит официальным формулам памяти и славы. Они суммируют разнообразные частные истории, возвращая их в пространство общей коммеморации.

«Всё начиналось с громкоговорителей на улицах, извещавших ленинградцев о нача-

¹ http://vkontakte.ru/wall-68489_39271?reply=39325

² http://vkontakte.ru/topic-68489_44027?post=54

³ http://vkontakte.ru/photo-68489_88582645

ле войны, страшный голод и холод зимой 41-42гг., бесконечные бомбёжки, потеря родных и близких, борьба за жизнь. *Никогда не забудем тех, кто выстоял в смертельной схватке, и кто погиб в ней*. — [Здесь и далее наш курсив — В.З.]¹.

«Я считаю, что нужно знать и помнить те подвиги, которые совершили эти доблестные люди! *Только так мы сможем сохранить о них память. И никогда нельзя забывать своей истории!*»²

«Прадед подорвался на mine 9 МАЯ 45-го, *слава и честь павшим за нас!!!*»³

«Рудник Андрей Андреевич — полковник красной армии всю войну начиная еще с финской. 9 мая 1945 года встретил в праже. Имел большое количество наград, среди которых медаль за отвагу. Двоюродный прадед был военным летчиком, по некоторым данным пропал без вести во время боевого вылета 9 мая 1945. *Вечная память героям!*»⁴.

Внутри группы выдерживается определенный дискурсивный порядок, предполагающий «правильный» и «неправильные» способы построения разговора.

Так, когда один из участников сообщества вывесил военную фотографию прадеда, прошедшего «от Ленинграда до Берлина», часть юзеров начала обсуждать не содержание снимка, но качество самой фотографии, цветность пленки, возможность фотографироваться на фронте. Стало складываться заинтересованное обсуждение деталей:

«— цветная пленка

— почти наверняка трофейная, в Советском Союзе тогда ее было не достать.

— Это фото на ч/б пленку, как ни странно. Цвета нанесли поверх. Если бы пленка действительно была трофейной, качество цветов было ошутимо заметно.

— Раскрашена то есть? Извиняюсь, не всмотрелся. Но кстати черно-белая пленка тоже была почти всегда трофейной, вплоть до 50-х годов».

Но в среде этот уходящий в сторону от тематики памяти и коммеморации разговор постоянно перебивался репликами других участников, которые не участвовали в дискуссии, но вставляли в беседу отрывочные формулы славы: «Низкий поклон ПОБЕДИТЕЛЮ...», «Ура победителям!», «Слава героям!!!»

¹ http://vkontakte.ru/topic-68489_44027?post=356

² http://vkontakte.ru/topic-68489_44027?post=877

³ http://vkontakte.ru/topic-68489_44027?post=2803

⁴ http://vkontakte.ru/topic-68489_44027?post=2804

«— Вообще, пленка и изделия из пластика и резины были популярными трофеями.

— *приклоняю колено*».

Такое сочетание обнаруживалось даже в одной фразе, где сам пишущий спохватывался, что пишет не по правилам, «не в тему»:

«Плѐнка не цветная- мне дед рассказывал что была такая х@рь- фотокраска специальная- видите у него голова чб...не в тему...*СЛАВА*»⁵.

В таком дискурсе прошлого встречается мало конфликтных и проблемных воспоминаний. Участники сообщества подкрепляют официальную репрезентацию Великой Отечественной войны своими воспоминаниями, выбирая соответствующие ей фрагменты из архива семейной памяти. Среди историй немного таких, в которых представлены другие опыты войны, — рассказы о пребывании в немецком плену, об обыденной жизни на оккупированных землях, о советских лагерях, коллаборационизме, расстрелах «своими своих». Поэтому люди, прошедшие войну, или герои или жертвы; руководители государства и военачальники, как правило, мудры и патриотичны; предатели — исключение, влекущее справедливую кару.

«<...> А еще у нас в Коми АССР жил мужик из Украины. Он после войны переехал в Коми и до 80-х годов жил там. Но решил как-то съездить домой. И его там арестовали. Оказывается, он во время войны был полицаем. Расстреливал коммунистов и сбрасывал их в колодец. Когда он в 80-х годах приехал в свою деревню, его там узнала одна бабка. Приговорили к расстрелу! Смерть предателям!!!»⁶

Этому, по-видимому, способствует политика модерации данной группы. Установка на сохранение единства в высказываниях ведет к тому, что комментарии, не вписывающиеся в общую картину, удаляются. Например, комментарий к записи на стене сообщества: «Да какой он нах герой? И хватит тереть комментарии которые невыгодны группе. Оставляют только лестные комменты». — Запись удалена.

Сомнения о прочтении событий прошлого, возникающие по тому или иному поводу участников сообщества, корректируются самими членами группы во избежание конфликтной интерпретации. Так, в фотоальбоме группы публиковался документ — письмо с фронта:

«Мы завоюем победу. Воины Красной Армии поклялись светлой памятью великого Ленина выполнить приказ нашего отца и учителя тов. Сталина в 1942 году. Окончательно разгро-

⁵ http://vkontakte.ru/photo-68489_5669382

⁶ http://vkontakte.ru/topic-68489_44027?post=1010

мить фашистских врагов и освободить советскую землю от гитлеровских мерзавцев. 27.6.42 года. Военком 1й батареи 7го гвардейского артиллерийского полка гв. ст. политрук Брагин».

Это письмо вызвало небольшое обсуждение: в первом комментарии выражалось сомнение, касавшееся содержания текста как пропагандистского: «двойное впечатление, как написал один солдат-во время атаки меньше всего думаешь о сталине, а здесь политрук показушку устроил».

В ответ другие комментаторы стали приводить аргументы, предназначенные для того, чтобы разрешить сомнение и «оправдать» это послание: «Думаю, что это в этом заключалась его задача, в духе того времени. Как то утешить родных».

«А что ещё писать оставалось? Другого написать он не имел права, да и военная цензура не дремала...»

Этот короткий тред завершился следующим высказыванием, призывавшим не развивать дальше неудобную тему и вернуться на привычную почву: «не это важно, важна только первая фраза. А самое важное, что они это сделали»¹.

Среди участников того или иного разговора обычно находится человек, не забывающий о повышении регистра обсуждения: «***Моего дедушку звали Кокшенев Владимир Сергеевич.

Уверен, что правильнее писать: з о в у т Кокшенев Владимир Сергеевич! т.к. наши г е р о и не умирают — мы с ними разговариваем, спрашиваем совета, и они нам эти советы дают»².

Описанные черты характерны для многих онлайн-сообществ, посвященных памяти о прошлом. Это соединение устного и письменного, опора на формулы из других медиа и официальной (поддержанной на уровне государственных институтов) репрезентации события, значимость конвенций о том, что составляет «правильную», т.е. разделяемую группой память, взаимная коррекция поведения участников группы с тем, чтобы они воспроизводили неписанные нормы сообщества. В то же время, приведенный пример специфичен. В данном комьюнити основным производимым продуктом является не только коллективная память, но солидарность его участников. Рассмотрим коротко некоторые другие возможности коммуникации в изучаемых сообществах.

2. Конфликтные воспоминания. Во многих группах, спорящих о прошлом, участники дис-

куссий придерживаются не просто разных, но взаимоисключающих точек зрения. В большинстве таких случаев при наличии «раздражителя» — противоположного мнения, — язык коммеморации легко переходит в язык вражды. Особенно ярко на наших примерах это прослеживается в сообществах, где российские и украинские юзеры обсуждают значение Голодомора и роль ОУН-УПА в Украине.

В таких группах идет борьба за коллективную память как за приоритет своей интерпретации прошлого. Спор о границах события и его трактовке становится отправной точкой установления связей «свои-чужие». Аргументы, как правило, вводятся при помощи экспрессивной лексики, а семейные воспоминания работают как наиболее сильные доводы в полемике. Отсутствие релевантных воспоминаний — знак неправоты оппонента. Например: «это был геноцид СОВЕТСКОГО народа.....И кстати *все эти оры о многих миллионах погибших — наглая ложь*»³.

«Олексію, ця неприємна тема стосується особисто мене. Я вам розповім скромну історію одного українського села (повірте, я не думаю що моя прабабуся брехала б мені): Було одне досить величеське село. Васильківка. Дніпропетровської області. І жила у ньому родина моєї прабабусі. Її мама, тато, 9 братів, 4 сестри (+сама прабабуся), 5 тіток (у кожній в родині було щонайменше 5 дітей, якщо разом то вийшло 29), 3 дядьки (у них разом 18 дітей). Великий рід у мене БУВ, чи не так? А потім прийшов вже відомий нам 32 рік. Прийшли солдати та повигрибали увесь врожай з комор. <...> Лишилася величезна родина з 14 дітьми без хліба, без будь якої їжі. Вона навіть розповідала як вони на 3 картошинах декілька днів жили...уявіть собі, що таке 3 картошини на 16 людей!!! Її мама втратила дитину, якою була вагітна. Наймолодшому брату було 1,5 років. Він помер першим. Потім почали помирати старші, бо їх годували гірше ніж молодших...все це закінчилося тим, що з усього того величезного роду лишилася лише моя прабабуся. Одна. Порахуйте, скільки людей померло? Відповідь: 67 осіб. Лише мого роду. <...> Таке було всюди. Кажете СОВЕТСЬКОГО НАРОДУ??? А от росіяни чомусь не визнають взагалі це за геноцид...будь-чого. *Мабуть згада-ти нічого, чи не так?!*»⁴

Спорящие разговаривают друг с другом на двух разных языках. Эта распространенная практика (писать так, как удобнее), но в дан-

¹ http://vkontakte.ru/photo-68489_88286705

² http://vkontakte.ru/topic-68489_44027?post=1180

³ http://vkontakte.ru/topic-4268996_10884757?post=215

⁴ http://vkontakte.ru/topic-4268996_10884757?post=217

ном треді вибор мови прирівнюється до вибору позиції по відношенню до Голодомору.

Поскольку свидетельства привлекаются для доказательства своей правоты, они встраиваются в дискурс не коммеморации, где должны считываться единообразно и непротиворечно, но полемики. Здесь с воспоминаниями спорят; их могут приводить «на вес», желая победить оппонента самим количеством рассказов очевидцев («нашу» версию прошлого поддерживает так много свидетелей, что она правильная).

Так, в группе «ОУН-УПА (Архив документов)» один участник собрал по разным личным журналам сети «В Контакте» 32 написанные независимо друг от друга истории – воспоминаний о зверствах бандеровцев и разместил их на одной странице в виде своеобразного листа памяти, свидетельствующего против ОУН-УПА.

«Моя прабабушка была обычным человеком. Она не принимала никакого участия в войне, так как ей было около 60-ти. Потом пришли эти ТВАРИ, и начали расстреливать людей (детей, женщин, стариков). После всего этого они сожгли деревню до тла. Дед это все видел. Он до сих пор не может вспоминать это без слез»¹.

Как и в приведенных выше примерах с коммеморацией Великой Отечественной войны речь также идет о живых эмоциях и непосредственном переживании прошлого. Но разница состоит в том, что близкие по сути воспоминания, где враг – гитлеровцы-фашисты, по своему каноничны. Пишущий рассчитывает на то, что читатель уверенно идентифицирует «добро» и «зло» в рассказе. В сообществах, где память – предмет конфликта, интерпретация не предписана. Похожий рассказ может стимулировать не только возвышенную скорбь, но повышать накал в споре, пробуждать ярость к современным противникам (оппонентам, которые видятся символическими наследниками врагов из прошлого), заставляя их в свою очередь приводить свидетельства, в которых знаки меняются местами.

Непосредственное переживание событий прошлого дополняется вербальной агрессией, которая рассматривается как полноценный аргумент в полемике. Одержат победу словами не менее важно, чем при помощи доказательств.

«а почему количество жертв еще в прошлом году было 8 млн, а сейчас особо сведомые кричат уже о 12-ти? и вообще, не у кого не вызывает сомнения такая цифра? это больше трети населения тодашней украины (по переписи 1926-го года было примерно 29 млн)! вопрос к

¹ http://vkontakte.ru/topic-7186633_22503523?post=1137

жителям западной украины: почему вы не обвиняете в геноциде поляков? забыли, что до 39-го года они хозяйничали аж до Збруча? или им можно?»²

«А знаете, чо москальські підари бояться визнати голодомор геноцидом? Бо їм доведеться знижувати ціну на газ, бо ми будемо країною, що постраждала від Срср. А росія є наступницею (з їхньої конституції) Срср.<...> Ви підари нах не розумієте, їби вас семеро, як це мати на 7 чоловік кіло гнилої картоплі, і виживати, і ще й допомагати сусідам. Ви не розумієте цього, бо ви це не пережили. <...>»³

«<...>Я згоден, що нацисти були трохи жорстокими, та вони хоч австрійців чи чехів голодом не морили. Та коли в Україні був голодомор, ГІТЛЕР!!! запропонував йобару-сталіну допомогу в його подоланні, та ця грузінська сука сказала, що в нас все добре»⁴.

Нередко сами пользователи «В Контакте» сравнивают свои действия с военными походами: «ВІРОДИМО ВЕЛИКУ УКРАЇНУ

Тут москалям можна пояснити, що таке ОУН-УПА.

Набираються добровольці в ударну групу, для проведення операції на ворожій території. Бажаним є знання з історії. Район дисантутвання: група “Против бандеровцев, ОУН-УПА и прочих пособников фашистов!”⁵.

Провокации, троллинг и преувеличенно циничные реакции на доводы противника рассматриваются как необходимое оружие, приближающее победу. В ряде случаев в битве слов они заменяются визуальными образами – демотиваторами, коллажами, видеоклипами: участники онлайн-полемике высмеивают значимые друг для друга памятные даты и события, стараясь при помощи стёба уязвить соперников.

Все эти способы борьбы за «правильное прошлое» делают само понятие разговора с оппонентами проблематичным. Граница с языком вражды прозрачна: часто «язык ненависти» становится более уместной категорией для изучения такого речевого поведения, чем язык памяти.

Отметим, что сокращение места рассказа о прошлом среди других коммуникативных практик в тематических сообществах «В Контакте» происходит и в группах единомышленников – в тех случаях, когда комьюнити опирается на близкий опыт всех его членов. Это видно на

² http://vkontakte.ru/topic-4268996_10884757?post=244

³ http://vkontakte.ru/topic-4268996_10884757?post=253

⁴ http://vkontakte.ru/topic-4268996_10884757?post=257

⁵ http://vkontakte.ru/topic-4268996_20076175?post=5636

примерах групп, культивирующих коллективную память в форме ностальгии, как в сообществах, посвященных счастливым воспоминаниям об СССР (о «нашем» советском детстве, советских мультфильмах, кино и т.п.). Развернутая артикуляция воспоминаний становится не столь нужной, если есть набор ценностно и эмоционально окрашенных маркеров, которые группа готова непротиворечиво считать.

3. Память как повод для коммуникации. В онлайн-группах чрезвычайно сильно ощущаются эффекты новых медиа, трансформирующие коммуникацию. Эффекты общения в социальных сетях и блогах до сих пор мало изучены. Это происходит не потому, что они скрыты. Наоборот, многие находящиеся на виду элементы коммуникационной системы могут быть легко приняты за неважные, за помехи, которые необходимо удалить, чтобы получить доступ к предположительно основным вещам. Под последними обычно понимается содержание высказываний. Но формальные аспекты Интернет-общения часто отодвигают такое содержание на второй план.

Представляется, что исследователям требуется пересмотреть статус и роль информационного шума, спама, а также мелочей, банальности, неполноты и постоянного повторения в повседневном производстве смыслов в онлайн-коммуникации.

В тематическом сообществе почти невозможно найти исчерпывающую информацию об интересующем историческом периоде или событии. Но полнота и не является целью членов сообщества. Запрос о целостности репрезентации, который имеет значение для других медиа (фильмов или исторических сочинений), часто неуместен. Большинство материалов разбросано: любая информация в таких группах может быть представлена в виде фрагментов. Фрагментация превращается в основной способ изложения фактов, выражения мыслей и эмоций. Внутри онлайн-групп результаты совместных дискуссий редко сохраняются в форме «окончательного» текста (как например в книге). Все материалы быстро обновляемы, подчинены процедурному характеру Интернет-взаимодействий.

В Интернет-обсуждениях знаки аргументации и причинно-следственных связей часто маскируют отсутствие аргументов, причин и следствий. По сравнению с содержательным продвижением в обсуждении предмета, приоритет отдается коммуникации как таковой. В этом

смысле стоит обратить внимание на явление циркуляции материалов — пересылку, распространение информации внутри и между группами в форме репостов, ссылок, цитат и т.д., а также эмоций, чувств, стилей поведения. На фоне этого текучего, напоминающего круговорот, обращения информации, в которой значимое перемешано с тривиальным и с шумом, роль отдельного, даже самого содержательно важного высказывания нивелируется. В то же время, неуместные на первый взгляд рекламные вставки, смешные пустяки и даже перерывы в общении выполняют свои задачи: они помогают организовать комфортное пространство для расслабленного или интенсивного взаимодействия.

Простота сообщений, поток не относящихся к делу сведений, а также постоянные повторы наделяют формальные аспекты общения смыслом. К проговариванию одних и тех же сюжетов группа может возвращаться не один раз: новые участники разговора могут заново проходить все те стадии полемики, которые уже были пройдены прежде другими пользователями. Повторение, как и в устном общении, является основой обсуждения. Оно помогает активизировать определенные чувства по поводу исторического события (печаль, ужас, или гордость). Вместе с декларативными заявлениями, повторы позволяют воспроизводить солидарность в группах. Даже отсутствие какого-либо содержания не составляет никакой проблемы для участников, так как важна их принадлежность к сообществу.

Приведем два примера, когда память о прошлом мыслится участниками комьюнити как повод для коммуникации. Первый — сообщество, посвященное памяти о строительстве Байкало-Амурской магистрали, легендарного в поздние советские времена БАМа.

«БАМ и бамовцы — стройка и люди — не только студенты, но и гражданские (“бичи” — шутка), военные ЖДВ, других войск. БАМ вчера, сегодня и завтра. Принимаются “физические лица” т.е. со СВОИМИ ФОТО»¹.

В этом сообществе люди обсуждают события советского прошлого и делятся воспоминаниями по частным причинам — из своего личного опыта. Сегодня строительство БАМа находится вне сферы внимания СМИ. Но оно существует как исторический факт для тех, кто считает его частью своей биографии. Члены группы идентифицируют себя со «свидетелями», «участниками» или «выжившими». Производство онлайн-памяти о событии здесь

¹ <http://vkontakte.ru/bamovcy>

означает размещение личных фотографий и историй; однако какой-либо дальнейшей работы с прошлым не ведется. События используются для того, чтобы начать общение: члены этой группы ищут своих потерянных друзей, встречаются и знакомятся с новыми людьми. Коммуникация — главное, что имеет значение для членов сообщества, и ради нее происходит обращение к общему и индивидуальному опыту и прошлому. Ограниченность языка описания этого события (связанная с неразработанностью этой темы в современных медиа) и репертуара персональных воспоминаний, при отсутствии официальных или конфликтных версий этих событий, ведет к тому, что участники разговора быстро покидают территорию «памяти».

Разговоры о памяти и истории часто превращаются в фатическую, производящую и транслирующую знаки общения коммуникацию без информации. Повседневные чаты с виртуальными друзьями становятся все более важной составляющей группового общения в тематических комьюнити о памяти.

Например, в сообществе, созданном в память о катастрофе на Чернобыльской АЭС, состоит свыше 61 000 членов¹.

«Чернобыль... Двадцать пять лет назад, в апреле 1986 года это страшное слово прозвучало на всю планету, возвестив миру о самой масштабной катастрофе XX века — взрыве на 4 энергоблоке Чернобыльской АЭС, унесшим жизни десятков тысяч людей».

Это огромное число участников образует свое сообщество, в котором популярные разговоры далеко уходят от заявленной темы. На популярной площадке в группе «Курилка» размещено около 33 000 записей: люди виртуально чокаются и пьют друг с другом, болтая о пустяках². В другой «чернобыльской» группе «Wiki. ЧАЭС. Чернобыль. Припятъ. Помним, скорбим» эти слова на заглавной странице соседствуют с «Прикольной игрой» («Перед тем как зайти-загадай “да”, “нет” или “естественно”»), которая не кажется нескольким сотням ее участников неуместной по отношению к тематике группы³.

Заключение. В новых медиа память о советском прошлом продолжает быть значимым предметом для обсуждения. Для российских и украинских веб-пользователей темы и сюжеты советской истории постоянно актуализируются в современной медиакультуре и политике. Про-

екция сегодняшних идеологических споров на прошлое подталкивает их к активному обсуждению версий исторических событий и вариантов коллективной памяти в социальных сетях, — в таких пространствах, где непрерывное взаимодействие и интенсивная горизонтальная коммуникация во многом определяют содержание разговора.

Коммеморация и коллективная память в онлайн-группах тесно связывается с семейной памятью. В то же время, членов групп «В Контакте» в большей мере волнует не прошлое как таковое и не академический подход к историческому факту, но расстановка «правильных» знаков в отношении событий советской истории. Борьба за интерпретацию спорных событий прошлого превращается в сражение знаков. Хотя идеологии текущего момента часто заменяют анализ, тем не менее, участники сообществ полагают, что имеют дело именно с прошлым и памятью о нем.

Историческое событие в изученных группах — это главным образом средство идентификации человека и установления своей принадлежности. Повышенный интерес вызывает ответ на вопрос о своей идентичности и отношении к большим группам (народ, нация, государство) в прошлом и настоящем. Поскольку такой выбор в настоящее время связан с теми маркерами, которые есть в медийной и политической ротации, он скрепляет то или иное событие прошлого с идеологической позицией по отношению к нему в настоящем. Часто событие прошлого и коллективная память служат лишь отправной точкой для выстраивания новых связей между людьми, а также для самоопределения и офлайн-действий.

В дискурсе онлайн-памяти и коммеморации важную роль играют лексика и речевые штампы из других СМИ и официальной репрезентации исторических событий. Собственные Интернет-формулы также упрощают выработку конвенциональных точек зрения на прошлое. Способы обсуждения воспоминаний и документов в группах прямо зависят от того, насколько ее члены единодушны по отношению к современной политике в сфере государственной памяти.

Архитектура новых медиа имеет большое влияние на содержание дискуссии. Тип связи, который задается дизайном социальных сетей, сглаживает различия в содержании сообщений и предлагает пространство, в котором все более значимым фактором становится коммуникация ради коммуникации.

¹ http://vkontakte.ru/chernobyl_world

² http://vkontakte.ru/topic-10604266_23064977?post=74

³ http://vkontakte.ru/topic-8216316_20095676

Владимир ПАНИОТТО

«Кризис в методах опроса и пути его преодоления»: соображения по теме международной конференции (Киев, 28–29 октября 2011)

Идея проведения конференции была порождена проблемами с традиционным face-to-face (F2F) опросом. Мой тезис состоял в том, что методы опроса во всем мире переживают кризис, response rate падает, face-to-face интервью заменяется телефонными и интернет-опросами, но для Украины и России эта замена не дает возможности проводить опросы, репрезентативные для всего населения.

Обсуждение, однако, показало, что не все согласны с этим тезисом и вообще с существованием кризиса. Высказывалось мнение, что кризиса нет, а есть естественное развитие и повышение требований к надежности и валидности результатов. По всей видимости, мы имеем разный опыт и разные потребности в зависимости от типа исследований. Например, академические или academic directed исследования с очень большими сложными анкетами вообще не имеют особых альтернатив face-to-face интервью и не испытывают потребности переходить на другие методы. Итак, первый вывод или первая идея:

Целесообразно рассматривать ситуацию с методами опроса отдельно по крайней мере для 3-х ситуаций: правительственные или академические исследования с очень сложными анкетами, опросы общественного мнения (в частности, электоральные и социальные опросы) и маркетинговые исследования, которые часто озабочены репрезентативностью не для всего населения, а для определенных целевых групп.

Интервью face-to-face по месту жительства во многих случаях могут быть заменены аккуратно проведенными уличными опросами (с

взвешиванием по частоте выхода на улицу). Часто искренность респондентов в таких опросах выше, чем в квартирных. Если на европейских и американских конференциях чаще всего обсуждались mix-mode surveys, основанные на комбинации интернет-опросов и CATI¹, то на нашей конференции представители четырех организаций упоминали в качестве удачного примера свой опыт комбинации квартирного и уличного опроса.

Маловероятно, что face-to-face интервью будет заменено безличным опросом, многие виды опроса не могут быть заменены заочным общением. Интернет может не только вытеснить face-to-face интервью, но и наоборот – способствовать его дальнейшему развитию. В частности, уже сейчас face-to-face интервью может проводиться с помощью Скайпа (Skype).

Большинство face-to-face интервью проводится маршрутным методом. Однако переход на адресный метод может существенно улучшить ситуацию и повысить response rate. Правда, для этого может понадобиться провести первоначальную перепись первичных единиц отбора (например, избирательных участков), попавших в выборку. Кроме того, адресную выборку не любят интервьюеры. Так что этот метод дороже, но он лучше.

Вообще, высказывалось мнение, что кризис не в том, что падает response rate, а в том, что у нас мало денег и мы не хотим платить респондентам. Двадцать лет назад гостеприимные ре-

¹ CATI (Computer Assisted Telephone Interview) – система автоматизированного компьютеризированного телефонного интервью для проведения маркетинговых исследований или социологических опросов.

спонденты приглашали интервьюеров пить чай с печеньем, а мы к этому привыкли и норовим провести интервью бесплатно, никак не оплачивая респондентам затраченное время. Просто этот вид опроса стал дороже, надо это осознать самим и донести до сознания заказчиков. Надо больше платить – и будет все в порядке (хотя, конечно, возникает еще проблема излишней кооперативности респондентов, но с ней проще бороться, чем с падением response rate).

Response rate в face-to-face интервью падает, но это еще не катастрофа. Не надо фетишизировать этот показатель, качество данных зависит и от других факторов, в частности, от разницы характеристик ответивших и не ответивших, если эта разница невелика, то качество данных будет высоким даже при низком response rate. Необходимо иметь более полную систему показателей, оценивающих качество данных, а также пытаться получить оценки характеристик тех, кто не ответил, – эта информация позволит взвесить полученные данные и компенсировать падение response rate. В наибольшей степени эта стратегия разработана для панельного исследования домохозяйств.

Развитие указанного выше подхода как более универсального состоит в идее «реагирующего дизайна» – такой дизайн состоит из двух и больше фаз, причем в первой фазе (которая очень напоминает методический эксперимент) собирается дополнительная информация, – так называемые, параданные – которая используется в последующих фазах. Например, в первой фазе используют разные методы сбора информации на разных подвыборках или разные версии опросников (короткая и длинная) или разное число звонков. Кроме того, собирается информация об опыте интервьюеров, об участках, на которых будет проводиться исследование (нежилые здания, характеристики инфраструктуры, препятствия, угрозы для интервьюеров и т.п.), а также характеристики ситуации и процесса интервью (время суток, дни недели, время, затраченное на поездку и т.п.). Все эти данные используются для оценки вероятности провести интервью на следующей фазе исследования. Вся эта информация используется для изменения дизайна исследования, приспособления его к условиям опроса и для последующей коррекции, последующего взвешивания данных опроса.

Недостаточное развитие Интернета еще не значит, что нам нечем заменить F2F интервью. Да, мы отстаем от западных стран по информационным технологиям, в Украине только треть

взрослых, а в России 44% взрослых доступны по Интернету, но это уже немало. Есть такие категории населения, которые почти поголовно охвачены Интернетом, к ним уже можно не посылать интервьюеров и не звонить. В частности, это студенты, а также многие профессиональные группы. И в маркетинге, когда нужно найти очень редкие группы населения и уже не до репрезентативности (например, тех, кто пил «Столичную», но переключился на «Горилку з перцем»), то Интернет-опросы незаменимы.

Комбинирование стационарных и мобильных телефонных опросов (dual-frame mode) весьма перспективно, но имеет много проблем (в каких пропорциях и каким образом соединять обе базы, как привязать стационарные телефоны к территориям, как уменьшить число «пустых» номеров). Пока что мало опыта проведения таких опросов и подход, изложенный в докладе Тимура Османова (Фонд «Общественное мнение»), не с чем было сопоставить. К тому же оказалось, что Россия и Украина несколько отличаются по способу привязки номеров мобильных телефонов к территориям (точнее, в Украине они никак не привязаны). В целом ясно, что пока что нет отработанной технологии проведения таких опросов.

Опыт mixed-mode исследований тоже был весьма ограничен. Опыт Киевского международного института социологии (КМИС) в политических исследованиях оказался отрицательным (mixed-mode CATI с face-to-face интервью позволил сократить сроки исследования, но не повысил качество данных), к тому же он был локальным (опрос в Киеве). Опыт ГфК-Русь, представленный в докладе Татьяны Белокопытовой, относился к маркетинговым исследованиям и был, к сожалению, единственным, в котором систематически анализировались проблемы mixed-mode или multy-mode surveys, комбинирующих F2F PAPI¹ с CATI или с On-line опросами. Выделены разные типы комбинирования, в частности, 1) комбинирование способов коммуникации с респондентами и 2) использование разных методов для разных подвыборок. Сложной проблемой является измерение эффекта метода на результаты опроса, поэтому первый метод является менее рискованным. Важным аспектом является вовлеченность заказчика в выбор дизайна исследования и оценку рисков.

А нужны ли вообще опросы? Все больше и больше информации мы получаем без опросов,

¹ PAPI (Performance Application Programming Interface) – переносной интерфейс.

в частности, путем фиксации информации о реальном поведении (покупках) респондента с помощью кредитных карточек. Например, пока не было пиплметров, подключаемых к телевизору, нужны были опросы, а сейчас дневники телесмотра ушли в прошлое. То же самое происходит с ценовыми исследованиями, сканирование штрихкодов вытесняет описание SKU¹. В странах, где люди шире используют кредитные карточки и где проверяется кредитоспособность — о многих людях известно, где они работают, что они покупают, что едят, куда ездят, сколько денег тратят, какие газеты выписывают и т.п. Нужно шире использовать технические возможности и информационные технологии (идея отказа от опросов годится,

¹ SKU (Stock Keeping Unit) — складской номер, идентифицирующий тот или иной товар.

вероятно, прежде всего для маркетинговых исследований)

Response rate упал не только в face-to-face интервью, те же интернет-опросы только-только превращаются в главный метод сбора информации — и уже имеют те же проблемы. Государство должно поддерживать важные крупномасштабные исследования (в Германии уже сейчас респонденты не имеют права отказываться участвовать в государственных социологических исследованиях). Возможно, в будущем будут формироваться случайные выборки и все, кто в них попал, будут освобождены на полдня от работы и обязаны отвечать на вопросы социологов (как сейчас в США случайно отобранные граждане обязаны участвовать в суде присяжных).

АВТОРЫ НОМЕРА

ВЕРХОВСКИЙ Александр Маркович (Информационно-аналитический центр «Сова»)

ГУДКОВ Лев Дмитриевич (Левада-Центр)

ДУБИН Борис Владимирович (Левада-Центр)

ЗВЕРЕВА Вера Владимировна (Институт всеобщей истории РАН; РГГУ)

ЗОРКАЯ Наталья Андреевна (Левада-Центр)

МАГУН Владимир Самуилович (Институт социологии РАН; НИУ ВШЭ)

ПАНИОТТО Владимир Ильич (Киевский международный институт социологии)

РУДНЕВ Максим Геннадьевич (Институт социологии РАН; НИУ ВШЭ)

ХАХУЛИНА Людмила Александровна (Левада-Центр)

ЯСТРЕБОВ Гордей Александрович (НИУ ВШЭ)

SUMMARY

Contemporary Discursive Confrontation of Russian Nationalists and Federal Authorities (by Alexander Verkhovsky). Changes in nationalistic rhetoric of «the first figures», political parties, social movements, mass media during two recent years are examined in the article. This rhetoric focuses in fact on two points – problems of people of Caucasian origin and the phenomenon of the so called ethnobanditism, i.e. allegedly increased criminal activity of ethnic minorities in Russia. The rhetoric of «inter-ethnic conflicts» in social discourse was given a new impulse by the riots in Manezhnaya square in Moscow in December 2010. The author analyzes the changes in the following these events statements of the first figures of the country (V.Putin and D. Medvedev), representatives of regional elites, leaders of political parties including «out-of system opposition» (V. Milov's group «Solidarnost'»), of nationalistic movements and their leaders (M. Remizov, K. Krylov), of religious organizations (Vsev. Chaplin). The author draws a conclusion that the authorities' claims for desirable unification of the country as well as the social forces reaction to them still look vague and contradictory.

The Character of the Russian Society Stratification in Comparative Context (by Gordey Yastrebov). The author believes the approaches developed by Western sociologists for describing the structure of social inequality to be not quite adequate for the situation having been established in Russia in recent decades. The author thinks the conception of real (homogeneous) social groups that had been being developed actively in the 1970-s by Russian sociologists (O.Shkaratan and others) to be more appropriate. Based on its basis the secondary analysis of the data of the Russian population representative surveys carried out under O. Shkaratan guidance in 1994, 2002 and 2006 shows that Russian society remains largely the outcome of the former, Soviet institutional system. Social inequality in contemporary Russia stems from division defined by the place of people

in the system of property relations and in power hierarchy. Moreover, in Russia, in contrast to some post-Socialist and developed Western countries, opportunities of social upward mobility are connected to a great extent with individuals' social background which testifies to extremely low level of chances equality in the Russian society.

Business Community Confidence in Courts of Arbitration and Evaluation of Arbitration Judicial System (by Lyudmilla Khakhulina). The paper is based on the data of two waves of top officials and chief lawyers' surveys at more than 1600 enterprises in Russia carried out by Levada Center in 2010 and 2011. The data showed a considerable level of respondents' confidence in Higher Arbitration Court, as well as in Arbitration Courts in regions, areas, Republics. The level of confidence depends on the experience of participation in law-suits and on how, in business community opinion, the courts work quality is evaluated (objectivity, professionalism in the consideration of a case), the level of their independence or corruptness. There is no unanimity in the opinion on whether an independent and effective system of Arbitration Courts has established in Russia during recent 20 years, a more positive attitude being expressed by lawyers and those enterprises representatives who have got an experience of solving controversial issues in the Court. But views on the main drawbacks of contemporary Arbitration Courts system are stable enough. The principal of them are dependence of courts on the authorities of various levels; corruptness, bribery; formalism, nonobjective consideration of cases.

Leaving Russia as a Social Diagnosis and Life Perspective (by Lev Gudkov, Boris Dubin, Natalya Zorkaya). The analysis of this problem is based on the data of numerous surveys of population and «advanced» groups that had been conducted by Levada Center for more than 20 recent years. During this period a continuous process

of migration of various types (labour, educational, etc.) was taking place which in its main features is normal in contemporary world. The share of people who think of leaving the country in this or that way remains stable and rather high in Russia. These dispositions have increased during last year and 22% of adult Russian respondents in May 2011 reported their wish to leave Russia, the share of those who had made «a resolute decision» and «were preparing for departure» being below 3%. The share of those who had never thought of departure has evidently decreased recently.

Consensus and Determinants of Value Differentiation in Russia and Other European Countries (by Maksim Rudnev and Vladimir Magun). Within-country value consensus on Schwartz basic human values was measured in 33 European countries (Russia including) by the standard deviation of value indexes individual scores from the country averages. As compared to the other countries Russia has low value consensus on most of the values and the lowest one on value axis *Openness to Change – Conservation* and such its constituents as Conformity – Tradition, Stimulation and Hedonism. The most of ex-communist countries has low value consensus on *Openness to Change – Conservation* as well. The intergenerational cleavage is the single most influential determinant of within-country value differences much more important than social class cleavages. This is why such a low value consensus takes place in Russia and other ex-communist countries – these very countries where the largest generation gap has happened due to revolutionary transformations of the end of 1980-ies and beginning of 1990-ies. In spite of the difference in meaning between such measures as the country value average and consensus on this value they are not independent. With increase of average

commitment to Security, Conformity-Tradition, Self-Enhancement and Hedonism the within-country consensus on each of this value increases also, and with increase of commitment to Self-Transcendence consensus goes down. Taking into account these relationships and the explanation suggested the authors conclude that widely approved thesis on consensus as a prerequisite of cooperation between members of society has only limited warranty.

Discussions of the Soviet Past in the Net Community «In Contact» (by Vera Zvereva). The author analyzes «the languages of memory» (selection of historical events, their interpretation, conflicts of both) in comparative aspect on the material of memories about the events of the Russian and Ukrainian history of the XXth century in Internet discussions in these two countries. Turning to history is for the participants first of all a means of collective identification, of establishing their belonging to national society on the whole, large collectives, a particular family. Special attention is paid to the analysis of poorly as yet studied effects of Internet as a new medium transforming communication in its own way: the author comes to a conclusion that a type of connection which is established by the design of social nets smoothes the differences in the contents of messages and provides a space for the participants where communication for the sake of communication is becoming more and more significant for them.

Scientific Life. Vladimir Paniotto describes and comments on reports and discussions of International Conference «Crisis in Survey Methods and the Ways of its Overcoming» that took place in Kiev in October 2011.

СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2011 ГОДУ

	№	Стр.
<i>Ашкинази Л., Кузнецова А.</i> Декларация о чтении как самопрезентация (по материалам Интернета)	3	101–105
<i>Бизюков П.</i> Динамика трудовых протестов в России (2008–2011)	2	29–37
<i>Блоков И.</i> Лесные пожары в России	2	66–76
<i>Бондаренко Н.</i> Россияне о бедности и богатстве, доходной и социальной дифференциации	2	53–65
<i>Борусяк Л.</i> Любовь, секс, партнерство: ориентации московских студентов	2	99–116
<i>Борусяк Л.</i> Образование в России: возможность реформ и воздействие коррупции (по дискуссиям на Интернет-форумах)	3	38–51
<i>Верховский А.</i> Эволюция постсоветского движения русских националистов	1	11–35
<i>Верховский А.</i> Современное дискурсивное противостояние русских националистов и федеральных властей	4	5–18
<i>Волков Д.</i> Рост общественной активности в России: становление гражданского общества или очередной тупик?	2	8–28
<i>Гудков Л., Левинсон А.</i> Образ Сахарова в общественном мнении: 20 лет спустя	1	87–101
<i>Гудков Л.</i> Россияне об Израиле	3	110–116
<i>Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н.</i> Отъезд из России как социальный диагноз и жизненная перспектива	4	46–80
<i>Дубин Б.</i> Дело ЮКОСа, общественное мнение, правовая культура россиян	1	57–62
<i>Дубин Б.</i> Коллективная амнезия как форма адаптации: перестройка и девяностые годы в оценках «нулевых»	2	93–98
<i>Дубин Б.</i> Архив и высказывание. К социологии музея в современной России	3	106–109
<i>Зверева В.</i> Дискуссии о советском прошлом в сообществах сети «В Контакте»	4	97–112
<i>Качкаева А.</i> Лидеры России на телевизионном экране	1	63–86
<i>Красильникова М.</i> Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену	1	36–50
<i>Красильникова М.</i> Интегральные показатели социального самочувствия	1	109–117
<i>Кулык В.</i> Языковые практики и представления граждан Украины: социально-демографический аспект	3	82–92
<i>Левинсон А.</i> Институциональные рамки старости	3	52–81
<i>Лёзина Е.</i> Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ)	3	17–37
<i>Николюк С.</i> Конец белорусского «чуда»	2	77–85
<i>Николюк С.</i> Беларусь: между кризисом и катастрофой	3	93–100
<i>Новикова А.</i> Система управления в милиции: конструирование виртуальной реальности с реальными пострадавшими	2	38–46
<i>Олейник А.</i> «Офисный планктон» как ресурс существующего политического режима?	2	47–52
<i>Паниотто В.</i> «Кризис в методах опроса и пути его преодоления»: соображения по теме международной конференции	4	113–115
<i>Пашин А.</i> Проблемы и перспективы судебной реформы в России	1	51–56
<i>Полетаев Ю., Перфильева Е.</i> О музыкальных предпочтениях россиян	1	102–109
<i>Портнов А.</i> Украинские образы Второй мировой войны	2	86–92
<i>Руднев М., Магун В.</i> Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран	4	81–96
<i>Рябов А.</i> Постсоветская общественная модель: характерные особенности и современное состояние	1	5–10
<i>Хахулина Л.</i> Доверие бизнес сообщества арбитражным судам и оценка арбитражной судебной системы	4	32–45
<i>Ястребов Г.</i> Характер стратификации российского общества в сравнительном контексте	4	19–31

LIST OF PUBLICATIONS. 2011

	№	P.
<i>Ashkinazi L., Kuznetsova A.</i> Declaration of Reading as Self Presentation	3	101–105
<i>Bizyukov P.</i> Dynamics of Labor Protests in Russia in 2008–2001	2	29–37
<i>Blokov I.</i> Forest Fires in Russia	2	66–76
<i>Bondarenko N.</i> The Russians' Ideas on Poverty and Wealth, on the Nature of Income and Social Differentiation	2	53–65
<i>Borusyak L.</i> Love, Sex, Partnership: Moscow Students Orientations	2	99–116
<i>Borusyak L.</i> Education: Possibility of Reforms and Impact of Corruption	3	38–51
<i>Dubin B.</i> UKOS Court Case, Public Opinion, Legal Culture in Contemporary Russia	1	57–62
<i>Dubin B.</i> Collective Amnesia as a Form of Adaptation	2	93–98
<i>Dubin B.</i> Archive and Utterance: Towards the Sociology of Museum in Contemporary Russia	3	106–109
<i>Gudkov L.</i> The Russians about Israel	3	110–116
<i>Gudkov L., Levinson A.</i> Image of A. Sakharov in Public Opinion: 20 Years Later	1	87–101
<i>Gudkov L., Dubin B., Zorkaya N.</i> Leaving Russia as a Social Diagnosis and Life Perspective	4	46–80
<i>Kachkayeva A.</i> Russian Leaders on TV Screen: Putin Phenomenon and Medvedev «Code»	1	63–86
<i>Khakhulina L.</i> Business Community Confidence in Courts of Arbitration and Evaluation of Arbitration Judicial System	4	32–45
<i>Krasilnikova M.</i> The Culture of Poverty. Post-Soviet Comments on Veblen	1	36–50
<i>Krasilnikova M.</i> Integral Indicators of Social Well-Being	1	109–117
<i>Kulyk V.</i> Language Practices and Attitudes of Ukrainian Citizens: the Socio-Demographic Aspect	3	82–92
<i>Levinson A.</i> Institutional Frames of Aging and Old Age in Russia	3	52–81
<i>Lezina E.</i> The Sources of Change in Official Collective Memory (Lessons from the Postwar West German Experience)	3	17–37
<i>Nikolyuk S.</i> The End of Byelorussian «Miracle»	2	77–85
<i>Nikolyuk S.</i> Belarus: between Crisis and Catastrophe	3	93–100
<i>Novikova A.</i> The System of Management in Militia	2	38–46
<i>Oleinik A.</i> «Office plankton» as a resource for the existing political regime?	2	47–52
<i>Pashin S.</i> Issues and Prospects of Judicial Reform in Russia	1	51–56
<i>Paniotto V.</i> «Crisis in Survey Methods and the Ways of its Overcoming»: Considerations on the theme of International Conference	4	113–115
<i>Poletayev Yu., Perfilyeva Ye.</i> On Musical Preferences of the Russians	1	102–109
<i>Portnov A.</i> Ukrainian Images of World War II	2	86–92
<i>Rudnev M., Magun V.</i> Value Consensus and Determinants of Value Differentiation in Russia and Other European Countries	4	81–96
<i>Ryabov A.</i> Post-Soviet Social Model: Characteristics and Current Situation	1	5–10
<i>Verkhovsky A.</i> The Evolution of Post-Soviet Russian Nationalist Movement	1	11–35
<i>Verkhovsky A.</i> Contemporary Discursive Confrontation of Russian Nationalists and Federal Authorities	4	5–18
<i>Volkov D.</i> Rise of Public Activism in Russia: towards Civil Society or another Deadlock?	2	8–28
<i>Yastrebov G.</i> The Character of the Russian Society Stratification in Comparative Context	4	19–31
<i>Zvereva V.</i> Discussions of the Soviet Past in the Net Community «In Contact»	4	97–112

**ПОДПИСНОЙ КУПОН
ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2011 год**

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное вписать)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 240 руб. (включая НДС 10%)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии» платежным поручением № _____ от _____ на расчетный счет

40703810100010000119 в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу: _____

Куда. _____

Кому. _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Предпочтительный способ доставки (почта, самовывоз)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 16, или на электронный адрес direct@levada.ru, или на факс (495)229-38-25

Редакция осуществляет подписку на **электронную версию** журнала (файл формата PDF).

Стоимость подписки на один номер — 118 рублей (включая 18% НДС).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (495) 229-38-10 или пишите на direct@levada.ru

* Стоимость подписки следует уточнить по тел.: (495) 229-38-10 или по электронному адресу

direct@levada.ru

ORDER FORM

for 2011

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussion

1 issue – USD 22

1 year subscription (4 issue) – USD 88

January–March

April–June

July–September

October–December

Subscription fee for _____ issue Quarterly

USD _____ transferred to:

Beneficiary: Levada-Center, RUSSIA, Credit-Moscow

Bank. SWIFT code : CRMORUMMXXX

Acc. № 40703840400010000119

113054, Russia, 6-th Monetchikovsky, 8

Correspondent Bank: Commerzbank, Neue Mainzerstrasse 32-36, 60311, Frankfurt/Main, Germany

acc. № 400/8866709/00 SWIFT code: COBA DEFF

Please send the Journal to:

Name _____

Address _____

City _____

Please fax this order form to: +7(495) 229-38-25 or mail it to direct@levada.ru to Levada-Center, 16 Chernyakhovskogo Str, Moscow, 125319, Russia.

For further information, please contact us via email direct@levada.ru or by phone +7(495)229-38-10